П-10.
Р-152.

РЕПЕРТУАРЪ

И

ПАНТЕОНЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

И. ПЕСОЦКИМЪ.

Т959. Хоп.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

1846.

ТОМЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЗ.
1846.

ГОСУДАРСТВЕН. А...
Ленинградск... ...ная
Б...
имен... ...РСКОГО
... ДРАМЫ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, 12 октября 1846 года.

Цензоръ *А. Никитенко.*

РЕПЕРТУАРЪ и ПАНТЕОНЪ.

№ 12. СОДЕРЖАНІЕ. 1846.

I. Рождество Христово. Стихотвореніе *Долгинова*. 401

II. Матеріалы для исторіи театра. Русская драма и русская сцена, *А. Григорьева* 404

III. Разбойникъ. (*Баллада Вальтера-Скотта*). 410

IV. Красноярскій купецъ. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. *И. Акселя*. 412

V. Элегія. Стихотвореніе *П. К.* 452

VI. Маскарадъ въ Оперномъ-театрѣ или проказы женатаго. Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, переводъ съ французскаго *А. И. Андреева*. 454

VII. Была пора, друзья коварные. Стихотвореніе *П. К.* 505

VIII. Черкешенка. Повѣсть. (*Окончаніе*). 506

IX. Юмористика. Торжество супружеской вѣрности или Мексиканцы въ Лапландіи, оперное либретто. *Жулевистова*. 585

X. Смѣсь. *Фельетонъ*. Ссора m-lle Рашель съ г-номъ Бовале. — Превращеніе контръ-альта въ теноръ. — Факты, доказывающіе вліяніе музыки. — Актеръ Офманъ и англійскій мошенникъ. — Сборъ французскихъ театровъ. — Кредиторы и публика. — Фанни-Эльслеръ въ Римѣ. — Болѣзнь по заказу. — Пожаръ Гаррикова театра въ Лондонѣ. — Венгерская публика. — Мужъ возмутитель общественнаго спокойствія. — Балаганная вывѣска. 605

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ. (НОЯБРЬ.)

I. Иностранные театры. — Парижскіе 87

II. Русскіе театры.

С. Петербургскіе.

Александрынскій театръ. *А. Григорьева* 98

Михайловскій театръ.

а) Французскіе спектакли. *В. Петрова* 112

b) Русскіе спектакли. *А. Андреева* 118

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

ИВАНА ГЕВЕНА,

на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго-моста, въ домѣ г-жи Энгельгардтъ,

принимается подписка на журналы и газеты на 1847-й годъ.

(Цѣны на серебро.)

ЖУРНАЛЫ:	Безъ пересылки и доставки. Рубли.	Коп.	Съ пересылкою и доставкою. Рубли.	Коп.
Библіотека для Чтенія, 12 книгъ	15	—	16	50
Отечественныя Записки, 12 книгъ	15	—	16	50
Сынъ Отечества, 12 книгъ	15	—	16	50
Современникъ, 12 книгъ.	15	—	16	50
Финскій Вѣстникъ, 12 книгъ.	10	—	11	50
Репертуаръ и Пантеонъ Театровъ	10	—	11	50
Москвитянинъ, 12 книгъ.	12	85	12	85
Звѣздочка, дѣтскій журн. старшаго возраста.	3	—	4	50
Звѣздочка, дѣтскій журн. младшаго возраста.	3	—	4	50
Revue Etrangere, съ картинами модъ	23	—	23	—
— — — безъ картинъ модъ	19	—	19	—
Христіанское Чтеніе, 12 книгъ	6	—	7	50
Гирлянда, Журналъ новѣйшихъ образцовъ для шитья и вышиванія, 12 тетрадей	12	—	13	—
Журналъ шитья и вышиванія	10	—	10	—
Журналъ Министер. Народнаго Просвѣщенія	10	—	11	50
Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ	7	15	7	15
Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ.	7	15	8	50
Журналъ Коннозаводства и Охоты	9	—	10	—
Горный Журналъ	9	—	9	—
Военный Журналъ	4	50	4	50
Журналъ Мануфактуръ и торговли	7	—	7	—
Военно-Энциклопедическій Лексиконъ	3	—	3	—
Военно-Медицинскій Журналъ.	5	—	5	—
Лѣсной Журналъ	3	—	3	—
Записки Ветеринарной Медицыны	5	—	6	—
Журналъ Ветеринарной Медицыны	13	—	13	—
Нувелистъ, музыкальный журналъ.	10	—	11	50
Русскій Пѣвецъ.	15	—	16	50
Императоръ Александръ I и Его сподвижники, 52 тетради. (3-й годъ).	15	—	16	50

Господа иногородные благоволятъ адресоваться въ вышеозначенный магазинъ, на имя Ивана Ѳедоровича Гевена; — всѣ требованія исполняются съ первою почтою.

РЕПЕРТУАРЪ и ПАНТЕОНЪ,

издаваемый И. Песоцкимъ,

будетъ продолжаться и въ слѣдующемъ 1847 году, девятомъ отъ начала изданія.

Объявляя о продолженіи «Репертуара и Пантеона», издатель его считаетъ своей обязанностью извѣстить публику, что отнынѣ *онъ одинъ* исключительно завѣдуетъ изданіемъ, какъ въ первые годы существованія этого театральнаго сборника, когда онъ почтенъ былъ такимъ лестнымъ ея довѣріемъ. Считая излишнимъ дѣлать какія либо обѣщанія, онъ смѣетъ увѣрить только, что будетъ держаться всегда тѣхъ же самыхъ правилъ, на основаніи которыхъ издавался «Репертуаръ» въ 1839 и 1840 годахъ, то есть:

а) Въ «Репертуарѣ» будутъ помѣщаемы піесы, *игранныя на сценѣ* и *имѣвшія успѣхъ*, не менѣе двухъ въ каждомъ №, т. е. не менѣе 24 піесъ въ годъ. Редакція считаетъ совершенно излишнимъ входить въ разсмотрѣніе литературнаго достоинства имѣющихъ успѣхъ піесъ, предоставляя судъ надъ ними самой публикѣ, которой приговоры всегда и во всякомъ случаѣ правѣе приговоровъ одного или даже многихъ частныхъ лицъ. Задача «Репертуара» — быть представителемъ движенія современнаго русскаго театра — и въ этомъ заключается даже заслуга его въ будущемъ.

b) Содержаніе «Репертуара» въ будущемъ году будетъ слѣдующее:

I. Піесы, *исключительно игранныя.*

II. Матеріалы для исторіи театра:

a) Біографіи артистовъ, драматическихъ сочинителей, композиторовъ, музыкантовъ, великихъ художниковъ и вообще людей замѣчательныхъ въ области искусства.

b) Записки и мемуары, касающіеся до театра.

c) Драматическая библіографія.

III. Повѣсти и романы, переводные и оригинальные.

IV. Юмористика.

V. Смѣсь, анекдоты и мелочи, — театральные слухи и извѣстія, водевильные куплеты.

VI. Театральная лѣтопись:

a) Иностранные театры.

b) С. Петербургскіе театры.
1) Александрынскій. } Рецензентъ *А. А. Григорьевъ.*
2) Большой. }
3) Нѣмецкій. } Рецензентъ *В. П. Петровъ.*
4) Французскій. }
c) Московскій театръ.
d) Провинціальные театры.
e) Концерты и извѣстія обо всемъ замѣчательномъ въ области искусства.

VII. Афиша С. Петербургскихъ и Московскихъ театровъ.

VIII. Приложенія:
a) Музыка водевильныхъ куплетовъ.
b) Портреты артистовъ.
c) Въ случаѣ надобности, современные костюмы.

c) Литераторы, до сихъ поръ принимавшіе въ «Репертуарѣ» дѣятельное участіе, будутъ продолжать печатать въ немъ свои произведенія. Въ слѣдующемъ году будутъ напечатаны въ «Репертуарѣ» два романа польскаго романиста Крашевскаго, — «Панъ Твардовскій», перев. С. П. Побѣдоносцева — и «Подъ Итальянскимъ небомъ», перев. А. А. Григорьева.

Будучи вынужденъ въ нынѣшнемъ году переписываться съ господами *иногородными*, подписавшимися не въ означенныхъ редакціею мѣстахъ, я считаю долгомъ объяснить, что подписка исключительно принимается или въ газетныхъ экспедиціяхъ С. Петербургскаго и Московскаго почтамтовъ, или въ конторѣ изданія, находящейся при магазинахъ М. Д. Ольхина, въ *Петербургѣ*, на Невскомъ проспектѣ у Аничкова моста, въ домѣ Завѣтнаго, — въ *Москвѣ*, на Тверской, въ домѣ Мятлева.

Всѣ статьи, присылаемыя господами желающими учавствовать въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ», должны быть адресуемы на мое имя, *въ Басковъ-переулокъ, что на Литейной, въ домъ Глотова.*

Цѣна за годовое изданіе «Репертуара и Пантеона», состоящее изъ 12 книжекъ, гдѣ помѣщено будетъ не менѣе 24 піесъ, которыя, изданныя отдѣльно, не могли бы быть продаваемы менѣе 50 коп. сер. за каждую,

ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

За пересылку въ города и доставку на домъ, платится сверхъ того:

ПОЛТОРА РУБЛЯ СЕРЕБРОМЪ.

И. Песоцкій.

Печатать позволяется. С. Петербургъ, 21 ноября 1846 года. *Цензоръ А. Никитенко.*

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

Свѣтла ночь чудная востока!
Съ роскошныхъ пажитей, у стадъ,
Три звѣздочета, три пророка
На звѣзды ясныя глядятъ.
Надъ ними, данниками тлѣнья,
Въ непзмѣримой вышинѣ,
Горятъ, нетлѣнныя, онѣ —
Святыя письмена творенья!
Смиреннымъ пастырямъ, въ глуши,
Души необоримымъ силамъ
И созерцаніямъ души —
Завѣщанъ тайный путь къ свѣтиламъ.
И вотъ, надъ ними, въ высотѣ,
Вѣнецъ тревожныхъ ожиданій,
Звѣзда — въ лучистой красотѣ
Изъ творческой скатилась длани.
По начертанію судебъ
Она пошла своей дорогой —
И повела волхвовъ въ вертепъ,
Къ священной колыбели Бога....
Вдругъ растворился дивный свѣтъ,
Лучи иныхъ міровъ затмившій —
И озарился Назаретъ,
Добро Предвѣчное вмѣстившій!
Передъ волхвами, въ пеленахъ,

Какъ юный агнецъ на закланье....
Лежитъ самъ Богъ, и слабъ, и нагъ,
Лежитъ властитель мірозданья!
Предъ ними Тотъ, Кто перста взмахъ
Простретъ на звѣзды вѣковыя —
И словно искры золотыя
Онѣ погаснутъ въ небесахъ.
Предъ ними Тотъ, Кто міръ Собою
Наполнитъ паче всѣхъ царей;
Кто ступитъ твердою ногою
На грудь мятежную морей;
Кто горы на горы повержетъ;
Кто шаръ земной въ десницѣ держитъ!
Предъ ними Тотъ, чьи словеса
Изъ тмы хаоса довременной —
Воздвигли землю, небеса;
Кто человѣка образъ тлѣнный
Облекъ роскошной красотой —
И съ перстью духъ связалъ Собой.—
Предъ ними Онъ, свѣтильникъ міра,
Свѣтъ, освѣщающій вѣка;
Кого позорною порфирой
Одѣнетъ грѣшника рука,
И на главу вѣнокъ терновый —
За искушеніе грѣховъ,
Мзда человѣческихъ сыновъ,
Съ хулой отверженья суровой —
Возложитъ, дико возведетъ
На крестъ, на казнь, на смерть, на муки....
И необъятнаго — распнетъ,
И всеобъемлющія руки
Къ кресту съ насмѣшкою прибьетъ; —
И тяжкій грѣхъ, копьемъ отмщенья,
За сотворенное добро —
Проткнетъ Спасителю ребро,
Прольетъ кровь чистую спасенья!

Вѣка мелькаютъ передъ Нимъ,
Какъ быстролетныя мгновенья;
Съ лица земли, какъ тонкій дымъ,
Людей проходятъ поколѣнья...

Дряхлѣетъ свѣтъ.... Но Божій крестъ
Несокрушимою твердыней
Стоитъ въ вѣнцѣ изъ горнихъ звѣздъ.
Народы съ трепетомъ къ святынѣ
Приходятъ плакать, скорби вздохъ
Излить у пригвожденныхъ ногъ.
И какъ отецъ, родное чадо,
Подъ сѣнь безбурную креста —
Пріемлетъ Онъ земное стадо
Святыхъ поклонниковъ Христа!

ДОЛГАНОВЪ.

1843 г.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ТЕАТРА.

—

РУССКАЯ ДРАМА и РУССКАЯ СЦЕНА.

—

ПОСЛѢДНІЙ ФАЗИСЪ ЛЮБВИ — ЛЮБОВЬ ВЪ XIX ВѢКѢ.

Еще недавно, въ одной очень умной, но, къ сожалѣнію, слишкомъ *кабинетной* статьѣ, открывшей между прочими невинными парадоксами новый родъ поэзіи, поэзію *экономическую*, нещадно былъ ругаемъ романтизмъ, романтики и герои нашего времени, за ихъ особенную любовь къ блѣднымъ лицамъ женщинъ и къ страданіямъ. Бѣдные романтики и бѣдный вѣкъ, котораго развращенный вкусъ совершенно не въ ладу съ плотными, жирными, румяными, однимъ словомъ съ *экономическими* физіономіями! Но шутки въ сторону — романтиковъ точно и можно и должно ругать, но подъ словомъ *романтики* не должно разумѣть никого болѣе, какъ витязей раковаго хода, — католической и средневѣковой реакціи въ Германіи, поборниковъ до-Петровскаго быта у насъ на-примѣръ — однимъ словомъ всѣхъ невышедшихъ изъ подъ опеки прошедшаго, подавленныхъ его даннымъ и желающихъ удержать неудержимое. Съ другой стороны, справедливо отчасти и то, что болѣзненность души, блѣдность лица и проч. и проч. вещи не нормальныя; но что же вы прикажете дѣлать съ этимъ страннымъ человѣчествомъ, которое додумалось наконецъ

до того въ XIX вѣкѣ, что вмѣсто того, чтобы наравнѣ съ другими тварями пользоваться жизнію, предпочло жить какой-то выстраданной, выморенной жизнію, по своей собственной — вопреки теоріямъ Фурье и другихъ господъ. Результатъ этотъ безотраденъ, но не указываетъ ли онъ на иное, высшее и лучшее бытіе?...

А между тѣмъ — фактъ и фактъ неоспоримый, то, что XIX вѣкъ питаетъ любовь къ болѣзненности, что мы всѣ, чада его, всасываемъ съ кровью наклонность и потенцію страданія, что въ каждомъ изъ насъ какой-то голосъ взываетъ, какъ въ нѣкоторыхъ общинахъ — Mitternacht, Erwürdigster — tiefe Mitternacht, ибо Свѣтъ есть ничто иное, какъ сознаніе окружающей насъ тьмы. Знаю очень хорошо, что, высказывая такое опредѣленіе, я подвергаю себя позорному названію романтика, но тѣмъ не менѣе, даже въ качествѣ романтика, осмѣлюсь смиренно замѣтить, что я не высказываю новыхъ истинъ, а постоянно передаю только старыя сомнѣнія.

Но — дѣло не во мнѣ, дѣло въ XIX вѣкѣ....

Обратитесь къ нему съ слѣдующими вопросами. 1) Почему Печоринъ плакалъ на взрыдъ, потерявши возможность догнать женщину, которая ему надоѣла? 2) Почему Печорину пріятно было довести Мери до такого состоянія, что ея глаза стали сверкать фосфорическимъ свѣтомъ?

Первый вопросъ, какъ намъ кажется, разрѣшается стихами другаго поэта.

Запретный плодъ намъ подавай
А безъ того намъ рай не въ рай!

На второй отвѣчаетъ вопросами же другое стихотвореніе Лермонтова.

Они любили другъ-друга такъ долго и нѣжно
Съ тоскою глубокой и страстью безумно-мятежной,
Но какъ враги избѣгали признанья и встрѣчи,
И были пусты и хладны ихъ краткія рѣчи.

Спрашивается, отъ чего къ враждѣ привела ихъ любовь? Вѣдь съ точки зрѣнія здраваго смысла, это, просто, смѣшно, а съ точки зрѣнія экономической, просто, отвратительно. Люди любятъ другъ-друга — и стыдятся что ли любви, боятся что ли того, что эта

любовь уничтожитъ ихъ обоихъ. Прослѣдимъ далѣе развитіе отношеній этихъ двухъ существъ:

Они разстались въ безмолвномъ и гордомъ страданьи,
И милый образъ во снѣ лишь порою видали,
И смерть пришла, наступило за гробомъ свиданье,
Но въ мірѣ новомъ другъ-друга они не узнали.

Разставанье въ безмолвномъ и гордомъ страданьи конечно вещь удивительно смѣшная для всякаго, кто созерцаетъ человѣческія страсти изъ своего кабинета.... но тѣмъ не менѣе, оно—вещь обыкновенная въ наше время. Мнѣ кажется, они были врагами и разстались такъ потому, что ни одно изъ этихъ двухъ существъ не хотѣло подчиниться другому. Если бы они были здоровыя чада матери природы, то, можетъ-быть, и не могли бы даже разстаться другъ съ другомъ, и исторія ихъ кончилась бы трагически, какъ исторія Ромео и Юліи;—но они были не дѣти. Напомнимъ еще самый болѣзненный стопъ, который заимствуемъ у того же великаго поэта, почерпавшаго глубже всѣхъ возможныя и даже невозможныя страданія *личности*.

Пускай холодною землею
Засыпанъ я.
Мой другъ, всегда, вездѣ съ тобою
Душа моя
Я перенесъ земныя страсти
Туда съ тобой:
. . . . . .
. . . . . .
Случится ль мыслишь, засыпая
Ты о другомъ,
Твои слова — текутъ пылая,
По мнѣ огнемъ,
Коснется ль чуждое дыханье
Твоихъ ланитъ,
Моя душа въ нѣмомъ страданьи
Вся задрожитъ.

Но чтобъ не миновать вопроса, составляющаго содержаніе этихъ статей, — обратимся къ тому, можетъ ли такая любовь быть драматическимъ элементомъ. Безъ всякаго сомнѣнія — и даже болѣе, чѣмъ какая-либо. Самое отношеніе это — драма, и

драма, основанная не на случайности, не на обстоятельствахъ, а на роковомъ столкновеніи личностей. Потому то намъ и кажутся крайне пошлы всѣ современныя драмы, что они основываются на случайныхъ эффектахъ, на *неожиданностяхъ*, когда драма нашего времени, должна быть угадана со всѣмъ своимъ развитіемъ съ первыхъ словъ 1-го акта: прочь всю эту ложную обстановку, всю эту надоѣвшую до смерти всякому безплодную борьбу съ обстоятельствами — давайте намъ *личности* и вдали — бездну, судьбу, видимую и для нихъ самихъ и для зрителя.

Авторъ этихъ *сомнѣній* о драмѣ и о прочемъ пытался самъ развить въ драму вышеприведенное стихотвореніе. Драма, разумѣется, какъ слишкомъ молодой и недозрѣлый опытъ — вышла весьма нелѣпа и главное, не сказала собою то, что бы должна была сказать—если я упоминаю о ней здѣсь, то потому только, что крѣпко держусь за тѣ основныя идеи, которыя присутствовали при ея рожденіи.

Но Лермонтовъ слишкомъ трагически коснулся этого вопроса. Есть поэтъ, или лучше сказать цѣлое направленіе, которое, какъ будто шутя играя съ чувствомъ любви, тѣмъ не менѣе играетъ слишкомъ болѣзненно. Грустью и холодомъ вѣетъ на душу отъ Гейне и отъ нашего лучшаго поэта въ этомъ родѣ, отъ Фета. Гейне самаго мы оставимъ въ покоѣ,—но считаемъ пріятной обязанностью напомнить нѣкоторыя стихотворенія поэта, которому въ настоящую эпоху нѣтъ равнаго по таланту въ нашей литературѣ, потому что, превосходя иногда даже г. Майкова пластичностью выраженія и выработанностью литаго стиха, онъ владѣетъ въ высокой степени ядовитой и грустной ироніей, которой недостатокъ слишкомъ-ощутителенъ во всѣхъ прекрасныхъ, но холодныхъ изваяніяхъ пѣвца *Машеньки*.

Возмемте, напримѣръ, его *Снѣга*, эту лирическую поэму, въ которой мы видимъ единство содержанія — не смотря на то, что это серія лирическихъ произведеній, связанныхъ, по-видимому, только названіемъ. Есть чувство, есть голосъ, такъ сказать, который въ разнообразныхъ варіяціяхъ, или прямо высказывается, или тихо, не для многихъ замѣтно поетъ свою ноту — и грустна, какъ жизнь вѣка, эта нота, и невольнымъ холодомъ обдаетъ она душу читателя.

Возьмемте на удачу одно изъ этихъ летучихъ впечатлѣній:

Котъ поетъ глаза прищуря,
Мальчикъ дремлетъ на коврѣ,

На дворѣ играетъ буря,
Вѣтеръ свищетъ на дворѣ
Полно тутъ тебѣ валяться
Спрячь игрушки, да вставай,
Подойди ко мнѣ проститься
Да и спать себѣ ступай.
Мальчикъ всталъ — а котъ глазами,
Поводилъ и все поетъ
Въ окна снѣгъ валитъ клоками
Вѣтеръ свищетъ у воротъ.

Разстановлены ли такъ дѣйствующія лица этой маленькой драмы, или точно, въ этихъ немногихъ словахъ:

Полно тутъ тебѣ валяться
и проч.

яркимъ и вѣрнымъ выраженіемъ схваченъ рѣзко моментъ жизни, но въ-слѣдъ за этими словами, каждому невольно предстаетъ печальный образъ современнаго человѣка. Апатическимъ духомъ вѣетъ и отъ этихъ словъ, и отъ этой умышленно тѣсной колеи жизни, и отъ этого зимняго вечера, который налегъ на душу свинцовой тяжестью. Если вы испытали такіе вечера, то часто не готовы ли вы были сказать со всею злобною, апатическою досадою:

Полно тутъ тебѣ валяться
и проч.

Самое внутреннее противорѣчіе этой картины, по-видимому тихой и семейной, поразитъ васъ невольною грустью, а послѣдніе четыре стиха.

Мальчикъ всталъ и т. д.

обвѣютъ васъ всею безнадежностью вѣка — вѣдь котъ гораздо счастливѣе этого бѣднаго ребенка.

А вотъ другое, лучшее изъ всѣхъ этихъ стихотвореній.

Знаю я, что ты малютка
Лунной ночью не робка,
Я на снѣгѣ вижу утромъ

Легкій оттискъ башмачка,
Знаю, ночь при свѣтѣ лунномъ
Холодна, тиха, ясна
Знаю, ты не даромъ, другъ мой,
Покидаешь ложе сна
Брилліанты въ свѣтѣ лунномъ,
Брилліанты въ небесахъ,
Брилліанты на деревьяхъ,
Брилліанты на снѣгахъ;
Но боюсь я, другъ мой милый,
Чтобы въ вихрѣ духъ ночной,
Не завѣялъ бы тропинку,
Проложенную тобой.

Причудливый идеалъ поэта непосредственно выливается изъ *гордости* современнаго человѣка.... Весь созданный изъ блестящей пыли снѣговъ, идеалъ этотъ носитъ самъ въ себѣ начало разрушенія. И въ выборѣ такого, а не другаго какого либо существа— поэтъ, можетъ-быть, поступилъ не произвольно. Современный человѣкъ преклоняется передъ тѣмъ только, что̀ можетъ обратить во прахъ однимъ дыханіемъ.

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

РАЗБОЙНИКЪ.

(*Баллада Вальтера-Скотта*).

Тѣнистъ и прохладенъ Брайнгельскій лѣсокъ,
Тамъ плещется Грета, душистъ вѣтерокъ,
Тамъ берегъ пестрѣетъ, усѣянъ цвѣтами,
И ходятъ дѣвицы, какъ рыбки, стадами.

Мой конь разыгрался предъ башнею той,
Гдѣ за́мокъ Дальтонскій стоитъ за стѣной.
И въ за́мкѣ, на башнѣ, стояла дѣвица,
Души моей радость и сердца царица!

Тѣнистъ и прохладенъ Брайнгельскій лѣсокъ,
Тамъ плещется Грета, душистъ вѣтерокъ:
«Туда, мой Эдмондъ!» мнѣ дѣвица сказала:
«Съ тобой: за тебя я бы тронъ промѣняла!»

— Ахъ, солнце мое! я ей молвилъ съ тоской:
— Ты знаешь ли, кто я, твой гость часовой?
То тайна, подумай, но солнце высоко —
Пора мнѣ, дѣвица, мнѣ ѣхать далеко!

«Тѣнистъ и прохладенъ Брайнгельскій лѣсокъ,
Тамъ плещется Грета, душитсъ вѣтерокъ.
Кто бъ ни былъ ты, милый, я съ вѣрой, съ любовью,
Прильну, какъ сестра, къ твоему изголовью!

«Ты ловчій, и вѣрно, любимъ королемъ:
Охотничій рогъ твой порукою въ томъ!»
— Дѣвица! рогъ ловчаго солнце встрѣчаетъ,
Мой въ полночь ловцевъ полуночныхъ сзываетъ!

«Тѣнистъ и прохладенъ Брайнгельскій лѣсокъ,
Тамъ плещется Грета, душистъ вѣтерокъ.
О, милый, не саномъ надежды чаруя,
Но сердце, горячее сердце ищу я!

«Ты рыцарь, я знаю, о томъ говорятъ,
Твой шлемъ красноперый, твой бранный нарядъ»....
— Дѣвица, дѣвица: мой шлемъ и кольчуга,
Скрываютъ врага, а не добраго друга!

— Тѣнистъ и прохладенъ Брайнгельскій лѣсокъ,
Тамъ плещется Грета, душистъ вѣтерокъ.
Цвѣти, моя радость, какъ роза весною,
О, нѣтъ, я любви не хочу и не стою!

— Мнѣ жизнь опостыла, безславна она,
И смерть ненавистная мнѣ суждена!
Умру я постыдной добычею битвы,
И прахъ мой засыплятъ землей безъ молитвы! —

Тѣнистъ и прохладенъ Брайнгельскій лѣсокъ,
Тамъ плещется Грета, душистъ вѣтерокъ;
Тамъ берегъ пестрѣетъ, усѣянъ цвѣтами,
И ходятъ дѣвицы, какъ рыбки, стадами!

КРАСНОЯРСКІЙ КУПЕЦЪ.

КОМЕДІЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

И. Акселя.

СЮЖЕТЪ ЗАИМСТВОВАНЪ ИЗЪ СКРИБА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Иванъ Кузьмичъ Матерой, Красноярскій купецъ . . . *Г. Мартыновъ.*
Николай Степановичъ Спичкинъ, племянникъ его, чиновникъ 12-го класса . . . . . *Г. Марковецкій.*
Графъ Левъ Андреевичъ Свѣтицкій . . . . . *Г. Смирновъ 1-й.*
Алексѣй, лакей его . . . . . *Г. Семеновъ.*
Ольга Павловна Красицкая . . . . . *Г-жа Гринева.*
Акулина Савишна Колпакова . . . . . *Г-жа Сосницкая.*
Лиза, дочь ея, невѣста Спичкина . . . . . *Г-жа Самойлова 1.*

Дѣйствіе происходитъ въ квартирѣ Красицкой, въ С. Петербургѣ.

(Представленъ въ первый разъ на Александрынскомъ-Театрѣ, 12-го ноября 1846 г., въ пользу г. *Мартынова*).

Театръ представляетъ мастерскую живописца, убранную впрочемъ со вкусомъ. Нѣсколько бюстовъ; нѣсколько картинъ, частію въ рамкахъ, на стѣнахъ, частію безъ рамъ, на стульяхъ и на полу у стѣнъ. На правой сторонѣ отъ зрителей два окна; то, которое на первомъ планѣ, завѣшено до половины зеленою тафтою. Возлѣ окна письменный столъ съ разными бездѣлками и всѣмъ, что̀ нужно для письма. Подлѣ стола мольбретъ съ начатою картиною. Съ противуположной стороны дверь. Другая дверь въ задней стѣнѣ. Нѣсколько стульевъ и два модныя кресла.

ЯВЛЕНІЕ I.

АКУЛИНА САВИШНА *шьетъ бѣлье;* ЛИЗА *сидитъ посреди авансцены, на модномъ креслѣ, въ граціозной позѣ;* ОЛЬГА ПАВЛОВНА *сидитъ передъ мольбретомъ и пишетъ портретъ Лизы;* СПИЧКИНЪ *стоитъ за кресломъ Ольги Павловны, облокотясь на спинку.*

СПИЧКИНЪ. Господи ты мой Богъ, сходство какое!... такъ вотъ и кажется, что заговоритъ сейчасъ.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА. Вы находите, Николай Степановичъ?

АКУЛИНА САВИШНА. Что̀ жъ тутъ мудренаго, Ольга Павловна? Вашей работы портреты всѣ какъ живые выходятъ.... Вотъ моей дурочкѣ Богъ такого таланту не далъ!... даромъ что она въ одномъ пансіонѣ съ вами училась.

ЛИЗА. Этому не выучишься, маменька! У Олиньки талантъ врожденный.

АКУЛИНА САВИШНА. Я не къ тому и говорю, чтобы попрекнуть тебя, Лизанька.... А хорошо бы было, если бы и ты могла этакъ по пятидесяти да по сту рублей за портретъ получать.

спичкинъ. Съ другихъ по пятидесяти да по сту, а намъ даромъ. Знаете ли, Ольга Павловна, что мы должны принять этотъ трудъ вашъ съ живѣйшею признательностію, какъ знакъ особенно лестнаго для насъ вниманія со стороны вашей.

ольга павловна. Это мой свадебный подарокъ Лизѣ.... Къ тому же мы съ нею вмѣстѣ воспитывались и въ пансіонѣ были друзьями.... А потомъ, послѣ смерти матушки, Акулина Савишна такъ много для меня сдѣлала....

акулина савишна. И, мать моя, что про старое говорить? Жили вы у меня за ваши же деньги; за комнатку вашу платили вы исправно....

ольга павловна. Не въ деньгахъ дѣло, Акулина Савишна; я платила вамъ изъ того, что̀ заработывала.... Но то родственное расположеніе, тѣ мелкія угожденія, та внимательность ваша ко всему, что̀ до меня касалось.... За это деньгами заплатить нельзя!....

лиза. За это ты мнѣ платила, Олинька, твоею дружбою....

акулина савишна. Ну полно, полно, дѣти, про старое толковать.... *(Встаетъ)*. Надобно пойти по хозяйству присмотрѣть.... Вы хоть уже не моя жилица, но по сосѣдству все еще моя нахлѣбница, Ольга Павловна.... Не позабудьте же, что сегодня день неприсутственный и что мы по этому обѣдаемъ ровно въ три. *(Уходя)*. Николай Степановичъ! Вѣдь вы тоже съ нами кушаете?

спичкинъ. Какъ же-съ! не премину воспользоваться вашимъ лестнымъ приглашеніемъ (*Акулина Савишна уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

лиза, ольга павловна и спичкинъ.

ольга павловна. Ну, довольно на сегодня.... *(Убираетъ работу, Лиза встаетъ)*. Что̀ же, Лиза, рѣшено ли, когда ваша сватьба?

лиза. Какъ только Николай Степановичъ получитъ всѣ бумаги и согласіе своихъ родныхъ.

спичкинъ. Касательно позволенія начальства, доложу вамъ, что я получилъ таковое сегодня; что же до родныхъ, то я имѣлъ уже честь объяснить матушкѣ Акулинѣ Савишнѣ, что съ отцовской стороны у меня нѣтъ никого, и со стороны покойницы

матушки остался одинъ только дядя; да и тотъ гдѣ то въ Сибири, а гдѣ именно, это мнѣ неизвѣстно.

ольга павловна. И у васъ, какъ у меня, есть дядюшка въ Сибири?

спичкинъ. Имѣется-съ. Этотъ дядюшка воспиталъ меня, то есть, присылалъ деньги на мое воспитаніе, и когда я вышелъ изъ гимназіи, онъ содѣйствіемъ своимъ опредѣлилъ меня на службу и сказалъ.... онъ, изволите видѣть, въ тотъ годъ былъ отпущенъ на волю....

ольга павловна. Отпущенъ на волю!

спичкинъ. Васъ это удивляетъ? Да-съ! онъ былъ крѣпостной человѣкъ графини Днѣпровской и управлялъ всѣмъ ея имѣніемъ.... Онъ и матушку выдалъ замужъ за чиновника, который тамъ въ Земскомъ Судѣ служилъ.... Когда графиня умерла, то его отпустили на волю.... по этому то случаю онъ и пріѣзжалъ сюда.... Такъ, опредѣляя меня на службу, онъ сказалъ: «Я тебѣ открылъ дорогу, Николай: ты получилъ по экзаменту чинъ, имѣешь аттестатъ. Служи вѣрой и правдой, за Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадутъ.... Служи: я поѣду въ Сибирь, попытаю счастія; можетъ-быть и разживусь. Умру, все твое будетъ.... Но пока я самъ не вернусь или не напишу тебѣ, не жди отъ меня ничего: на Бога надѣйся, а самъ не плошай, говоритъ пословица». Дядюшка ужасный охотникъ до пословицъ.

ольга павловна. И вы ничего о немъ не слыхали съ того времени?

спичкинъ. Въ продолженіе пяти лѣтъ, ни слуху ни духу.

№ 1.

Мнѣ дядя прежде присылалъ
Въ годъ тысячу двѣсти аккуратно:
И я теперь бѣднѣе сталъ,
Что, право, крайне непріятно.
Я жду пять лѣтъ, все нѣтъ какъ нѣтъ!
Ну, чтобъ дать въ годъ хоть строчку вѣсти!
И по примѣру прежнихъ лѣтъ
Прислалъ съ ней вмѣстѣ тысячу двѣсти!

ольга павловна. И мой дядюшка забылъ меня! Вотъ уже тоже пятый годъ, какъ я не имѣю объ немъ никакого извѣстія.... Я тоже обязана ему всѣмъ....

ЛИЗА. Подожди, Олинька. Онъ вернется богатый, устроитъ твое состояніе.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА. Нѣтъ, Лиза, я потеряла уже всякую надежду.... Вѣроятно, онъ умеръ.... Бѣдный дядюшка! Я его видѣла, бывши ребенкомъ, и черты лица его изгладились изъ моей памяти.... Но я никогда не забуду, что безъ его помощи я бы не могла усовершенствовать мой слабый талантъ, и что я обязана ему этимъ единственнымъ средствомъ къ жизни. Богъ съ нимъ, съ его состояніемъ.... Мнѣ бы только хотѣлось, чтобы дядюшка вернулся, чтобы я могла моею привязанностію, моею любовью вознаградить за попеченія его обо мнѣ.

СПИЧКИНЪ. Вы очень выразительно объяснять изволите! Но касательно этого предмета, я доложу вамъ, что въ случаѣ возвращенія вашего дядюшки, было бы очень педурно и на счетъ состоянія.

ЛИЗА. Развѣ въ этомъ счастье? Вотъ мы и не богаты, а счастливѣе меня нѣтъ ни одной женщины въ мірѣ.

СПИЧКИНЪ. Я полагаю, касательно нашего счастія, что еслибъ у насъ было побольше денегъ, то не меньше бы было счастія.... Вотъ хоть бы, напримѣръ, касательно одежды.... Я бы не былъ поставленъ въ горестную необходимость ходить всегда въ формѣ.... съ стоячимъ воротникомъ.... Съ истиннымъ удовольствіемъ и совершенною готовностію одѣлся бы по послѣдней модѣ, не хуже графа Льва Андреевича, котораго я имѣлъ иногда удовольствіе встрѣчать у васъ.

ЛИЗА. Вѣдь ты будешь у меня на сватьбѣ, Олинька?

СПИЧКИНЪ. Смѣю ласкать себя пріятною надеждою, что Ольга Павловна удостоитъ насъ таковой чести.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА. Разумѣется!.... Я такъ рада вашему счастію.

ЛИЗА. Скоро ли то мы у тебя на сватьбѣ пировать будемъ?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА. У меня? Я думаю, что никогда!... Мнѣ ли, бѣдной сиротѣ, мечтать о счастьи!

ЛИЗА. Тебѣ стóило бы только захотѣть.... Не правда ли, Николай Степановичъ?

СПИЧКИНЪ. Да-съ, мы имѣли случай сдѣлать касательно сего предмета наши соображенія и въ слѣдствіе оныхъ полное заключеніе.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА. Что́ вы хотите сказать? Я васъ не понимаю?....

ЛИЗА. А графъ Свѣтицкій? Надобно быть слѣпою, чтобы не

замѣтить, что онъ влюбленъ въ тебя по уши.... Который портретъ ты съ него пишешь?

ольга павловна. Шестнадцатый....

лиза. Ну видишь ли.

№ 2.

Другому, право, было бъ лѣнь
Шестнадцать разъ писаться сряду,
И утромъ каждый Божій день
Дежурить здѣсь, какъ по наряду.
Тому причины пѣтъ другой,
Сама ты убѣдишься въ этомъ,
Какъ то́, что занятъ онъ тобой,
Пока ты занята портретомъ.

ольга павловна. Нѣтъ, Лиза, я въ этомъ вовсе не убѣждена.

спичкинъ. Но представляются доводы, еще убѣдительнѣйшіе, въ слѣдствіе которыхъ не имѣется возможности вывесть заключенія, болѣе вѣроподобнаго.

лиза. Еслибъ мы не боялись разсердить тебя....

ольга павловна. Говори, не мучь меня, Лиза?

спичкинъ. Вы изволите обладать талантомъ, безъ сомнѣнія, превосходнымъ; но, не пріобрѣтя еще извѣстности.... вамъ было бы трудновато получать за ваши портреты по сту, по полутораста и даже по двѣсти рублей....

ольга павловна *(съ нѣкоторою гордостію)*. Однако мнѣ платятъ эту цѣну!....

лиза. Платятъ, по милости графа.... Вчера еще ты кончила портретъ одного изъ его знакомыхъ, который служитъ въ одномъ Департаментѣ съ Николаемъ Степановичемъ; онъ самъ слышалъ, что тотъ разсказывалъ начальнику отдѣленія, какъ графъ просилъ его позволить снять съ него портретъ, на память, изъ дружбы, какъ онъ былъ вовсе ненамѣренъ платить денегъ изъ дружбы, и какъ графъ вывелъ его изъ затрудненія, сказавъ, что принимаетъ издержку на себя.

ольга павловна. Можетъ ли это быть?

лиза. А эта квартира, за которую ты по контракту платишь сто восемьдесять целковыхъ въ годъ....

ольга павловна. Такъ что́ же, говори!

лиза. У хозяина заключенъ другой контрактъ съ графомъ

Львомъ Андреевичемъ, по которому онъ получаетъ съ его сіятельства еще столько же. Графъ никому и ничего не говорилъ объ этомъ; но дворникъ проболтался, что эта квартира всегда тысячу двѣсти ходила, и что тебѣ съ графомъ уступили ее немного дороже.

ольга павловна. Неужели все это правда!... неужели.... Господи Боже мой! что могутъ обо мнѣ подумать! Нѣтъ! Я ни дня долѣе не останусь на этой квартирѣ. (*Садится къ столу и пишетъ два ярлыка*). Николай Степановичъ, потрудитесь сходить къ хозяину, сказать ему, что я хочу передать квартиру.... что я съѣзжаю....

спичкинъ. Помилуйте, Ольга Павловна.... Но кто то подъѣхалъ.... Карета на лежачихъ рессорахъ; онъ и есть!...

ольга павловна. Кто?

спичкинъ. Самъ графъ....

ольга павловна. Сходите же къ хозяину, прошу васъ.

спичкинъ. Сейчасъ, бѣгу, бѣгу-съ. (*Уходя, тихо Лизѣ*). Вотъ, что ты сдѣлала, Лиза!

лиза (*уходя за нимъ*). Мы это какъ нибудь еще уладимъ.

(*Оба уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

ольга павловна (*одна, вставая приклеиваетъ къ окнамъ ярлыки*). Я не могу придти въ себя отъ удивленія!... Подобная любовь съ его стороны.... Я сама люблю его.... люблю сильно, страстно.... но не могу принадлежать ему.... Не мнѣ быть женою графа.... но не мнѣ быть и его.... Вотъ онъ.... Твердость моя, не оставляй меня.... Ты мнѣ еще нужнѣе съ той минуты, какъ я узнала, что онъ меня любитъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА И ГРАФЪ.

графъ. Извините, Ольга Павловна, что я сегодня явился ранѣе обыкновеннаго.... Я все утро буду ѣздить по дѣламъ, и потому,

не имѣя времени для сеанса, хотѣлъ предупредить васъ, чтобъ не заставить ждать напрасно.

ольга павловна (*холодно*). Для чего же было безпокоиться? Ваше сіятельство могли прислать человѣка.

графъ (*въ-сторону*). Что́ за холодный пріемъ. (*Громко, съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ*). Я заѣхалъ потому, что хотѣлъ вамъ.... что мнѣ нужно было.... сообщить вамъ извѣстіе.... объ вашемъ дядюшкѣ.... Я вчера видѣлъ одного знакомаго, который мѣсяца два тому назадъ вернулся изъ Сибири, и который еще въ прошломъ году имѣлъ въ Красноярскѣ съ Иваномъ Кузьмичемъ дѣла, довольно значительныя. Слѣдовательно, вашъ дядюшка живъ, и, судя по дѣламъ, долженъ быть богатъ.

ольга павловна. Благодарю васъ, графъ, за ваши хлопоты обо мнѣ.... Но я полагаю, что мы видимся въ послѣдній разъ.

графъ. Что́ вы говорите?...

ольга павловна. Я сегодня же съѣзжаю съ этой квартиры.

графъ. Съѣзжаете? Но что́ же за причина?

ольга павловна. Мнѣ ли объяснять эти причины? Онѣ вамъ должны быть лучше извѣстны, нежели мнѣ. Мнѣ кажется только, что я въ правѣ быть не совсѣмъ довольною этими тайными вспомоществованіями, которыми ваше сіятельство такъ щедро надѣляете меня.... безъ моего согласія....

графъ. Вы все знаете, Ольга Павловна; я это вижу и не стану долѣе скрывать мои чувства! Да! съ перваго взгляда, я полюбилъ васъ всѣми силами души. Я видѣлъ вашу бѣдность и удивлялся той твердости, съ какою вы ее переносили.... Я предложилъ вамъ руку помощи, вы отвергли мои предложенія.... Чтобъ подѣлиться съ вами избыткомъ моего состоянія, мнѣ оставалось одно средство: прибѣгнуть къ обману!...

ольга павловна. Вы хотѣли сдѣлать доброе дѣло, графъ; но вы не подумали о послѣдствіяхъ.... Вы забыли злой языкъ клеветы, который радъ очернить, радъ запятнать на вѣки доброе имя честной дѣвушки.... Доброе имя, графъ, это единственное мое богатство.... Вы его отняли.... Богъ знаетъ, что́ говорятъ теперь обо мнѣ!

графъ. Что́ говорятъ объ васъ? объ васъ, Ольга Павловна? Что́ могутъ, что́ смѣютъ найдти дурнаго въ вашей жизни? И кто посмѣетъ?

О, нѣтъ! Вы чистое, безгрѣшное созданье,
И не коснется васъ языкъ клеветника!...

А еслибъ кто посмѣлъ, того привесть къ молчанью
Съумѣлъ бы я, клянусь.... вотъ вамъ моя рука!...
Да, если словъ однѣхъ для свѣта было бъ мало,
Я святость чувствъ моихъ на дѣлѣ докажу....
И имя доброе, коль ваше пострадало,
Въ замѣнъ я вамъ мое съ рукою предложу!...

Да, Ольга Павловна, если я дѣйствительно могъ, не хотя, повредить вамъ, то я предлагаю лучшее средство заставить молчать всѣ злые языки.... Согласитесь быть моею, отдайте мнѣ вашу руку; составьте мое счастіе, въ награду за ту искреннюю любовь....

ольга павловна. Остановитесь, графъ, довольно! Вы, съ вашимъ состояніемъ.... вы рѣшились предложить руку мнѣ, бѣдной сиротѣ!... Не въ правѣ ли всѣ будутъ говорить, что я вышла за васъ только потому, что вы знатны и богаты? Не станутъ ли прибавлять, что я нарочно старалась завлекать васъ, чтобъ сдѣлаться графинею? Не станутъ ли гнушаться мною ваши родные и знатные? Не станетъ ли свѣтъ указывать на васъ пальцемъ, съ насмѣшливой улыбкой, прибавляя: Вотъ тотъ графъ Свѣтицкій, что женился Богъ знаетъ на комъ?

графъ. Но что намъ за дѣло до этихъ сплетней, если мы будемъ счастливы другъ другомъ?

ольга павловна. А кто вамъ поручится, что вы будете счастливы?

графъ. О, если бы вы любили меня.... то....

ольга павловна *(перебивая его, съ чувствомъ)*. Положимъ, что я люблю васъ.... Но когда со всѣхъ сторонъ будутъ вооружать васъ противъ меня, когда любовь ваша остынетъ немного.... развѣ не можетъ наконецъ закрасться и въ вашу голову мысль, что я люблю не васъ, а ваше богатство?...

графъ. Никогда!

ольга павловна. Ручаться нельзя, графъ; а каково же будетъ тогда мое положеніе?... Нѣтъ, графъ, я не могу согласиться.... Еще разъ благодарю за этотъ знакъ уваженія.... Я не хочу потерять его, и потому прошу васъ навсегда оставить меня.... позабыть бѣдную сироту!... Какъ только найду квартиру, я съѣду отсюда; и умоляю васъ, не отыскивайте меня.... Прощайте! прощайте навсегда! *(Убѣгаетъ)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

ГРАФЪ (*одинъ*).

ГРАФЪ. Ну, есть ли же на свѣтѣ человѣкъ несчастнѣе меня?... Она меня любитъ, я въ этомъ увѣренъ; но я знаю ея характеръ!... Ничто въ мірѣ не заставитъ ее отказаться отъ своего образа мыслей.... Упряма! Что начать теперь? Придумать еще какую нибудь хитрость.... изобрѣсти какой нибудь новый способъ, чтобы хоть противъ воли обогатить ее... Но теперь это будетъ затруднительнѣе.... Она будетъ остерегаться меня, и съ ея умомъ не легко вдатся въ обманъ.... О сибирскомъ дядюшкѣ и хлопотать нѣчего, я получилъ сегодня письмо изъ Красноярска: бѣднякъ умеръ, прокопавъ все свое состояніе, и не оставилъ рѣшительно ничего, кромѣ нѣсколькихъ сотъ рублей долгу.... Я не говорилъ ей этого.... къ чему! Печальная вѣсть чѣмъ позже придетъ, тѣмъ лучше!

ГОЛОСЪ МАТЕРАГО (*за сценою*). Ступай, любезный, я, разумѣется, позволенія спрошу, чтобъ квартиру то посмотрѣть; я вѣдь знаю пословицу: не спросясь броду не суйся въ воду.

ГРАФЪ (*прислушиваясь*). Такъ она въ-самомъ-дѣлѣ съѣзжаетъ отсюда.... Да, и билетики къ окнамъ прилѣплены.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ГРАФЪ И МАТЕРОЙ.

МАТЕРОЙ (*входя и осматриваясь*). Нѣтъ, братъ Кузьмичъ! не въ свои сани садишься! Не по тебѣ эта квартира.... Видно залетѣла ворона въ чужіе хоромы!

ГРАФЪ (*въ-сторону*). Какое знакомое лицо!... Я гдѣ то видѣлъ этого человѣка....

МАТЕРОЙ (*вглядываясь въ графа*). Батюшка, ваше сіятельство! Вотъ судьба то! Гора съ горой сходится.... тьфу чортъ!... гора съ горой не сходится, а человѣкъ съ человѣкомъ сойдется, говоритъ пословица.... Да пожалуйте же вашу ручку поцѣловать, батюшка, графъ! Вы не изволили узнать меня?...

ГРАФЪ. Лицо знакомое.... но....

МАТЕРОЙ. Я управлялъ имѣніемъ покойной тетушки вашей графини Авдотьи Николаевны....

ГРАФЪ. Днѣпровской.... это Кузьмичъ.

МАТЕРОЙ. Онъ и есть, батюшка, ваше сіятельство. Графиня, дай Богъ ей царствіе небесное, обѣщала отпустить меня на волю, да не успѣла выполнить обѣщанія.... Когда бы не вы, батюшка.

ГРАФЪ. Я, какъ наслѣдникъ тетушки, исполнилъ волю покойницы.

МАТЕРОЙ. Другой бы, можетъ-быть, и не выполнилъ.... На посулѣ, какъ на стулѣ, посидишь да не поѣшь, говоритъ пословица. Вамъ однимъ, батюшка ваше сіятельство, обязанъ я всѣмъ.. и по гробъ не забуду вашихъ милостей.

ГРАФЪ. Гдѣ же ты былъ, Кузьмичъ, все это время?

МАТЕРОЙ. Да, въ Сибири, батюшка ваше сіятельство, въ Красноярскѣ къ гильдіи приписался, лавченку тамъ завелъ, да этакъ около золотыхъ разсыпей промышлялъ....

ГРАФЪ. Такъ ты золотопромышленникъ?

МАТЕРОЙ. Куда намъ, батюшка, съ суконнымъ то рыломъ въ пушной рядъ лезть!... Нѣтъ-съ, я только сперва прикащикомъ былъ у одного изъ этихъ господъ, а потомъ, какъ понаторѣлъ къ дѣлу, то пошелъ въ управляющіе къ одной компаніи. Двѣ тысячи четыреста серебромъ въ годъ получалъ-съ.... Да вотъ — и вышли у насъ недоразумѣнія.... Я просилъ прибавки, а они вмѣсто меня другаго назначили.... Ябеды разныя да наушничества пошли.... Главный то хозяинъ нашъ здѣсь въ Питерѣ живетъ, такъ за глаза мудрено ли очернить? Хорошая слава лежитъ, а дурная бѣжитъ, говоритъ пословица.... Вотъ я самъ и прикатилъ сюда! чтобъ оправдаться передъ нимъ да уладить это дѣло, если можно.... Въ гостинницѣ жить дорого.... искалъ квартиры.... да и забрелъ сюда.

ГРАФЪ. Переберись пока жить ко мнѣ; у меня найдется особая комната для тебя....

МАТЕРОЙ. Покорнѣйше благодарю, батюшка, за ваши милости! Вотъ кабы ваше сіятельство за меня по дѣлу то словечко замолвили....

ГРАФЪ. Да я не знаю еще, у кого ты служилъ?

МАТЕРОЙ. Въ компаніи Иванова и Фенхеля.

ГРАФЪ. Фенхеля я знаю.... Онъ изъ Евреевъ. У него въ оборотѣ моихъ денегъ есть тысячъ полтораста.

МАТЕРОЙ. Отъ него то все и зависитъ, батюшка, ваше сіятельство.... Будьте такъ добры, заставьте вѣкъ Богу молить!...

ГРАФЪ. Такъ и быть, съѣзжу.... хоть теперь мнѣ вовсе не до того, чтобъ о чужомъ горѣ думать.... своего вдоволь....

МАТЕРОЙ. У васъ, батюшка? Да что́ у васъ за горе можетъ быть, ваше сіятельство? Аль имѣньице поразстроили?

ГРАФЪ. Нѣтъ, оно въ самомъ отличномъ положеніи....

МАТЕРОЙ. Такъ стало быть у васъ куры денегъ не клюютъ, какъ говоритъ пословица. Разскажите, что́ у васъ за горе, можетъ быть и придумаемъ, какъ бѣдѣ помочь. Пословица говоритъ: умъ хорошо два лучше....

ГРАФЪ. Тутъ и десять умовъ ничего не придумаютъ: мнѣ нуженъ дядя, а его нѣтъ.

МАТЕРОЙ. Эхъ, батюшка, ваше сіятельство, о какой вы, прости Господи, дрянн хлопочите: были бы деньги, такъ какъ родни не найти.

№ 4.

Вельможамъ знатнымъ да богатымъ
Въ роднѣ не будетъ недочетъ;
Себя ихъ лядей или братомъ
Охотно всякій назоветъ....
Покамѣстъ человѣкъ бѣдненекъ,
Его родня не хочетъ знать....
А наживетъ побольше денегъ,
Такъ въ немъ родня начнетъ искать.
Родня не въ прокъ, какъ раззоришься:
Съ нея пособья не возмешь....
Съ родней,—безъ денегъ насидишься;
А съ деньгами, — родню найдешь!

Вамъ сто́итъ свиснуть, батюшка! десять дядей явятся, любаго берите....

ГРАФЪ. Въ томъ то и дѣло, что дядя нуженъ мнѣ не для меня, а для одной бѣдной сироты....

МАТЕРОЙ. Это дѣло другаго рода.... Впрочемъ, батюшка, найдутся люди, которые за деньги и къ чорту въ дяди пойдутъ, если ему понадобится, а не только къ сиротѣ какой нибудь.

ГРАФЪ. Да! у меня совсѣмъ изъ головы вонъ.... Ты пріѣхалъ изъ Сибири, такъ, можетъ-быть, слыхалъ про этого дядюшку.... Иванъ Кузьмичъ Шумилинъ....

МАТЕРОЙ. Какъ не слыхать, батюшка, ваше сіятельство! Отличный партіонистъ былъ мой тесть, покойникъ; многія компаніи

ему обязаны своимъ богатствомъ.... Да вотъ. говоритъ пословица, не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь: онъ ужъ порядочный капиталецъ нажилъ, такъ тысячъ сотню съ хвостикомъ.... Надоѣло ему все для другихъ пріиски открывать; дай, думаетъ, попробую на свое счастье.... снарядилъ партію; ходилъ, ходилъ, полъкапитала прокопалъ; но не отсталъ отъ намѣренія. На другую весну пошелъ опять, убилъ послѣднія деньги.... Да за то и пріискъ открылъ богатѣйшій, въ десять золотниковъ съ долями.... Кажись чего бы лучше? кладъ! Оставалось заявить только, да и копать милліоны! Да вотъ, говоритъ пословица, повадится кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить.... На возвратномъ пути сбился онъ въ тайгѣ съ дороги, а проводникъ, Тунгусъ, убѣжалъ. Ходилъ онъ ходилъ по дремучимъ лѣсамъ съ своею партіею, да и жизнь тамъ покончилъ, съ голоду ли, съ морозу ли, Господь его знаетъ.

ГРАФЪ. Такъ, такъ, все такъ! и мнѣ тоже писали.... Рѣшительно нѣтъ надежды.

МАТЕРОЙ. Да что́ же за отношеніе, батюшка,—извините мое любопытство, — между Шумилинымъ и вашимъ горемъ.

ГРАФЪ. А то отношеніе, что у него осталась племянница, которая не хочетъ выйти за меня замужъ, потому только, что она бѣдна.... Если бы этотъ покойный дядюшка оставилъ ей состояніе, она бы, можетъ быть и согласилась.

МАТЕРОЙ. Да зачѣмъ же ей состояніе, когда вы богаты? Вотъ ужъ правду говоритъ пословица: у бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ.... Экого жениха бракуетъ!

ГРАФЪ. Я старался дать ей средства нажить состояніе.... Она пишетъ портреты и картины; я разными путями ей столько работы доставлялъ, что она начала было разживаться.... Но незнаю, какъ она открыла мою хитрость, и теперь все кончено.

МАТЕРОЙ. Да ужъ если вы изволили рѣшиться обогатить ее, чтобы на ней женится, такъ отъ чего же бы вамъ, батюшка, ваше сіятельство, не сдѣлать бы этакое какое нибудь завѣщаніе, что вотъ дискать дядя ея, умирая, оставилъ молъ ей этакъ столько то тамъ денегъ, или тамъ какъ ужъ лучше знаете, въ такомъ родѣ.... и любезное дѣло было бы!

ГРАФЪ. Не повѣритъ!... Особенно теперь.... Теперь она будетъ остерегаться пуще прежняго. Но вотъ мысль!... Отличись, Кузьмичъ! Прикинься самъ ея дядюшкою, да и выдай ее за меня за́ мужъ. Она видѣла дядю послѣдній разъ назадъ тому пятнадцать лѣтъ, а ей всего восьмнадцать или девятнадцать.

МАТЕРОЙ. Въ такомъ случаѣ узнать ей будетъ мудрено. Извольте, батюшка, ваше сіятельство.... Попытаемся! Вотъ и пословица говоритъ: долгъ платежемъ красенъ: вы изволили обѣщать мнѣ похлопотать объ мѣстѣ, а я похлопочу вамъ объ невѣстѣ.... Но какъ же зовутъ мою нареченную племянницу? Гдѣ она живетъ? Какъ я отыщу ее?

ГРАФЪ. Слушай и не забывай: ты Иванъ Кузьмичъ Шумилинъ, покойная сестра твоя вдова маіорша Анна Кузьминишна Красицкая оставила дочь Ольгу Павловну, которая живетъ здѣсь, въ этой квартирѣ, и занимается портретами. Ты можешь явиться подъ тѣмъ предлогомъ, чтобъ портретъ заказать.

МАТЕРОЙ. Понимаю, батюшка.... Красицкая, мать Анна Кузьминишна, маіорша; дочь Ольга Павловна.

ГРАФЪ. О Шумилинѣ ты можешь узнать подробнѣе изъ этой переписки.... (*Вынимаетъ изъ портфеля нѣсколько бумагъ и отдаетъ ихъ Матерому*).... А вотъ два билета Коммерческаго Банка, въ пять тысячь рублей серебромъ каждый.... Это ты можешь подарить племянницѣ своей такъ на первый случай.

МАТЕРОЙ. Вотъ это вы хорошо выдумали, батюшка Левъ Андреевичъ.... это будетъ лучшимъ доказательствомъ того, что я богатъ.... Не сули журавля въ небѣ, дай синицу въ руки, говоритъ пословица!... Сулить то могу я имъ золотыя горы.... а какъ десять тысячъ целковыхъ отсчитаю, то не хотя повѣрятъ и отъ родства не захотятъ отказаться.

ГРАФЪ. Если ты уладишь это дѣло, Кузьмичъ, то я за эту услугу у тебя въ долгу не останусь.

МАТЕРОЙ. Заранѣе благодарю, ваше сіятельство.... Это выходитъ: доброе дѣло не останется безъ награды, говоритъ пословица, а мы батюшка знаемъ, какъ вы награждать изволите.

ГРАФЪ. Не забывай же своей роли.

МАТЕРОЙ. Не забуду, батюшка, не забуду.... А еслибы и случился грѣхъ.... вѣдь и на старуху бываетъ проруха, говоритъ пословица.... если и случится грѣхъ, то вы выведете меня изъ бѣды, подскажете....

ГРАФЪ. Я? Нѣтъ, ужъ ты улаживай все самъ, Кузьмичъ; я уйду, чтобъ не возбудить подозрѣнія.

МАТЕРОЙ. И то правда, батюшка!...

ГРАФЪ. Такъ я уйду и возвращусь черезъ четверть часа.... Не забудь же, Кузьмичъ, что на тебя теперь вся моя надежда.... дѣйствуй осторожно, благоразумно....

МАТЕРОЙ. Ужъ будьте покойны, ваше сіятельство!

ГРАФЪ. Прощай же, до свиданія (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

МАТЕРОЙ.

МАТЕРОЙ (*одинъ, садится къ столу и разсматриваетъ бумаги*). Ну, это мнѣ все извѣстно.... Анна Кузьминишна, Ольга, не забуду.... (*Показывая билеты*). Вотъ эти бумаги лучше всѣхъ другихъ.... То-то поважничаю теперь.... Эка фигура! Золотопромышленникъ пріѣхалъ.... Милліонеръ! Знай нашихъ!.... Ужъ не упрекнутъ меня въ скупости!... Какое приданое дамъ племянницѣ невѣстѣ.... на женихови деньги!... Идутъ.... Что то шевельнулось въ глубинѣ моего сердца.... должно быть голосъ природы, влеченіе родства (*Входитъ Лиза*). Это, вѣрно, она! (*Кланяется*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

МАТЕРОЙ, ЛИЗА.

ЛИЗА. Что вамъ угодно, милостивый государь?

МАТЕРОЙ. Мнѣ бы хотѣлось заказать портретъ....

ЛИЗА (*въ-сторону*). Слава Богу, еще работа Олинькѣ.... (*Громко*). Я сейчасъ схожу за Ольгой Павловною. (*Убѣгаетъ*).

МАТЕРОЙ. Стало быть это не она.... Видно природа и голосъ сердца обманулись!...

ЯВЛЕНІЕ IX.

МАТЕРОЙ И КОЛПАКОВА

КОЛПАКОВА (*входя*). Лиза! Лиза! (*Увидя Матераго, кланяется*). Мое вамъ нанглубочайшее!....

МАТЕРОЙ (*кланяясь въ-сторону*). Неужели это моя племянница? (*Громко*). Вы пишете портреты, сударыня?

КОЛПАКОВА. Нѣтъ-съ, не я; а оно почти тоже.... пишетъ моя нахлѣбница Ольга Павловна. ..

МАТЕРОЙ (*въ-сторону*. Не приступить ли къ объясненію? (*Громко, какъ бы удивляясь*). Ольга Павловна, сказали вы?

КОЛПАКОВА. Да-съ, что же васъ удивляетъ?

МАТЕРОЙ. Ничего-съ, такъ, сходство именъ.... Впрочемъ что такое сходство значитъ? Я ужъ и думать боюсь!... Я столько разъ ошибался въ моихъ поискахъ!... Пуганая ворона куста боится, говоритъ пословица.

КОЛПАКОВА. А вы кого нибудь отыскиваете?

МАТЕРОЙ. Да-съ, одну родственницу.... которую....

КОЛПАКОВА. Если только она живетъ въ нашемъ околодкѣ, то я могу помочь вамъ въ этомъ дѣлѣ.... потому что если съ кѣмъ и незнакома, все, знаете, такъ черезъ людей, черезъ сосѣдей.... Да вотъ и сама Ольга Павловна....

ЯВЛЕНІЕ X.

МАТЕРОЙ, КОЛПАКОВА, ОЛЬГА ПАВЛОВНА И ЛИЗА.

МАТЕРОЙ (*Ольгѣ Павловнѣ*). Я пришелъ заказать вамъ мой портретъ... выставленная въ окнахъ вашихъ работа такъ хороша, что талантъ вашъ ручается за сходство.... а ваше имя....

ОЛЬГА ПАВЛОВНА. Оно еще такъ мало извѣстно!...

МАТЕРОЙ. Если я не ослышался, васъ зовутъ Ольга Павловна.... довольно уже и этого для меня.... (*Со вздохомъ*). И моя бы Олинька могла быть теперь съ васъ.... Ее тоже бы звали Ольгой Павловной.... (*Какъ-бы стараясь прогнать грустную мысль*). Ну, да не въ этомъ дѣло.... не за тѣмъ я пришелъ сюда.... Какъ скоро можете вы написать мой портретъ?

ОЛЬГА. Грудной?

МАТЕРОЙ. Нѣтъ, ужъ коли писать такъ писать.... напишите меня во весь ростъ.

ОЛЬГА. Во весь ростъ? Это займетъ дней пять или шесть....

МАТЕРОЙ. О цѣнѣ я не хлопочу.... денегъ у меня вдоволь.... Вы по платью не судите.... по платью встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ, говоритъ пословица.... не красна изба углами, а красна пирогами. (*Показываетъ портфель*)... Такъ вы напишите во весь ростъ, а кругомъ поставьте лѣсъ, непроходимый лѣсъ.... вокругъ

меня человѣкъ пятнадцать рабочихъ, а передъ ними двухъ Тунгусовъ....

ЛИЗА. Двухъ Тунгусовъ?

МАТЕРОЙ. Да! Мнѣ хочется, чтобы эта картина напоминала мнѣ Сибирь и мои пріиски....

ОЛЬГА ПАВЛОВНА. Вы изъ Сибири?

МАТЕРОЙ (*въ-сторону*). Объясненіе приближается! (*Громко*). Да, я Сибирякъ, Красноярскій купецъ.... Я пріѣхалъ сюда, чтобъ отыскать сестру; но не засталъ уже въ живыхъ мою добрую Аннушку...

ЛИЗА (*тихо Ольгѣ Павловнѣ*). Олинька! Онъ изъ Сибири и у него была сестра Анна....

МАТЕРОЙ. Да, разбогатѣвъ отъ золотыхъ пріисковъ, я ѣхалъ сюда съ тѣмъ, чтобы подѣлиться съ сестрою и устроить судьбу ея и ея дочери.... Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ, говоритъ пословица.... Анна Кузьминишна моя умерла, а Оленьку я нигдѣ не могъ отыскать.... всѣ мои старанія остались безъ успѣха...

ОЛЬГА ПАВЛОВНА (*Лизѣ*). Я боюсь вѣрить!... (*Беретъ за руку Матераго*). Ваше имя! Ради Бога скажите ваше имя!

МАТЕРОЙ. Иванъ Кузьмичъ Шумилинъ.

ЛИЗА И КОЛПАКОВА. Это онъ!

ОЛЬГА ПАВЛОВНА (*въ одно время съ Лизою и Колпаковою*). Дядюшка!

МАТЕРОЙ. Какъ вы Ольга Павловна.... моя Ольга.... Олинька моя, это ты, ты!... (*Въ-сторону*) Пора прослезиться (*Громко*). Дитя мое, сюда! въ мои объятія! (*Утираетъ глаза*).

ОЛЬГА ПАВЛОВНА (*бросается къ нему на шею*). Дядюшка.... добрый дядюшка!

МАТЕРОЙ. Милая племянница! я такъ разстроенъ.... Вотъ ужъ говоритъ пословица: не знаешь, гдѣ найдешь гдѣ потеряешь. Дай на тебя насмотрѣться! Вылитая мать покойница (*Въ-сторону, утирая глаза*). Отъ роду не видалъ покойницы, да это все равно!... (*Громко Ольгѣ Павловнѣ*). Ну, какъ же ты живешь, Олинька? А? чай нужду терпишь? Нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ, говоритъ пословица....

ОЛЬГА ПАВЛОВНА. Я не могу жаловаться на нужду, дядюшка.... Благодаря воспитанію, которое вы же мнѣ дали, у меня былъ всегда кусокъ хлѣба.... Я писала портреты, давала уроки...

МАТЕРОЙ. Этого больше не будетъ! Ты у меня заживешь барыней.... Это что́ за баринъ?

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ-ЖЕ И ГРАФЪ.

ЛИЗА (*графу*). Ахъ, если бы вы знали, какое счастливое приключеніе!...

МАТЕРОЙ. Если вы пришли заказать портретъ, милостивый государь, то, къ сожалѣнію, вы приняли на себя напрасный трудъ.... Ольга Павловна не будетъ болѣе писать портретовъ.... она еще одинъ только напишетъ.... Вѣдь ты снимешь съ меня портретъ, Олинька....

ОЛЬГА ПАВЛОВНА. Непремѣнно, дядюшка.

ГРАФЪ (*съ притворнымъ удивленіемъ*). Вашъ дядюшка?

МАТЕРОЙ. Да, милостивый государь, она отыскала дядю, который любитъ ее, какъ дочь, и который дѣлаетъ ее единственною наслѣдницею. (*Ольгѣ Павловнѣ*). Поди же ко мнѣ, обними меня еще разъ (*Обнимаетъ ее*). Теперь ты милліонеркой будешь.... Мы тебѣ жениха найдемъ....

КОЛПАКОВА (*тихо Ольгѣ Павловнѣ*). Не сварить ли кофейку, ради дядюшкинаго пріѣзда? Я сейчасъ распоряжусь. (*Уходя встрѣчается въ дверяхъ съ Спичкинымъ*). Пропустите, Николай Степановичъ, некогда. (*Уходитъ, Спичкинъ смотритъ ей въ-слѣдъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

МАТЕРОЙ, ОЛЬГА ПАВЛОВНА, ГРАФЪ, ЛИЗА И СПИЧКИНЪ.

ЛИЗА (*бѣжитъ на встрѣчу Спичкину*). Николай Степановичъ Николай Степановичъ! Счастье какое!...

СПИЧКИНЪ. Это вы чему такъ обрадовались, Лизавета Ивановна? Точно нашъ столоначальникъ Иванъ Яковлевичъ, какъ отыскалъ указъ сенатскій, который у него шесть дней пропадалъ, да безъ исполненія оставался....

ЛИЗА. Да какъ же не радоваться! Ольги Павловны дядюшка возвратился, милліонеръ....

СПИЧКИНЪ. Что въ Сибири былъ? Вотъ этотъ-то (*Указывая*

на Матераго и пристально взглядываясь). Господи! да это дядюшка Иванъ Кузьмичъ!

матерой (*который въ-продолженіе предыдущихъ фразъ тихо говорилъ съ Ольгою Павловною, быстро оборачивается при словѣ Иванъ Кузьмичъ*!) Племянникъ!...

спичкинъ. Дядюшка, дражайшій дядюшка! Васъ ли я имѣю счастіе видѣть? Позвольте мнѣ имѣть честь обнять васъ и принести вамъ искреннее душевное поздравленіе съ благополучнымъ возвращеніемъ и съ вашими милліонами. (*Обнимаетъ Матераго*).

ольга павловна и графъ (*въ-сторону*). Это его дядюшка!

ольга павловна (*въ-сторону*). И мой дядя!... Вольноотпущенный!... Я этого не знала!...

графъ (*въ-сторону*). Все погибло! Обманъ откроется!

матерой (*въ-сторону*), Нѣтъ чортъ возьми, смѣлѣй! смѣлость горда беретъ (*Громко*). Да, братъ Николай, я вернулся къ вамъ въ Питеръ, и вернулся милліонеромъ!

спичкинъ. Оно и кстати, любезный дядюшка! Вы изволите удостоить своимъ присутствіемъ мое вступленіе въ первый законный бракъ....

матерой. Ты женишься?

спичкинъ. На Елизаветѣ Ивановнѣ, которую имѣю честь представить на милостивое благорасположеніе и родственное благоусмотрѣніе ваше!

ольга павловна (*Матерому*). Такъ, Николай Степановичъ вашъ племянникъ, и, слѣдовательно, двоюродный братъ мой.... А я и не знала, что у меня есть родные въ Петербургѣ.

матерой. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго! Я тебѣ все это сейчасъ объясню.... А вотъ, изволишь видѣть: у моей матушки было два.... то есть нѣтъ, что я говорю!... у батюшки было двѣ жены.... Отъ первой родилась мать Николая Лизавета Кузьминишна, а отъ второй я, Иванъ Кузьмичъ, да матушка твоя Анна Кузьминишна.... Такъ оно хоть и родныя сестры онѣ были, да и не совсѣмъ родныя.... Къ тому жъ матушка твоя не слишкомъ любила свою родню. То есть не то, чтобы не любила.... а какъ вышла замужъ за военнаго.... то стала стыдиться своего происхожденія.... гнушаться нами.... Я готовъ объ закладъ удариться, что она не говорила тебѣ, кто я былъ прежде.... Вольноот...

ольга павловна (*перебивая*). Не говорите этого дядюшка.... я все знала....

матерой (*въ-сторону*). Лжетъ, жалѣя матери.... доброе сердце

значитъ! *(Громко)*. Забудемъ же прошлое. Я хочу вознаградить тебя за эти пять лѣтъ нужды и горя!... Вотъ тебѣ десять тысячъ серебромъ.... два билета, въ пять тысячъ каждый... Это тебѣ на первое обзаведеніе.... *(Даетъ ей билеты)*.

ольга павловна *(взявъ билеты)*. Благодарю васъ, дядюшка.

спичкинъ (*протягивая руку*). Вотъ онъ добрый то дядюшка! (*Въ-сторону*) Да онъ бумажникъ прячетъ. *(Громко)* Дядюшка, а меня то вы забыть изволили! Я равномѣрно вамъ племянникъ.... и мнѣ также, по случаю предстоящаго бракосочетанія, первое обзаведеніе нужно.... Хоть для сравненія съ сверстниками, произведите и мнѣ отпускъ таковой же суммы.

матерой. Объ тебѣ я послѣ подумаю.... а на чужой каравай рта не разѣвай, говоритъ пословица.... Ты отъ меня и не надѣйся получить такую сумму.... Тамъ, можетъ-быть, въ-послѣдствіи.... что нибудь сдѣлаю.... тамъ увидимъ.... но извини, я ее больше люблю.... и не намѣренъ скрывать этого!

спичкинъ. За что же дядюшка?... Правосудія прошу! Это выходитъ и любви большей ей, и денегъ больше.... Гдѣ же равновѣсіе, справедливость?

№ 5.

За чѣмъ же, дядюшка, скажите мнѣ, за чѣмъ,
Племянника вы такъ жестоко оскорбили?
И нѣжностью своей, и деньгами, и всѣмъ
Сестру противъ меня щедрѣй вы надѣлили?

Не въ деньгахъ дѣло! Нѣтъ! прошу не денегъ я!
Но родственной любви! Ее мнѣ возвратите!
Но если-жъ сей любви, натурой дать нельзя
Тогда, хоть деньгами взамѣнъ мнѣ отпустите!....

матерой. Я уже сказалъ тебѣ, что тамъ послѣ увидимъ..... А эти деньги я назначилъ Ольгѣ.... (*Ольгѣ Павловнѣ*). Одной тебѣ, моя Олинька! Онѣ твои....

ольга павловна. Слѣдовательно, я могу располагать ими.... Николай Степановичъ... Вы мнѣ братъ; раздѣлимъ же дядюшкинъ подарокъ по-братски (*Отдаетъ Спичкину одинъ билетъ*).

матерой (*въ-сторону*). Вотъ тебѣ, бабушка, и юрьевъ-день!

графъ (*въ-сторону, въ одно время съ Матерымъ*). Это ужъ совершенно лишнее.... Придется всю родню обогащать!... вовсе не намѣренъ.

спичкинъ. Хорошо, Ольга Павловна, вы достойны быть моей сестрою.... подобный поступокъ я запечатлѣлъ въ сердцѣ моемъ, и принялъ, какъ убѣдительное доказательство того родственнаго вниманія и благорасположенія.... которое.... Вы меня понимаете?...

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢЖЕ И КОЛПАКОВА (*приноситъ кофе*).

КОЛПАКОВА (*ставя кофе на столъ*) Кофейку не прикажите ли?...

СПИЧКИНЪ (*подбѣгая къ ней и показывая билетъ*). Пять тысячъ серебромъ! А! каково! Знай нашихъ!....

КОЛПАКОВА. Что это значитъ такое? (*Колпакова, Лиза и Спичкинъ говорятъ тихо. Изъ жестовъ ихъ замѣтно изумленіе и радость Колпаковой.*

МАТЕРОЙ (*взявъ кофе, и посмотрѣвъ на часы*). Господи! половина втораго! Олинька, гдѣ бы мнѣ написать нѣсколько строчекъ.... мнѣ по одному дѣлу необходимо....

ОЛЬГА ПАВЛОВНА. Вотъ все, что нужно для письма....

МАТЕРОЙ. Нѣтъ, здѣсь меня развлекать будутъ разговоромъ.... Мнѣ бы хотѣлось....

ОЛЬГА ПАВЛОВНА (*открывая боковую дверь*). Пожалуйте сюда, здѣсь вамъ никто не помѣшаетъ.

МАТЕРОЙ. Спасибо, мой дружекъ, спасибо.... Я живо кончу и сейчасъ вернусь. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА, ГРАФЪ, КОЛПАКОВА, ЛИЗА И СПИЧКИНЪ.

ГРАФЪ. Какъ я радъ за васъ и за себя, Ольга Павловна! Этотъ счастливый случай....

ОЛЬГА ПАВЛОВНА. Не спѣшите радоваться, графъ.... Этотъ случай поставилъ между нами новую непреодолимую преграду.

ГРАФЪ. Преграду? Что вы этимъ хотите сказать? Я васъ не понимаю!...

ОЛЬГА ПАВЛОВНА. Подождите здѣсь! Когда мы останемся одни, я вамъ все объяснію....

спичкинъ. Да! чортъ возьми! Вы увидите, какъ я заживу! Я протру глаза дядюшкиному золоту.... Даже касательно службы, я не знаю еще, буду ли продолжать оную.

колпакова. Какъ? вы хотите и службу оставить?

спичкинъ. Да, что за охота въ какомъ нибудь департаментѣ коптѣть?... Развѣ куда нибудь, хоть губернаторомъ назначеніе получу.... А въ противномъ случаѣ.... ни за что!... А какой экипажъ заведу! Лошадей!... Туалетъ какой!... У Итальянцевъ кресло найму годовое.... въ балеты буду ѣздить.... съ танцовщицами познакомлюсь....

лиза. Съ танцовщицами? Да кто же вамъ это позволитъ? Вы, кажется, ужъ и забыли объ нашей свадьбѣ....

спичкинъ. Одно другому не мѣшаетъ.... Конечно, наша свадьба.... мы все это посмотримъ тамъ, подумаемъ.... Но свадьба сама по себѣ, а танцовщицы сами по себѣ.

колпакова. Господи! развратъ какой! Возможно ли же это, въ одну минуту, какъ его деньги испортили!.... Совсѣмъ перемѣнился!

спичкинъ. Нисколько, Акулина Савишна, ни на волосъ! Я не гордъ, я не забываюсь въ счастіи.... я вамъ сейчасъ докажу. (*Обращаясь къ графу*). Милостивый государь, графъ Левъ Андреевичъ! замѣчено мною не разъ, что вы изволили постоянно ухаживать за Ольгою Павловною....

графъ (*съ достоинствомъ*). Николай Степановичъ!...

спичкинъ. Позвольте, не перебивайте! Пока она не была моею сестрою, мнѣ не слѣдовало и вмѣшиваться въ дѣло, до меня не касающееся.... но теперь.... я даю мое согласіе на вашъ бракъ, и постараюсь исходатайствовать вамъ таковое же и со стороны дядюшки. Согласитесь, что въ настоящихъ отношеніяхъ нашихъ.... мое покровительство.... вы понимаете?...

графъ (*иронически*). Совершенно понимаю.... (*Въ-сторону*). Онъ Мнѣ покровительствуетъ!... Это ужъ до того смѣшно, что и сердиться нѣтъ средства....

спичкинъ. Но вы меня извините, если я отложу на нѣсколько времени объясненіе съ дядюшкою, касательно сего предмета.... мнѣ необходимо сходить.... то-есть съѣздить размѣнять билетъ.... и сдѣлать кой-какія закупки и заказы.... Прощайте, сестрица; до свиданія, Левъ Андреевичъ, до свиданія, будущій братецъ....

(*Хочетъ идти*).

колпакова. Николай Степановичъ! послушайте, не мѣняйте билета.... живите процентами....

спичкинъ. Отстаньте, пожалуйста, Акулина Савишна! Я не ребенокъ.... я знаю, что дѣлаю. (*Идетъ къ дверямъ*).

колпакова и лиза (*идя за нимъ*). Николай Степановичъ.... да послушайте.... одно слово....

спичкинъ (*уходя, и говоря въ одно время съ Лизою и Колпаковой*). Лизавета Ивановна, Акулина Савишна! помилосердуйте!...

(*Всѣ трое, говоря въ одно время, уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ XV.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА И ГРАФЪ.

графъ. Наконецъ, мы одни.... объясните же, прошу васъ, что вы хотѣли сказать?

ольга павловна. Послѣ того, что вы сейчасъ сами видѣли, графъ, кажется, всѣ объясненія будутъ излишними.... Какъ, съ вашимъ именемъ войти въ подобное родство? Вы видѣли, что за человѣкъ Николай Степановичъ?.... А знаете ли вы, какого происхожденія Иванъ Кузьмичъ!... Я сама только сегодня узнала это.... онъ вольноотпущенный....

графъ. Что мнѣ за дѣло! хоть бы онъ крѣпостной былъ.... Я васъ люблю, васъ самихъ, а не происхожденіе и не родню вашу.

ольга павловна. Я не стыжусь моего происхожденія, графъ.... Господу Богу угодно было поставить меня на эту ступень общества.... и я останусь на ней.... Если вы дѣйствительно.... меня.... любите.... то прошу васъ объ одномъ.... Оставьте меня.... забудьте (*Беретъ со стула шляпу и убѣгаетъ въ среднія двери*).

графъ (*въ-слѣдъ ей*). Забыть васъ! никогда!

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ГРАФЪ, ПОТОМЪ МАТЕРОЙ.

графъ. Ушла!... Чортъ бы побралъ всѣ эти возвышенныя чувства и эту деликатность! Хороша вышла моя хитрость!... Удалась!... А! Кузьмичъ, это ты!... Еслибъ ты зналъ....

матерой. Все знаю, все слышалъ, батюшка, ваше сіятельство,

изъ этой комнаты.... Ужъ это не я виноватъ батюшка, что у сестры глупый сынъ родился! Въ семьѣ не безъ урода.... Но клинъ клиномъ выгоняютъ, говоритъ пословица.... Нажилъ я на время племянницу, откажусь на время отъ племянника....

ГРАФЪ. Какъ же ты это сдѣлаешь....

МАТЕРОЙ. Оно, конечно, трудновато.... но какъ нибудь уладимъ. Главное дѣло въ томъ, что мнѣ теперь время дорого.... въ два часа мнѣ у Моисея Самойловича быть нужно....

ГРАФЪ. Поѣдемъ, я тебя довезу въ моей каретѣ и самъ тоже къ Фенхелю зайду и попрошу его.

МАТЕРОЙ. Много чести, батюшка графъ, ваше сіятельство. Впрочемъ если позволите.... дорогою обдумаемъ, что̀ дѣлать теперь.... Утро вечера мудренѣе, авось и поправимся! (*Хотятъ идти*).

ЯВЛЕНІЕ XVII.

МАТЕРОЙ, ГРАФЪ И ЛИЗА *входятъ въ слезахъ.*

МАТЕРОЙ. Это что̀? Николаева невѣста въ слезахъ!

ГРАФЪ. Что́ съ вами, Лизавета Ивановна?

ЛИЗА. Это дурно! это низко, это ни на что́ не похоже!...

ГРАФЪ. Что̀ съ вами, скажите!

ЛИЗА. Вообразите себѣ, что Николай Степановичъ отказывается отъ моей руки.... Онъ боится неровнаго брака.... И всему этому причиною его богатство!... Очень оно мнѣ нужно, его богатство!....

МАТЕРОЙ. Это доказываетъ, что онъ не сто́итъ быть богатымъ, и что ему надобно дать порядочный урокъ.... Я проучу его!...

ГРАФЪ. Сто́итъ ли плакать о такомъ человѣкѣ, Лизавета Ивановна.... Онъ васъ не сто́итъ....

ЛИЗА. А онъ находитъ, что я его не сто́ю....

ГРАФЪ. Сыщется вамъ женихъ втрое лучше!

ЛИЗА. Я чувствую, что никого не буду любить такъ, какъ я люблю Николая Степановича.... Да и кто захочетъ на мнѣ жениться?...

МАТЕРОЙ. Было бы болото, черти найдутся! говоритъ пословица.... Я вамъ вотъ что̀ скажу, матушка: если завтра же не обвѣнчаю васъ съ Николаемъ, то самъ, со всѣми моими милліонами женюсь на васъ и не оставлю ему въ наслѣдство ни полушки.

ЛИЗА. Душенька, дядюшка! очаровательный дядюшка!

матерой. Вы ему объявить можете, что онъ мнѣ не племянникъ, что я лишилъ его наслѣдства.... однимъ словомъ, говорите ему все, что́ хотите! Я вамъ скажу только то, что отъ меня онъ не получитъ ни копейки, если на васъ не женится.

лиза. Милѣйшій дядюшка, красавчикъ дядюшка!

матерой (*графу*). Однако, пора, а то не застанешь его, батюшка, ваше сіятельство.

графъ. Я готовъ. (*Оба уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

лиза *одна*, *потомъ* спичкинъ.

лиза. Какъ я рада!... Ужасъ какъ рада.... это научитъ васъ, Николай Степановичъ, какъ отъ невѣсты отказываться.... Да еще мало этого.... я и сама помучаю его.... Его голосъ!... точно, это онъ... притворюсь, будто его не замѣчаю....

(*Оправляется передъ зеркаломъ*).

спичкинъ (*входя въ партикулярномъ платьѣ, съ разными покупками*).

№ 6.

Если только деньги есть,
Можно разомъ все завесть.
Деньги есть (bis)
Такъ по деньгамъ вамъ и честь!
Вотъ какъ денежки нашлись,
Всѣмъ мы вдруъ обзавелись:
Модный фракъ, сюртукъ, жилетъ,
Шляпа, трость, часы, лорнетъ,
И перчатки, и бѣлье....
Право въ Питерѣ житье:
Можно разомъ все завесть,
Если только деньги есть!

То есть, просто, франтъ, молодецъ хоть куда.... Одно меня безпокоитъ.... не смотря на мое богатство и полную готовность съ моей стороны, я такъ глупъ, что не могу выбросить изъ головы эту бѣдную Лизу.... Она, вѣрно, плачетъ, сокрушается.... объ чемъ

сама не знаетъ.... А касательно слезъ.... Я не имѣю къ онымъ ни малѣйшаго расположенія: онѣ наводятъ на сердце душевное прискорбіе *(Лиза, поправляя прическу передъ зеркаломъ, начинаетъ напѣвать веселый романъ)*. Да она тутъ распѣваетъ.... и такъ весела!... Тото будетъ приведена въ изумленіе моимъ нарядомъ.... въ совершенное изумленіе!... *(Лизѣ)*. Лиза! Лизавета Ивановна!

лиза. Ахъ, это вы, Николай Степановичъ (*Продолжаетъ пѣть*).

спичкинъ (*въ-сторону*). И должнаго вниманія не обращаетъ!... и *вы* говоритъ!... сердится.... (*Громко*). Да-съ, Елизавета Ивановна, это я-съ, возвратясь изъ гостинаго двора-съ и съ разныхъ магазиновъ отличнаго великолѣпія.... Позвольте узнать ваше мнѣніе касательно новаго костюма-съ!

лиза (*оборачиваясь*). Ахъ, Боже мой! да вы во фракѣ?... (*Въ-сторону*) Онъ очень милъ! (*Громко*) Да какіе же вы смѣшные!... обернитесь! Ха! ха! ха! да на васъ какъ то это все неловко сидитъ.... Точно будто чужое платье надѣли.

спичкинъ. Вѣрьте же послѣ этого магазинщикамъ.... Французъ проклятый увѣрялъ, что на заказъ лучше сшить нельзя.... Да ужъ касательно увѣренія они на это мастера.... а я то, дуракъ, въ-слѣдствіе таковаго поручительства уплатилъ ему семьдесять рублей серебромъ за пару.

лиза. Видно, что вы деньгамъ цѣны не знаете!

спичкинъ. Лизавета Ивановна! позвольте сдѣлать вамъ одинъ вопросъ.

лиза. Извольте.

спичкинъ (*нѣжно*). Мы, кажется, одни Лиза.... отчего же ты говоришь мнѣ *вы?*

лиза. Я и васъ попрошу оставить этотъ фамиліарный тонъ.... Съ-тѣхъ-поръ, какъ я невѣста другаго, я не...

спичкинъ (*перебивая*). Невѣста другаго? Вы невѣста другаго? Но, въ-слѣдствіе какого права?

лиза. Вы отказались отъ моей руки....

спичкинъ. Но ваши клятвы, ваши обѣщанія....

лиза. Я слѣдую вашему же примѣру, забывая ихъ....

спичкинъ. Но кто же вамъ сказалъ, что я забылъ....

лиза. Вы сами.... Не вы ли говорили, что еще дѣло не рѣшенное, что вы посмотрите, увидите....

спичкинъ. Я вижу ясно, что вы искали только предлога, чтобы отъ меня отдѣлаться.... Но кто же этотъ счастливецъ, который.... котораго вы.... то есть которому.... однимъ словомъ, кто онъ?

лиза. Вашъ дядюшка!

спичкинъ (*съ удивленіемъ*). Дядюшка! дядюшка, Иванъ Кузьмичъ?

лиза. Да.... Онъ увидѣлъ меня въ слезахъ, и узнавъ о чемъ я плачу, сказалъ мнѣ, что если племянникъ его забываетъ свой долгъ, то, чтобы поправить ошибку племянника, онъ женится на мнѣ самъ!...

спичкинъ. А вы такъ немедленно и изволили изъявить свое согласіе?

лиза. Въ ту же минуту. Вы такъ расхваливали мнѣ выгоды и удовольствія богатства.... что мнѣ захотѣлось самой испытать ихъ.

спичкинъ (*торжественно*). О женщины, женщины! Кому удастся проникнуть въ глубочайшіе изгибы вашего сердца! Вотъ оно, тщеславіе! Изъ за презрѣннаго металла, изъ за золота сгубить всю свою будущность.... жертвовать счастіемъ жизни.... разстроивать священный союзъ любви.

лиза (*перебивая*). Это изъ какой книги, Николай Степановичъ?

спичкинъ. Изъ печатнаго романа-съ.... развѣ не хорошо-съ?

лиза. Не въ этомъ дѣло.... Я должна сообщить вамъ еще одно непріятное извѣстіе: дядюшка лишаетъ васъ наслѣдства.

спичкинъ. Что?... лишаетъ?... какъ?... наслѣдства?... нѣтъ! пустяки ... Да откуда вы это взяли?...

лиза. Онъ мнѣ самъ сказалъ.

спичкинъ. И послѣ подобнаго поступка вы рѣшились выдти за него замужъ?

лиза. Рѣшусь!

спичкинъ. Да вѣдь онъ сѣдой старичишка!

лиза. За то онъ побогаче молодыхъ.

спичкинъ. Онъ золъ!

лиза. Со мной онъ былъ добръ....

спичкинъ. Онъ скупъ!

лиза. Для мота племянника, а не для такой благоразумной жены, какъ *я*.

спичкинъ. Вы, кажется, надо мною смѣетесь, Лизавета Ивановна! (*Жалобно, почти со слезами*). Грѣшно вамъ!... Я васъ такъ любилъ, такъ любилъ.... Я никогда и не переставалъ любить васъ.... я и не думалъ и не помышлялъ отказываться отъ васъ.... Я только сказалъ, что подумаю.... посмотрю.... Ну вотъ я и подумалъ, и посмотрѣлъ.... и хоть сейчасъ готовъ на васъ жениться!

лиза. Теперь уже поздно!

спичкинъ. Лизавета Ивановна! За что же вы отвергаете меня?

лиза. Я хочу быть богатою.

спичкинъ. Нѣтъ, должно полагать, что я ошибся въ чувствахъ вашихъ!... Если бы вы меня хоть капельку любили.... Вы хотите, чтобы я бросился передъ вами на колѣни?... Извольте, вотъ я у вашихъ ногъ....

лиза. Встаньте, Николай Степановичъ, къ чему это!...

спичкинъ. Не встану.... нѣтъ!... Сжальтесь.... обратите на меня милостивое вниманіе свое!... Согласитесь снова отдать мнѣ вашу руку!

лиза. Встаньте! Я въ свою очередь скажу вамъ, что я посмотрю.... подумаю.... Да, я соглашусь выдти за васъ.... но съ однимъ условіемъ....

спичкинъ *(вставая)*. Говорите! Я ожидаю изложенія условій вашихъ и заранѣе изъявляю согласіе на оныя.

лиза. Вы должны сами добровольно отказаться отъ наслѣдства вашего дядюшки....

спичкинъ. Помилуйте, Лизавета Ивановна! Въ-слѣдствіе чего же отказываться отъ состоянія?... Не лучше ли намъ пользоваться имъ вмѣстѣ?... *(Нѣжно)*. За особенно-пріятное удовольствіе сочту раздѣлить его съ тобою, ангелъ моей жизни.

лиза. Мнѣ состояніе вовсе не нужно.

спичкинъ. Не могу-съ вполнѣ сообразить понятія.... Но давно ли вы говорили мнѣ, что хотите быть богатою, а теперь.... Нѣтъ, Лиза, ангельчикъ, позволь сохранить мое будущее богатство! Вѣдь, какъ я тебя наряжать буду! И перья, и серьги, и шали турецкія разныя.... и карету куплю, и муслинъ-сюису англійскаго.... и марабу тебѣ, и браслеты, и попугая заведу....

лиза. Ничего мнѣ этого не нужно.... мнѣ нужно только тебя, но такимъ, какъ ты былъ прежде, бѣднымъ, но добрымъ и любезнымъ....

спичкинъ. Хоть десять тысячъ годоваго доходу позволь оставить!

лиза. Ни десяти рублей!... или я, для богатства, за твоего дядюшку выду....

спичкинъ. Хоть пять тысячъ?

лиза. Ни пяти копеекъ.

спичкинъ. Ну, будь по твоему, отказываюсь. *(Въ-сторону)* Выпрошу у дядюшки хоть тысячу серебромъ въ годъ.... такъ, секретное ассигнованіе, на непредвидѣнныя обстоятельства....

№ 7.

Вместѣ.

ЛИЗА.

Мнѣ мой женихъ во всемъ послушенъ,
Теперь довольна я вполнѣ....
Онъ даже такъ великодушенъ,
Что всѣмъ пожертвовалъ женѣ.

СПИЧКИНЪ.

Ну не смѣшно ли, какъ послушенъ
Своей я будущей женѣ?
Я глупъ, я просто простодушенъ,
И всѣ смѣяться будутъ мнѣ.

СПИЧКИНЪ (*одинъ*).

У насъ частехонько бываетъ,
Что мужъ, женѣ чтобъ угодить,
Все состоянье проживаетъ,
Такъ, что потомъ ужъ не чѣмъ жить....
Трудненько было сосчитать бы,
Мужей, прожившихся для женъ!...
Но я, дуракъ! еще до свадьбы
Моей невѣстой разоренъ.

Вместѣ.

ЛИЗА.

Мнѣ мой женихъ и пр.

СПИЧКИНЪ.

Ну не смѣшно ли и пр.

ЛИЗА. Въ награду за вашу покорность, Николай Степановичъ, вотъ вамъ моя рука.

СПИЧКИНЪ (*цѣлуя ея руку*). О! за подобную награду....

ЯВЛЕНІЕ XIX.

ЛИЗА, СПИЧКИНЪ И КОЛПАКОВА.

КОЛПАКОВА (*входя*). Помирились, голубчики мои.... Вотъ и хорошо!... А то, на что это похоже.... Ахъ, ты Господи! да какимъ вы франтомъ, Николай Степановичъ!

СПИЧКИНЪ (*охорашиваясь*). Помилуйте, Акулина Савишна! Если бы только финансовыя средства позволяли.... а ужъ касательно вкуса, осмѣлюсь вамъ доложить, что въ ономъ недостатка не будетъ.

КОЛПАКОВА. Конечно, это не мое дѣло, Николай Степановичъ... Всякій въ своемъ добрѣ воленъ; но позвольте спросить, такъ, по родственному.... сколько вы уже денегъ ухлопали?....

СПИЧКИНЪ. Не считалъ.... но, кажется, что слишкомъ тысячу рублей.

КОЛПАКОВА. Тысячу рублей!... ассигнаціями?

СПИЧКИНЪ. Нѣтъ, серебромъ! Кто же нынче на ассигнаціи считаетъ.... Да вѣдь за то, что накупилъ! Мебель во вкусѣ рококо и ренесонъ заказалъ, двѣсти цѣлковыхъ задатку далъ.... Заказалъ карету на лежачихъ-съ и пролетки тоже, триста задатку отдалъ.... Себѣ полный костюмъ купилъ, шляпу соломенную, другую складную на пружинахъ; очки золотые....

ЛИЗА. Да вѣдь вы ни слѣпы, ни близоруки....

СПИЧКИНЪ. Потому то я и пріобрѣлъ себѣ по глазамъ, съ простыми стеклами.... оно для бо́льшей важности нужно.... Три пальто купилъ.... особенно одно изъ трика, марилущаваго цвѣта.... Это я вамъ доложу какое! Равномѣрно пріобрѣлъ покупкою лорнетъ, что въ глазъ вставляютъ.... Да никакъ не могу выучиться бровью держать.... все выпадаетъ проклятый.... А фраки какіе, сюртучки, жилеты (*показывая панталоны*), вотъ эти вещи.... извините! то-есть, просто, восхитительныя.... Часы купилъ.... съ эшапеманомъ и эгвилями....

КОЛПАКОВА. Ну, а Лизанкѣ, вы, вѣрно, тоже что нибудь купили?

ЛИЗА. Ахъ, маменька!

СПИЧКИНЪ (*въ-сторону*). Дуракъ, болванъ, не догадался... (*Громко*). Какъ же съ, купилъ. (*Въ-сторону*). Представить ей что нибудь

изъ своего. (*Громко*). Вотъ здѣсь стклянночка духовъ.... самыхъ модныхъ....

колпакова. Только то?... Это изъ трехъ тысячъ пяти сотъ рублей?... Въ два двугривенныхъ подарокъ.... нѣчего сказать, разщедрился, батюшка, для невѣсты!...

спичкинъ (*отдавая духи Лизѣ*). Во-первыхъ, осмѣлюсь вамъ доложить, что не въ два двугривенныхъ, а восемь гривенъ серебромъ.... А во-вторыхъ.... (*Въ-сторону*). Совру. (*Громко*). Это я такъ купилъ бездѣлку.... За то заказалъ такую брилліантовую штуку, что, просто, удивленіе.

колпакова. Ну, а меня, я чай, забылъ?

спичкинъ. Нѣтъ-съ, прошу извинить! (*Въ-сторону*). Врать, такъ врать. (*Громко*). И вамъ заказалъ штучку.... Позвольте оставить въ видѣ сурприза.... а сверхъ-того взялъ на сегодня билетъ въ ложу, въ Александрынскій, на бенефисъ.

колпакова. Вотъ ужъ это, батюшка, напрасно! Охота за бенефисъ двойную цѣну платить.... можно и повторенья подождать.

ЯВЛЕНІЕ XX.

ТѢ-ЖЕ И МАТЕРОЙ.

колпакова. А вотъ и дядюшка вашъ!

лиза (*Спичкину*). Помните же обѣщаніе!

спичкинъ (*Матерому*). Дядюшка! Имѣя необходимость лично объясниться съ вами касательно одного важнаго дѣла....

матерой. А!... вы здѣсь, Николай Степановичъ.... Я очень радъ, что васъ встрѣтилъ, мнѣ тоже надобно поговорить съ вами!

спичкинъ. Какой вы торжественный тонъ принимаете, любезнѣйшій дядюшка!...

матерой. Я долженъ вамъ объявить, Николай Степановичъ что вы мнѣ вовсе не племянникъ.

спичкинъ, лиза и колпакова. Какъ? что? что такое?...

матерой. Что вы не имѣете никакого права на мое наслѣдство и не должны на него разсчитывать.

лиза (*въ-сторону*). Какъ я рада!

колпакова (*въ-сторону въ тоже время*). Это что за новость?

спичкинъ (*въ-сторону*). Прощай и тысяча серебромъ секретнаго

дохода! Ну, да все равно. (*Громко Матерому*). Что́ касается до наслѣдства, то я самъ имѣлъ намѣреніе просить васъ лишить меня онаго....

ВМѢСТѢ.
- КОЛПАКОВА (*въ-сторону*). Что́ онъ съ-ума сошелъ, что́ ли?
- МАТЕРОЙ (*въ-сторону*). Это что́ бы значило?
- ЛИЗА (*въ-сторону*). Вотъ милашка.

СПИЧКИНЪ. Но, что я не племянникъ вашъ, это подлежитъ сомнѣнію: матушка моя, Лизавета Кузьминишна, была вамъ родная сестра; въ-слѣдствіе чего и я, сынъ ея....

МАТЕРОЙ. Въ томъ то и штука, что вы не сынъ ея, а пріемышъ....

КОЛПАКОВА. Ка́къ? что́? пріемышъ?...

МАТЕРОЙ. Да, пріемышъ!... Человѣкъ безъ роду, безъ племени!... Безъ имени овца, говоритъ пословица....

СПИЧКИНЪ (*перебивая*). Послушайте, дядюшка.... потому что вы мнѣ дядюшка, я буду имѣть честь доказать вамъ это самыми ясными доводами; такъ послушайте, дядюшка, такія оскорбительныя вещи не говорятъ людямъ при ихъ невѣстахъ и будущихъ тёщахъ!... Черезъ четверть часа я буду имѣть честь опровергнуть ложные навѣты клеветы.... Приготовляя бумаги, которыя мнѣ были нужны для свадьбы, я между прочимъ отыскалъ и метрическое о моемъ рожденіи и крещеніи свидѣтельство, въ 1821 году, отъ 13 мая, за № 7083, отцу моему выданное. Изъ онаго вы ясно усмотрѣть изволите то́, что я законный сынъ вышеупомянутыхъ родителей моихъ, а не пріемышъ или подкидышъ какой.... Я сейчасъ за нимъ съѣзжу.... Уйдемте, матушка, уйдемте, Лизавета Ивановна, чтобы вернуться съ доказательствами въ рукахъ! Да, дядюшка, вы изволите на опытѣ убѣдиться, что племянникъ не то́, что какой либо чиновникъ въ Департаментѣ. Жалованья вы ему можете не давать, а въ отставку не выгоните и отъ должности не отрѣшите! Племянникъ, все племянникомъ останется!

(*Уходитъ, за нимъ Лиза и Колпакова*).

ЯВЛЕНІЕ XXI.

МАТЕРОЙ.

МАТЕРОЙ (*одинъ*). Вотъ те и здравствуй! Заварилъ кашу, а какъ разхлебаю и самъ не знаю.... Вѣдь надобно же было на бѣду,

чтобы у него это свидѣтельство было цѣло!... Я думалъ, что эта выдумка хоть на нѣсколько дней мнѣ удастся, чтобы избавить Ольгу Павловну отъ родни, которая ей не нравится, и тѣмъ отстранить препятствіе къ сватьбѣ.... потому что этакимъ родомъ племянника изъ родни бы выжилъ, а самъ обѣщалъ бы уѣхать въ Сибирь тотчасъ послѣ сватьбы.... Что же будетъ теперь? А?... Когда она узнаетъ объ этой хитрости, то можетъ догадаться и объ остальномъ! Она посмышленнѣе моего племянника.... Ее, какъ стараго воробья на мякинѣ не проведешь, какъ говоритъ пословица.... Графъ скоро возратится.... А я обѣщалъ ему полный успѣхъ.... Не давъ слова крѣпись, а давши держись, говоритъ пословица; взялся за гужъ, не говори, что недюжъ.... Надобно придумать что нибудь другое.... взять, какъ говорятъ, не мытьемъ, такъ катаньемъ.... (*Думаетъ*). А! нашелъ!... Если и это не удастся то ужъ я не знаю, что и придумать.

(*Садится за столъ и пишетъ*).

ЯВЛЕНІЕ XXII.

МАТЕРОЙ (*пишетъ*) И ГРАФЪ.

ГРАФЪ. Ну, что новаго, Кузьмичъ?

МАТЕРОЙ *(продолжая писать)*. Ахъ, это вы, ваше сіятельство... сейчасъ, позвольте дописать....

ГРАФЪ. Пока ты хлопоталъ тутъ обо мнѣ, я, кажется, твое дѣло устроилъ.... Моисей Самойловичъ разобралъ со мною все въ совершенной подробности; я разсказалъ ему всѣ твои доводы, и онъ послалъ за маклеромъ, чтобы утвердить и записать въ книгу то форменное условіе, которое ты ему представилъ.

МАТЕРОЙ. (*Запечатавъ письмо и надписывая конвертъ*). И онъ ничего не перемѣнилъ въ условіи, батюшка?

ГРАФЪ. Онъ сказалъ, что если и сдѣлаетъ измѣненія, то въ твою же пользу. Я заѣхалъ домой и послалъ къ нему человѣка съ запискою, въ которой просилъ прислать съ подателемъ условіе, какъ только оно будетъ совершено, чтобы тебѣ не ждать напрасно....

МАТЕРОЙ (*вставая*). Не знаю, какъ и благодарить васъ, батюшка, ваше сіятельство!... Да вамъ вѣдь изъ благодарности то моей не шубу шить, какъ говоритъ пословица.... постараюсь лучше вамъ за это службу сослужить.

ГРАФЪ. Ну что же наши дѣла? подвинулись?

МАТЕРОЙ. Подвинулись, ваше сіятельство: шагъ впередъ да два назадъ.... Во первыхъ, я долженъ вамъ доложить, что племянникъ мой останется по прежнему моимъ племянникомъ.

ГРАФЪ. Я это заранѣе зналъ.

МАТЕРОЙ. Съ этимъ дѣлать нечего, батюшка, не удалось. Такія уже обстоятельства вышли.... плетью обуха не перешибешь, говоритъ пословица.... Но за то я придумалъ новую штуку, за успѣхъ которой готовъ Богъ знаетъ чѣмъ поручиться.... (*Показывая письмо*). Въ этомъ письмѣ одинъ изъ нашихъ Сибирскихъ золотопромышленниковъ, молодой человѣкъ съ несмѣтнымъ состояніемъ проситъ у меня руки моей племянницы. Она должна же будетъ наконецъ дать рѣшительный отвѣтъ. Если у васъ тутъ человѣкъ, батюшка ваше сіятельство!

ГРАФЪ. Есть. (*Въ дверь*). Алексѣй! (*Входитъ человѣкъ*). Но объясни, что ты хочешь дѣлать?

МАТЕРОЙ. Сейчасъ все объясню, батюшка. (*Человѣку*). Возьми это письмо, и этакъ черезъ четверть часа, какъ вернется Ольга Павловна, скажи дворнику, чтобы онъ подалъ сюда въ квартиру, ступай!...

АЛЕКСѢЙ. Слушаю-съ! (*Уходитъ*).

МАТЕРОЙ. Видите, батюшка, вы еще плохо изволите знать женскій обычай: позволь — не хочу; запрети — на стѣну полезетъ. подай, да подай; вынь, да положь! Право! Я строжайше запрещу ей и думать объ васъ, увидите сами, что изъ этого выйдетъ.... Никакъ она вернулась.... Не забывайте, что я вамъ сказалъ, да не пугайтесь моего крику....

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

МАТЕРОЙ, ГРАФЪ И ОЛЬГА ПАВЛОВНА, (*входя снимаетъ шляпку*).

МАТЕРОЙ (*продолжая разговоръ чрезвычайно громко*). Такъ я вамъ говорю, милостивый государь, что я покорнѣйше прошу васъ оставить этотъ домъ и впередъ сюда ни ногой!...

ГРАФЪ (*тихо*). Что же мнѣ отвѣчать?

МАТЕРОЙ (*тихо*). Что угодно. (*Очень громко*). Я имѣю право сказать вамъ это, милостивый государь! Я говорю вамъ это, какъ дядя, да!... Знай сверчекъ свой шестокъ, говоритъ пословица.... Этому никогда не бывать, милостивый государь, никогда!

ОЛЬГА ПАВЛОВНА (*подходя*). Что съ вами, дядюшка, вы такъ разстроены.... Вы, кажется, сердитесь!...

МАТЕРОЙ. Еще бы не сердиться! Вообрази себѣ, что этотъ господинъ ни съ того ни съ сего вздумалъ тебя сватать.... Конечно, наслѣдница восьми милліоновъ хоть кого соблазнитъ.... Но я тебѣ запрещаю впередъ, Олинька, принимать этого молодаго человѣка.... я запрещаю; слышишь ли?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА. Но, дядюшка.... подобный поступокъ.... Я такъ много обязана графу.

МАТЕРОЙ. Что мнѣ за дѣло до его графства! Я его и знать не хочу... нѣтъ, мой другъ: большому кораблю большое и плаванье, говоритъ пословица... Я нашелъ тебѣ другаго жениха, одного изъ нашихъ золотопромышленниковъ, у котораго въ оборотѣ до милліона серебромъ.

ГРАФЪ (*въ сторону*). У него милліоны дешевле рублей простыхъ.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА. Дядюшка, что вы дѣлаете?... (*Графу*). Я надѣюсь, что вы не вѣрите, чтобы подобная причина....

ГРАФЪ. Я долженъ вѣрить словамъ дядюшки... особенно, когда вы сами....

ОЛЬГА ПАВЛОВНА. Левъ Андреичъ, увѣряю васъ.... мое... расположеніе къ вамъ.

МАТЕРОЙ (*въ-сторону*). Пошла писать!

ГРАФЪ. Къ чему напрасныя увѣренія! Въ теперешнемъ положеніи нашемъ одно согласіе ваше можетъ убѣдить меня....

ОЛЬГА ПАВЛОВНА (*въ-сторону*). Боже! На что рѣшиться.

ГРАФЪ. Но вы согласны съ мнѣніемъ вашего дядюшки....

МАТЕРОЙ. Разумѣется! У меня молодецъ племянница.... Объяви же ему сама, что ты выходишь за нашего Сибиряка.... Вѣдь полтора милліона серебромъ не шутка.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА. Вы сказали прежде милліонъ?

МАТЕРОЙ (*поправляясь*). Милліонъ въ оборотѣ; да, но у него есть еще недвижимое.... до полутора милліона всего наберется....

ОЛЬГА ПАВЛОВНА (*графу*). Левъ Андреевичъ! Вы искали руки моей. Вотъ она, возьмите, я согласна.

ГРАФЪ (*цѣлуя ея руку*). Ольга Павловна! Какъ выразить вамъ мое счастіе?....

МАТЕРОЙ (*въ-сторону*). Пошло дѣло на ладъ! (*Громко*). Да я то что же? Пень, что ли, прости Господи!.... И вы думаете, что я позволю?...

ОЛЬГА ПАВЛОВНА. Добрый дядюшка! — Вы тронетесь моими просьбами.... Вы согласитесь на этотъ бракъ.

ГРАФЪ. Да, вы согласитесь....

МАТЕРОЙ (*сердито*). Никогда, милостивый государь, никогда.

ГРАФЪ (*тихо Матерому*) Соглашайся, чортъ возьми.... или я....

МАТЕРОЙ (*громко и сердито*) Никогда (*Тихо графу*) Рано еще, погодите!

ЯВЛЕНІЕ XXIV (*и послѣднее*).

ТѢЖЕ СПИЧКИНЪ ЛИЗА И КОЛПАКОВЪ.

СПИЧКИНЪ (*Матерому*). Имѣю честь представить при семъ на благоусмотрѣніе ваше, любезнѣйшій дядюшка, документы о моемъ происхожденіи, ясными и неоспоримыми доводами, подкрѣпляющими родство наше; и потому покорнѣйше прошу.... (*Подаетъ Матерому бумаги*).

МАТЕРОЙ. Отвяжись ты съ твоими документами, мнѣ теперь не до тебя..... Тутъ вотъ племянница блажить вздумала.....

СПИЧКИНЪ. Равномѣрно препровождаю при семъ конвертъ, отъ дворника мнѣ доставленный и врученный сему послѣднему лакеемъ въ синей ливреѣ.

МАТЕРОЙ. Я знаю, что это за письмо.... Подай его этой упрямицѣ, которую я за ея непослушаніе лишаю наслѣдства, (*Спичкинъ подаетъ письмо Ольгѣ Павловнѣ*) въ твою пользу, Николай!.... Прочитайте сударыня.... Это письмо моего Сибиряка... надобно же, чтобы вы видѣли, отъ чего вы отказываетесь....

ОЛЬГА ПАВЛОВНА (*пробѣжавъ письмо*). Что́ жъ это значитъ? (*Читаетъ*) Милостивый государь Иванъ Кузьмичъ! Разсмотрѣвъ просьбу вашу и приложенное при ней условіе, я убѣдился вполнѣ въ невинности вашей и съ особеннымъ удовольствіемъ готовъ принять васъ управляющимъ на Шалонскій пріискъ; но, чтобъ хотя нѣсколько вознаградить васъ за понесенныя вами отъ нашей несправедливости потери и во вниманіе къ ходатайству графа Льва Андреевича, я назначилъ вамъ, вмѣсто просимыхъ вами трехъ тысячъ, три тысячи шесть сотъ рублей серебромъ въ годъ, надѣясь, что вы службою вашею оправдаете довѣренность нашей компаніи. Подписано «Моисей Фенхель.» Адресъ: Ивану Кузьмичу Матерому.... Что́ жъ это значитъ? Я ничего не понимаю!....

МАТЕРОЙ. Это значитъ, что, благодаря его сіятельству, я буду управляющимъ на пріискѣ, съ отличнымъ содержаніемъ; что вамъ, Ольга Павловна, не нужно мое согласіе, чтобы выйти замужъ, потому что Иванъ Кузьмичъ Матерой вамъ вовсе не дядя, а что ты, Николай, остаешься попрежнему моимъ племянникомъ.

КОЛПАКОВА. Слѣдовательно, и наслѣдникомъ.....

МАТЕРОЙ. Только не милліоновъ, матушка, объ которыхъ мы поминутно говорили; потому что у меня, кромѣ содержанія управляющаго, да небольшой лавки въ Красноярскѣ, нѣтъ ровно ничего. Говорить то все можно, языкъ безъ костей, гнется, да не всякому слуху вѣрь, говоритъ пословица.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА (*Графу*). Такъ вся эта комедія была ничто болѣе, какъ новая хитрость, новый обманъ....

ГРАФЪ. Но этотъ обманъ доставилъ мнѣ ваше согласіе.

МАТЕРОЙ. Теперь мнѣ остается только передъ отъѣздомъ въ Сибирь отпраздновать свадьбу племянника. (*Беретъ Лизу и Спичкина за руку*). Дѣти мои, соединяю и благословляю васъ.... будьте счастливы.

СПИЧКИНЪ. А что же дядюшка, на свадьбу то мнѣ.... что нибудь.... этакъ... соблаговолите!....

МАТЕРОЙ. Ахъ ты Фома, большая крома! Мало тебѣ развѣ пяти тысячь серебромъ.

СПИЧКИНЪ. Вы спросите прежде дядюшка, много-ли изъ-нихъ осталось.... Въ полной надеждѣ на ваши милліоны, я протеръ глаза этимъ денежкамъ....

МАТЕРОЙ. И выходитъ, что глупому сыну не въ помочь богатство, какъ говоритъ пословица.... Ну, да авось женишься перемѣнишься.... Я и впередъ тебя не забуду.... Моисей Самойловичъ, какъ нарочно, прибавилъ мнѣ содержаніе.... Излишекъ пойдетъ твоей женѣ, и вы будете получать 600 рублей серебромъ въ годъ.

СПИЧКИНЪ. Вотъ онъ, дядюшка то, вотъ онъ! Однако послушайте, какъ же это сестрица то, Ольга Павловна, вамъ больше не племянница?

МАТЕРОЙ. А такъ, что я былъ ей не настоящій дядюшка.... а знаешь, этакъ, пополамъ съ грѣхомъ.... какъ и все на свѣтѣ....

КОЛПАКОВА. Именно, батюшка! все по поламъ съ грѣхомъ.

№ 8. Водевиль.

КОЛПАКОВА.

Дѣвицы часто разбираютъ,
Бракуютъ жениховъ!

И незамѣтно достигаютъ
До пожилыхъ годковъ.
Тогда сговорчивѣе станутъ,
И рады ужъ потомъ,
Какъ муженька себѣ достанутъ....

(*Говоритъ*). Хоть и не отличнаго, а такъ ужъ, хоть какого нибудь....

Хоть пополамъ съ грѣшкомъ!

ГРАФЪ.

Какъ рыба объ ледъ прежде бился
Нашъ важный откупщикъ;
Теперь, когда обогатился,
Жить бариномъ привыкъ:
Ѣстъ на серебряной посудѣ
Открытый держитъ домъ....
Ну, какъ выходятъ люди въ люди?....

(*Говоритъ*). Подумаешь, подумаешь.... да не хотя и скажешь:

Какъ пополамъ съ грѣшкомъ!

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Хоть нѣтъ на свѣтѣ совершенства,
Хоть счастья нѣтъ вполнѣ,
Но намъ любовь даетъ блаженство
На радость нашихъ дней....
Что бракъ нашъ счастье ожидаетъ,
Какъ поручиться въ томъ?
Любовь намъ много обѣщаетъ....

(*Говоритъ*) Хорошо, если она сдержитъ свое обѣщаніе.... хоть не вполнѣ....

Хоть пополамъ съ грѣхомъ!

СПИЧКИНЪ.

Плохихъ дѣльцовъ на службѣ много:
Идутъ въ чины они....

Начальство ихъ не судитъ строго,
Они ему съ родни....,
Но нашъ начальникъ отдѣленья,
Безъ связей слылъ дѣльцомъ....
А не напишетъ отношенья....

(*Говоритъ*). Просто гиль нагородитъ..... Кто говоритъ, что у него жена хороша, что тутъ дискать связи другаго рода.... Кто говоритъ, что онъ на тепломъ мѣстечкѣ правила дѣленья не забываетъ.... Какъ бы оно тамъ ни было, а ужъ попалъ на важное мѣсто.

Такъ! пополамъ съ грѣхомъ!

ЛИЗА.

Въ столицѣ встрѣтимъ мы не рѣдко,
Что выѣзжаетъ въ свѣтъ,
Красой цвѣтущая котетка,
Которой сорокъ лѣтъ.
На взглядъ свѣжа, какъ утро мая
Стройна, бѣла лицомъ,....
Зубки жемчугъ, коса густая....

(*Говоритъ*). То есть, просто, красавица.... Заглядѣться можно... А посмотрите хорошенько, свои ли всѣ эти красы?... И выдетъ, на повѣрку.

Нѣтъ! пополамъ съ грѣхомъ!....

МАТЕРОЙ (*къ публикѣ.*)

Въ концѣ піесы снисхожденья
У публики просить
Вошло у всѣхъ въ обыкновенье....
Съ волками надо выть!
Такъ не судите жъ слишкомъ строго;
Мы просимъ объ одномъ:
Поаплодируйте немного....

(*Говоритъ*). Хоть, можетъ быть, авторъ и не стóитъ этого....

Простите его великодушно: онъ винится передъ вами, а повинную голову и топоръ не сѣчетъ, говоритъ пословица.... Похлопайте же не много.... а если кто у васъ спроситъ: какова піеса, какъ она тамъ разыграна, то ужъ отвѣчайте, что дискать

Такъ, пополамъ съ грѣхомъ!

ЭЛЕГІЯ.

Когда я, по полю гуляя
Одинъ — осеннею порой —
Гляжу, какъ птицы, улетая,
Съ родной прощаются страной.
И въ даль несутся: въ страны юга,
Гдѣ вѣчный май, гдѣ все цвѣтетъ,
Гдѣ соловей съ своей подругой
Всю ночь безъ умолку поетъ.
И какъ деревья, разставаясь
Съ одеждой блѣдною своей —
Надъ злой зимою насмѣхаясь,
Спокойно ждутъ весеннихъ дней.
Тогда, къ землѣ склонясь главою,
Я говорю себѣ — съ тоской:
Зачѣмъ, зачѣмъ лишенъ судьбою,
Грядущей льстить себя весной?
О! отъ чего безъ упованій
Живу я, бѣдный — рабъ страстей,
И безъ надеждъ, безъ ожиданій
Томлюся жизнью, какъ злодѣй.
Зачѣмъ всегда одной мечтою
Полна бываетъ грудь моя?
Что я разстануся съ тоскою,
Тогда — какъ въ гробѣ буду я.
Что только въ той загробной жизни
Душевный міръ я обрѣту,
И что въ родной моей отчизнѣ
Себѣ я счастья не найду.

Тогда, душой больной тоскуя —
Схожу со скошенныхъ полей,
И въ домъ страданья мой иду я
Считать остатокъ грустныхъ дней!

П — овъ.

С. М.
1846, октября 21.

=

МАСКАРАДЪ

ВЪ

ОПЕРНОМЪ ТЕАТРѢ

ИЛИ

ПРОКАЗЫ ЖЕНАТАГО.

КОМЕДІЯ ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

А. Е. АНДРЕЕВА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Морисъ Дюрозель, ходатай по дѣламъ . . . . . *Г. Максимовъ* 1-й.
Амалія, жена его . . . . . *Г-жа Самойлова* 2-я.
Бартолини, докторъ . . . . . *Г. Мартыновъ.*
Агнеса, жена его . . . . . *Г-жа Куликова.*
Состенъ. . . . . *Г. Сосницкій.*
Маркизъ де-Бошанъ . . . . . *Г. Смирновъ* 1-й.
Маркизъ Люсне . . . . . *Г. Славинъ.*
Монжиронъ, виконтъ. . . . . *Г. Сергѣевъ.*
Жозефъ, слуга Дюрозеля . . . . . *Г. Семеновъ.*
Батистъ, слуга въ кофейной театра Горничная. . . . . *Г. Фалѣевъ.*

Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ.

(Представлена въ первый разъ на Александрынскомъ-театрѣ, 17-го октября 1846 г., въ бенефисъ г-жи *М. Д. Дюръ*).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

МУЖЪ НАЧИНАЕТЪ ПОШАЛИВАТЬ.

Зала въ домѣ Дюрозеля. Дверь прямо и направо. На лѣво окно. Въ комнатѣ каминъ, фортепіано, кушетка.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЖОЗЕФЪ И СОСТЕНЪ.

СОСТЕНЪ (*входя*) А!... Жозефъ! Кузина дома?

ЖОЗЕФЪ. У себя-съ. Кушаютъ.

СОСТЕНЪ. А Морисъ обѣдаетъ развѣ въ городѣ?

ЖОЗЕФЪ. Точно такъ-съ. Барыня ихъ дожидали до 7-ми часовъ,

СОСТЕНЪ. А?... (*Въ-сторону*). Онъ ее даже не предупредилъ, что не будетъ дома обѣдать..... Гмъ!.... Поговорю съ этимъ лакеемъ, авось что нибудь да узнаю.... (*Ему*) Послушай!

ЖОЗЕФЪ (*который уже хотѣлъ уйти, останавливается*). Что прикажете-съ?

СОСТЕНЪ. Я тебѣ, кажется, что-то давно не давалъ ни на чай, ни на водку?... а?

ЖОЗЕФЪ. Да за вами не пропадетъ-съ.

СОСТЕНЪ. Разумѣется, не пропадетъ. Я бы давно.... да все забывалъ.... (*Вынимаетъ кошелекъ и оттуда монету*). Скажи-ка, пожалуста, Жозефъ, что, ты привязанъ къ своимъ господамъ?. а?

ЖОЗЕФЪ. Какъ же-съ! Сколько лѣтъ я уже у нихъ служу.

СОСТЕНЪ. Конечно, прежде.... это было другое дѣло, а теперь... ну да..... ты много получаешь жалованья?

ЖОЗЕФЪ. Да довольно-съ, будетъ съ меня.

СОСТЕНЪ. Когда такъ, ты долженъ дорожить имъ. Нужно, разумѣется, чтобъ и господа были тоже тобой довольны, а для этого, конечно, нужно, чтобъ они сами то между собой дружно жили, хотя иногда кажется.... я, право, боюсь за нихъ.... *(Вынимаетъ другую монету.)*

ЖОЗЕФЪ. Можетъ быть-съ, но я ничего не замѣчалъ.

СОСТЕНЪ. Ты, конечно, какъ неглупый малый, понимаешь причину моихъ подозрѣній... другъ мужа... братъ жены.... А скажи, пожалуста, Жозефъ, что вы такъ, между собой, объ нихъ думаете?

ЖОЗЕФЪ. Что же кромѣ хорошаго? Мы ими очень довольны.

СОСТЕНЪ. Что?.... за столомъ, они этакъ побраниваются?.... Я думаю не безъ того?....

ЖОЗЕФЪ. Я не имѣю привычки слушать, что говорятъ господа за столомъ.

СОСТЕНЪ. Ну а когда, напримѣръ, баринъ пріѣзжаетъ поздно, знаешь этакъ... что они?.. вѣдь не все же въ ладу жить....

ЖОЗЕФЪ. Не замѣчалъ-съ.

СОСТЕНЪ. *(Кладя деньги опять въ кошелекъ и пряча его въ карманъ, говоритъ въ-сторону)* Что жъ этотъ болванъ тутъ дѣлаетъ?

ЖОЗЕФЪ. Прикажете объ васъ доложить? *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ II

СОСТЕНЪ *(одинъ).*

СОСТЕНЪ. Что онъ корчитъ что ли такаго скромнаго. Негодяй, должно быть. И я очень хорошо сдѣлалъ, что не далъ ему денегъ. Десять франковъ остались у меня въ карманѣ.... Какъ бы то ни было, пари держу, что у нихъ должно быть что нибудь да не тихо.... хе, хе.... Это было бъ мнѣ по сердцу. Кузина моя очаровательна.... я, просто, былъ безъ ума отъ нея, и надобно же, чтобъ этотъ негодяй Морисъ на ней женился. Я ему этого никогда не прощу. Я, разумѣется, явно не пойду противъ сильнѣйшихъ правъ — мужа, но когда нибудь.... у меня еще есть надежда.

ЯВЛЕНІЕ III.

СОСТЕНЪ АМАЛІЯ И ЖОЗЕФЪ.

АМАЛІЯ. Для чего же вы раньше не пришли, братецъ; вы бы были очень кстати, я бы не обѣдала сегодня совершенно одна.

СОСТЕНЪ. Ну я тогда на мѣстѣ кой-кого сталъ бы ревновать.

АМАЛІЯ. Да куда же въ-самомъ-дѣлѣ онъ дѣвался? (*Жозефу, который поправлялъ цвѣты на каминѣ*) Жозефъ! Что баринъ, уѣзжая, не говорилъ тебѣ, что не будетъ дома обѣдать?

ЖОЗЕФЪ. Никакъ нѣтъ-съ.

АМАЛІЯ. И не говорилъ, когда вернется?

ЖОЗЕФЪ Они мнѣ ничего не сказали.

АМАЛІЯ. Странно! (*Смотря на часы, говоритъ въ-сторону.*) Уже восемь часовъ.

СОСТЕНЪ (*въ-сторону*). Что нибудь да есть... (*Ей*). О чемъ вы безпокоитесь! Вѣрно, какія нибудь дѣла задержали Мориса въ городѣ.

АМАЛІЯ. Я сама тоже думаю... не всегда же можно навѣрно располагать своимъ временемъ; иногда бываютъ такія дѣла, что...

СОСТЕНЪ. Конечно... но все-таки, въ такомъ случаѣ, нужно бы было предупредить.

АМАЛІЯ. Нельзя же вдругъ обо всемъ думать?

СОСТЕНЪ. Но мужья обыкновенно ни объ чемъ не думаютъ.

АМАЛІЯ. А вы, какъ кажется, напротивъ, объ нихъ очень дурно думаете.

СОСТЕНЪ (*улыбаясь*) Что же дѣлать? Они всѣ такіе негодные.

АМАЛІЯ. Ну нѣтъ, есть же и добрые мужья.

СОСТЕНЪ. Въ-самомъ-дѣлѣ?

АМАЛІЯ. Напримѣръ, мой!

СОСТЕНЪ. О разумѣется. Браня мужей, я объ немъ даже и не подумалъ. Да у кого же поднимется рука на своего искренняго друга?

АМАЛІЯ. Неужели же сомнѣваться въ счастіи, которымъ я вполнѣ наслаждалась въ продолженіе трехъ лѣтъ нашего супружества, и если теперь и случаются подобныя маленькія отлучки, то я увѣрена, что онъ самъ бѣдняжка первый отъ этого терпитъ.

СОСТЕНЪ (*въ-сторону*). Ну, значитъ я ошибся..... Они живутъ дружно.

АМАЛІЯ. Да я васъ и не приглашаю садиться... Да, вѣдь вамъ не церемониться же со мной.... Прошу покорно. (*Состенъ беретъ стулъ, она прислушивается*) Кажется, подъѣхала карета?.. Не онъ ли?... (*Отворяетъ окно и смотритъ, высунувшись на улицу*);

СОСТЕНЪ (*въ-сторону, держа стулъ*). Она что-то безпокоится.... Теперь, кажется, нѣтъ сомнѣнія!... Она, вѣрно, имѣетъ какое нибудь подозрѣніе.... (*Садится подлѣ*).

АМАЛІЯ (*превозмогая себя*). Что вы дѣлали на этой недѣлѣ, братецъ? Были на вечерахъ? Въ театрѣ.

СОСТЕНЪ. Вездѣ, гдѣ только можно.

АМАЛІЯ. Я тоже была въ послѣднемъ концертѣ.

СОСТЕНЪ. Съ Морисомъ?

АМАЛІЯ. Нѣтъ... съ Бартолини и его женой.

СОСТЕНЪ. О неразлучные!.... Точно пара голубковъ. Вотъ примѣрное супружество!

АМАЛІЯ Правда, они всегда вмѣстѣ... Даже до странности... Напримѣръ, прошлаго года докторъ не соглашался быть крестнымъ отцомъ у нашего малютки безъ того, чтобъ Агнеса не была тутъ же крестною матерью.

СОСТЕНЪ. Да это ужъ ни на что не похоже.

АМАЛІЯ. Отъ чего же? Напротивъ.

СОСТЕНЪ. Да, для любовниковъ, я не противъ этого; но для супруговъ...

АМАЛІЯ. Правда, это ихъ можетъ скоро даже поссорить.

ЖОЗЕФЪ (*входя*). Г-жа Бартолини!

СОСТЕНЪ (*вставая*). А! г-жа Бартолини!

АМАЛІЯ. Проси. (*Въ-сторону*) Очень рада; по крайней мѣрѣ, она освободитъ меня отъ этого несноснаго человѣка.

ЯВЛЕНІЕ IV.

АМАЛІЯ, СОСТЕНЪ И АГНЕСА.

АГНЕСА. Здравствуй, душечка.... (*Увидя Состена*) А, извини пожалуста.... я тебѣ помѣшала, у тебя гости.

АМАЛІЯ. Нѣтъ, только кузенъ, больше никого.

СОСТЕНЪ. Кузенъ, какъ вы знаете, не считается....

АГНЕСА. Супругъ мой только что отправился къ одному больному, и я этимъ воспользовалась, чтобъ забѣжать къ тебѣ съ маленькой просьбой.... такъ, маленькая услуга....

СОСТЕНЪ (*беря шляпу*). Небольшой секретецъ!... Я ихъ уважаю и потому вамъ не мѣшаю....

АМАЛІЯ. Вы уже уѣзжаете?

АГНЕСА. Не я ли уже тому причиною?

СОСТЕНЪ. О нѣтъ, я вспомнилъ объ одномъ важномъ дѣлѣ, нетерпящемъ отлагательствъ... Я еще сюда забѣгу попозже. Не подъѣдетъ ли къ тому времени Морисъ?

АМАЛІЯ. Ну, онъ иногда очень поздно возвращается....

СОСТЕНЪ (*въ-сторону*). Ахъ, кабы я могъ пронюхать, гдѣ и съ кѣмъ обѣдалъ сегодня этотъ гуляка! (*Имъ*). До свиданія.... (*Уходитъ*). Надѣюсь скоро всё узнать.

ЯВЛЕНІЕ V.

АМАЛІЯ, АГНЕСА.

АМАЛІЯ. Какой несносный!

АГНЕСА. Несноснѣе его я не видала.

АМАЛІЯ. Онъ надоѣдаетъ намъ своими безпрестанными посѣщеніями, подъ предлогомъ говорить съ Морисомъ о дѣлахъ.... которыхъ у него никогда не бывало.

АГНЕСА. Это точно также, какъ и къ намъ. Каждый день приходитъ совѣтываться съ мужемъ о здоровьѣ.... да о какомъ еще цвѣтущемъ здоровьѣ.... о здоровьѣ дурака!

АМАЛІЯ. И все съ цѣлью пронюхать, разузнать, что́ у кого дѣлается....

АГНЕСА. Вѣдь есть же такіе люди!... А что́ всего хуже, что еще должно принуждать себя быть съ нимъ ласковой, когда и смотрѣть то на него не хотѣла бы....

АМАЛІЯ. Сто́итъ ли онъ, чтобы объ немъ говорить?... Да, я и позабыла, какая-же была у тебя до меня просьба?

АГНЕСА. Ахъ да! Видишь ли: я хотѣла просить, чтобы ты мнѣ уступила свое домино.... то есть, къ несчастію, и не мнѣ собственно.... а нашей новой сосѣдкѣ, Жиро.... Она сегодня собралась ѣхать потихоньку въ маскарадъ съ моими пріятельницами Люсне и Фовель... Мужья ихъ тамъ не будутъ.... О если бы мнѣ такое блаженство!... Такъ, вотъ знаешь, и прислала просить твоего стараго домино.

АМАЛІЯ. Съ охотою. (*Звонитъ*; *горничной*, *которая входитъ*). Гортензія! принеси сюда мое черное домино.

АГНЕСА. Нѣтъ, только вынь его.... я послѣ за нимъ зайду.

(Горничная уходитъ).

АМАЛІЯ (*съ горечью*). Ѣдутъ въ маскарадъ! веселиться.... Какъ они счастливы, что могутъ этимъ пользоваться.... Я имъ, право, завидую....

АГНЕСА. Э! Да, что это съ тобой? Я и не замѣтила.... Какъ ты разстроена! Ужъ не больна ли ты? Лихорадка? Мигрень? Да скажи же? Какъ жена доктора, я сама могу въ иныхъ случаяхъ пособить.... посовѣтывать....

АМАЛІЯ. Агнеса! Я хочу просить у тебя совѣта поважнѣе этого.

АГНЕСА. Но я тебя предупреждаю, что мои знанія простираются не дальше горчицы или летучей мази. Что же касается до дальнѣйшаго, то попроси совѣта у мужа. (*Смѣется*).

АМАЛІЯ. Тебѣ все бы смѣяться, Агнеса.... Я тебѣ говорю, что это не шутка.... Тутъ рѣчь идетъ объ очень серьёзной вещи.... о счастіи и спокойствіи всей моей жизни.

АГНЕСА. Я тебя не понимаю....

АМАЛІЯ. О! я не хотѣла бы сама этого говорить.... мой мужъ начинаетъ измѣнять мнѣ....

АГНЕСА (*съ испугомъ*), Какъ! что ты говоришь? Твой мужъ? Онъ, который въ продолженіе трехъ лѣтъ велъ себя такъ хорошо?...

АМАЛІЯ. Да.... всѣ они начинаютъ хорошо....

АГНЕСА. Боже мой! Кто бъ подумалъ?... И ты имѣешь на это доказательства?

АМАЛІЯ. Самыя страшныя, ужасныя....

АГНЕСА. Бѣдняжка!

АМАЛІЯ. Сначала то и онъ былъ олицетворенное вниманіе и предупредительность, а теперь.... О! сказать страшно.... его поступки.... представь себѣ, всегда опаздываетъ домой.... и вотъ уже три раза въ двѣ недѣли.... каково же! три раза не обѣдалъ дома.

АГНЕСА. Неужели? Впрочемъ, говоря откровенно, я вовсе не вижу причины обвиненія твоего мужа. Всякій человѣкъ имѣетъ занятія.... да и не можетъ же онъ быть всегда подлѣ тебя....

АМАЛІЯ. Бартолини можетъ же.

АГНЕСА. Бартолини? Я тебя поздравила бы тогда съ очень счастливой партіей.

АМАЛІЯ. Какъ, развѣ и онъ тоже?

АГНЕСА. О нѣтъ, нѣтъ.... онъ, бѣдняжка, даже объ этомъ и не думаетъ, но увы!

АМАЛІЯ. Какъ?

АГНЕСА. Г-нъ Бартолини самый добродѣтельнѣйшій мужъ.... святой жизни.... У него есть только одна особенность, но за то какая!

АМАЛІЯ. Какая же?

АГНЕСА. Такая, что онъ не можетъ жить безъ меня.... Предложатъ ли ему прогулку за городъ, на вечеръ, въ концертъ?... «Съ удовольствіемъ, но съ моей женой». Захотятъ ли его друзья увлечь его на какое нибудь ученое совѣщаніе.... даже на веселый обѣдъ.... «Прекрасно! Превосходно! Но съ моей женой!» Всегда, всегда «съ моей женой!» О! за то какъ я желала бы даже, чтобъ онъ былъ менѣе вѣренъ и постояненъ, до того что.... желала бъ даже ему маленькую интрижку....

АМАЛІЯ. Агнеса!

АГНЕСА. Ну разумѣется, я, можетъ-быть, зашла уже слишкомъ далеко.... но вѣдь, что же можетъ быть несноснѣе, какъ имѣть мужа, который, какъ тѣнь, не на минуту тебя не оставляетъ.... Напримѣръ, сегодни, еслибъ я была свободнѣе, ты думаешь, что я не поѣхала бы съ Жиро въ маскарадъ?... А теперь мнѣ какъ ѣхать? Нужно туда же потащить и г-на Бартолини.... Наконецъ, говоря правду, я только тогда и дышу свободнѣе, когда онъ на службѣ въ своей больницѣ....

АМАЛІЯ. Какая же между нами разница? Я считаю истиннымъ блаженствомъ быть вмѣстѣ съ Морисомъ.

АГНЕСА. О, да; но только нужно умѣть умѣренно пользоваться этимъ блаженствомъ. Это опіумъ!... такъ, онъ пріятенъ, но при большомъ употребленіи—ядъ!

МОРИСЪ (*за дверьми*). Ну такъ что жъ? Снялъ бы давно приборъ.

АМАЛІЯ. Наконецъ то пріѣхалъ!

(*Подходитъ съ досадою къ камину*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

АМАЛІЯ, АГНЕСА И МОРИСЪ.

МОРИСЪ. Здравствуй, Амалія, здравствуй.... а! Г-жа Бартолини.... мое почтеніе.... вы были вмѣстѣ, тѣмъ лучше.... а я боялся, чтобы Амалія безъ меня не соскучилась.

АГНЕСА. Въ самомъ-дѣлѣ я нашла ее не очень-то веселою, даже огорченною....

МОРИСЪ. (*Амаліи*). Но что же, душечка, ты мнѣ ничего не скажешь?... Ты какъ будто сердишься на меня.... но Боже мой, это случилось вовсе противъ моего желанія; я думалъ обѣдать дома, даже уже и ѣхалъ домой, право! еслибы не одна встрѣча....

АМАЛІЯ. А! это была встрѣча.... Гдѣ же ты обѣдалъ?

МОРИСЪ. Гдѣ я обѣдалъ?... я?... да.... въ трактирѣ....

АМАЛІЯ. И даже, какъ мнѣ кажется, довольно хорошо обѣдалъ.

МОРИСЪ. Напротивъ.... самый простой обѣдъ, настоящій анахоретовскій: котлетки, рыба.... и бутылка бонскаго на двоихъ.... одна на двоихъ.... (*Въ-сторону*). Проклятое шампанское.... вездѣ суется.... очень нужно!

АМАЛІЯ. Но съ кѣмъ же ты такъ скромно обѣдалъ?

МОРИСЪ. Съ кѣмъ? Ты его не знаешь...

АМАЛІЯ. Но все-таки мнѣ бы хотѣлось знать.

МОРИСЪ. Съ однимъ негоціантомъ.... съ негоціантомъ изъ Марсели.... съ которымъ мнѣ нужно было переговорить о дѣлахъ.... съ господиномъ.... (*Придумываетъ что сказать*), съ г-мъ Мерлюше.

АМАЛІЯ. О какая странная фамилія.... право, подумаешь, что ты самъ ее выдумалъ.

МОРИСЪ. Прекрасно! Развѣ нельзя называться г-мъ Мерлюше?

АГНЕСА (*смѣясь*). Да это, въ-самомъ-дѣлѣ, очень смѣшная фамилія.

МОРИСЪ (*смѣясь*). И вы тоже находите? Ну да, это фамилія марсельская, карфагенскаго происхожденія.... Мерлюше.

АМАЛІЯ. Что же ты дѣлалъ съ самаго утра?

МОРИСЪ. Опять вопросъ! (*Агнесѣ*). Повѣрьте, сударыня, что я не могу ни выйти, ни придти, безъ того, чтобъ не былъ послѣ осажденъ безпрестанными вопросами: «Куда ты?... Откуда ты?... Гдѣ ты?... Что ты?... Что ты дѣлалъ?...» А я.... какъ вы видите.... Эти вопросы меня сводятъ съ ума, раздражаютъ.... причиняютъ несносную головную боль.... (*Амаліи*). Ну я былъ сегодня на биржѣ.... тамъ.... довольны ли вы?... На биржѣ!...

(*Идетъ къ камину*).

АГНЕСА. (*Тихо Амаліи*). Видишь ли?... Я тебѣ говорила.

АМАЛІЯ (*Морису*). И ты только тамъ былъ?

МОРИСЪ. Разумѣется.

АМАЛІЯ. Въ-самомъ-дѣлѣ?

МОРИСЪ. Я тамъ пробылъ рѣшительно цѣлый день.... Ну что́, неужели ты и теперь еще сердишься?

АМАЛІЯ. Теперь.... нѣтъ.... (*Подходитъ къ нему*).

МОРИСЪ (*цѣлуя ее*). Наконецъ то. Развѣ ты думаешь, что мнѣ ничего не сто́итъ всякій разъ, когда я съ тобой разстаюсь?

АМАЛІЯ. Какъ? Развѣ ты еще намѣренъ куда нибудь отправиться?

МОРИСЪ. Еще не теперь!... Черезъ 20 минутъ, черезъ четверть часа.... У меня назначено одно свиданіе, дѣловое разумѣется, и я не могу его отложить дальше сегодняшняго вечера.... съ господиномъ....

АМАЛІЯ. Ужъ не съ господиномъ ли Мерлюше?

МОРИСЪ. Именно.

АМАЛІЯ. Такъ я опять должна буду остаться одна? Но я умру со скуки...

МОРИСЪ (*съ нетерпѣніемъ*). Подумаютъ, право, что я выхожу для себя.... такъ.... для собственнаго удовольствія?...

АГНЕСА (*тихо Амаліи*). О какъ бы я хотѣла, чтобъ мой Бартолини имѣлъ тоже какого нибудь Мерлюше.

ЯВЛЕНІЕ VII.

АМАЛІЯ, АГНЕСА, МОРИСЪ И БАРТОЛИНИ, ПОТОМЪ ЖОЗЕФЪ.

БАРТОЛИНИ (*за кулисами*). Непужно, Жозефъ, зачѣмъ докладывать, я и такъ войду:... (*Входитъ*). Мои друзья!... вашъ покорнѣйшій слуга....

МОРИСЪ. Здравствуйте докторъ, какъ ваше здоровье?

АГНЕСА. Ужъ возвратился?... Ну не долго же ты былъ подлѣ своихъ больныхъ!

БАРТОЛИНИ. Что́ же у нихъ было дѣлать?... Всего двое.... Первый вовсе и неболенъ, а что́ касается до втораго.... онъ умеръ! 95-ти лѣтъ. Ну, эта смерть, конечно, уже не можетъ лежать на моей совѣсти....

МОРИСЪ (*весело*). Ты знаешь, что исключенія всегда доказываютъ правила....

БАРТОЛИНИ. Какъ бы не такъ! (*Агнесѣ*). Пріѣзжаю домой, мнѣ говорятъ, что ты здѣсь, вотъ и я здѣсь.

АГНЕСА. Натурально!... какъ всегда.

БАРТОЛИНИ. Вы позволите, чтобъ я при васъ поцѣловалъ мою жену. Я не могу пріѣхать или уѣхать безъ того, чтобъ не выполнить этого священнаго для меня обряда. (*Морису*). А ты что́ гуляка? Да тебя, братецъ, нигдѣ нельзя поймать? Откуда ты?... Что́ ты дѣлалъ? Ты ужъ и на биржѣ то не бываешь.

МОРИСЪ (*смутясь*). Развѣ ты тамъ былъ сегодня?

БАРТОЛИНИ. Три раза. Мнѣ нужно было поговорить съ тобой объ отдачѣ небольшаго капитала,—и рѣшительно нѣтъ возможности тебя гдѣ нибудь застать....

АМАЛІЯ (*въ-сторону*). Что́ онъ говоритъ?

МОРИСЪ (*быстро вставая съ кресель*). Да, видно, ты очень дурно меня искалъ....

АМАЛІЯ. Разумѣется, видно, дурно. Морисъ былъ тамъ цѣлый день.

МОРИСЪ (*ударяя на слова*). Рѣшительно цѣлый день.

БАРТОЛИНИ. Однакожъ.... я тебя видѣлъ въ два часа въ улицѣ Сенъ-Жуберъ.

АМАЛІЯ. Въ улицѣ Сенъ-Жуберъ?

МОРИСЪ. Меня?

БАРТОЛИНИ. Ну да, тебя!... Кой чортъ! Я еще не близорукъ. Я тебя очень хорошо узналъ.... Ты выходилъ изъ 19-го нумера.... Я даже было побѣжалъ за тобой.... но куда? Твой кабріолетъ такъ быстро покатился....

МОРИСЪ (*въ-сторону*). И не раздавилъ тебя, проклятый болтунъ. (*Громко*). Да, въ-самомъ-дѣлѣ... я начинаю вспоминать.... Улица Сенъ-Жуберъ.... въ 2 часа.... Такъ и есть.... Я тамъ былъ у банкира, по дѣлу одного вычета....

БАРТОЛИНИ. У банкира въ 19-мъ нумерѣ? Да и тѣни банкира нѣтъ въ этомъ домѣ....

АМАЛІЯ. Какъ?

БАРТОЛИНИ. Я пользую всѣхъ тамошнихъ жильцовъ.

АГНЕСА (*въ-сторону*). Бѣдный Морисъ!

БАРТОЛИНИ. Въ 1-мъ нумерѣ живетъ г-нъ Нуасу, депутатъ.... во 2-мъ Деламбертъ.... начальникъ отдѣленія.... въ 3-мъ....

МОРИСЪ (*нетерпѣливо*). Я былъ у г-на Нуасу.

БАРТОЛИНИ. Да онъ на водахъ. Онъ уѣхалъ.

АМАЛІЯ. На воды!

МОРИСЪ. Онъ пріѣхалъ:

БАРТОЛИНИ. Ба!... когда же?

МОРИСЪ. Сегодня утромъ.

БАРТОЛИНИ. Да онъ уѣхалъ всего третьяго-дня.

МОРИСЪ (*въ-сторону*). О какое мученіе! (*Громко*). Но это еще ничего не доказываетъ. Развѣ нельзя перемѣнить намѣренія?

АМАЛІЯ (*съ ироніей*). Разумѣется!... Докторъ, мой мужъ правъ.... бываютъ всякія случаи: сегодня отправляются на воды.... ну а послѣ-завтра возвращаются.... тутъ нѣтъ ничего невозможнаго.... наконецъ, депутатъ тоже очень можетъ быть и банкиромъ.... тутъ нѣтъ никакого препятствія.... даже и по конституціонной грамотѣ....

МОРИСЪ (*въ-сторону*). Да она, просто, смѣется надо мной....

БАРТОЛИНИ. Баронъ Нуасу сдѣлался банкиромъ, баронъ Наусу.... химикъ.... Я бы этого не думалъ....

МОРИСЪ (*тихо*). Но замолчишь ли ты.

БАРТОЛИНИ (*удивленный*). Что ты говоришь?

АГНЕСА (*съ другой стороны ущипнувъ его*). Замолчи же....

БАРТОЛИНИ. Что? (*Въ-сторону*). Что съ ними со всѣми сдѣлалось?

АМАЛІЯ (*въ-сторону*). Это значитъ все ложь.

АГНЕСА (*въ сторону*). Амалія не вытерпитъ.... быть шуму....

МОРИСЪ (*Жозефу, который входитъ*). Что тебѣ нужно, Жозефъ?

ЖОЗЕФЪ. Горничная г-жи Бартолини просила напомнить, что давно ихъ дожидается....

АГНЕСА. А! я и забыла.... хорошо, благодарствуй (*Въ-сторону*) Еслибъ хоть это могло отвлечь ее....

БАРТОЛИНИ. Что это тамъ, цыпочка?...

АГНЕСА. Ничего. Это касается только до меня и Амаліи.... дѣло туалета.... Пойдемъ, душечка....

АМАЛІЯ (*въ волненіи*). Да, да.... пойдемъ.... я не выдержу....

АГНЕСА (*Бартолини*). Я пойду туда, на верхъ....

АМАЛІЯ (*смотря на мужа*). Какъ бы я желала скорѣй остаться съ нимъ на единѣ. (*Уходитъ съ Агнесой*).

МОРИСЪ (*встрѣчая ее взглядъ*). Да, кажется, я отъ нея сегодня. просто, не отдѣлаюсь....

ЯВЛЕНІЕ VIII.

МОРИСЪ И БАРТОЛИНИ.

МОРИСЪ (*ходитъ въ волненіи*). А ты?... очень милъ.... очень хорошъ.... покорно васъ благодарю....

БАРТОЛИНИ. Что̀ съ тобой сдѣлалось?... Ужъ не горячка ли у тебя?

МОРИСЪ. Да развѣ ты ничего не видишь? Развѣ не догадываешься? Развѣ ты не понялъ тѣ мученія, которыя я претерпѣлъ?...

БАРТОЛИНИ. Постой, постой.... главное потише.... нужно имѣть спокойствіе.... Діагностика требуетъ тщательнаго изслѣдованія.... (*Щупая пульсъ*). Ты.... боленъ?

МОРИСЪ (*Отдергивая руку*). Да кой чортъ, я здоровѣе тебя.... (*Бартолини смотритъ на него съ изумленіемъ*). А ты что̀?... Скажи пожалуйста, что тебѣ вздумалось сказать при моей женѣ, что ты меня встрѣтилъ въ улицѣ Сенъ-Жубера?

БАРТОЛИНИ. Да развѣ это не правда?... Развѣ ты тамъ не былъ?

МОРИСЪ. Ну да былъ, и что̀ жъ изъ этого. Что̀ ты хотѣлъ меня изобличить во лжи, что ли?

БАРТОЛИНИ. Мой другъ... я вѣдь этого не зналъ... я въ отчаяніи.... По чести я такъ мало привыкъ къ скрытности, къ тайнамъ....

МОРИСЪ. Но по крайней мѣрѣ, когда ты увидѣлъ, что я смѣшался, смутился... нужно бы было хоть тогда остановиться.. а ты, знай, продолжаешь, продолжаешь, продолжаешь.

БАРТОЛИНИ. Правда, я все продолжалъ.

МОРИСЪ. И вотъ, по твоей милости, я долженъ буду выдержать самую жестокую брань. А все ты виноватъ! Если бъ ты не загорилъ объ этой проклятой улицѣ Жуберъ...

БАРТОЛИНИ. (*убѣдясь*) Правда твоя.... да, хорошо, если бы я могъ предвидѣть....

МОРИСЪ. А когда моя жена станетъ требовать объясненія... что̀ непремѣнно будетъ... что̀ ты мнѣ прикажешь на это сказать?

БАРТОЛИНИ (*довѣрчиво*). Но что̀ же можетъ быть проще этого: скажи всю правду.

МОРИСЪ. Гмъ, правду, правду.... да знаешь ли, что бываютъ такія обстоятельства, что...

БАРТОЛИНИ. Никогда не могутъ быть такія обстоятельства. Ты ей скажи, цѣлуя ее... потому что поцѣлуи всегда хорошо располагаютъ жену въ пользу мужа.... это средство смягчительное!.... Ты ей скажи: Милый другъ!... я былъ у.... (*Подумавъ*) Да, кстати, у кого же ты былъ?

МОРИСЪ. О чортъ возьми... да я былъ въ 3-мъ нумерѣ.

БАРТОЛИНИ. Въ третьемъ? Но въ 3-мъ нумерѣ живетъ женщина!

МОРИСЪ. Ну, да женщина, да еще какая?.... Очаровательная...

БАРТОЛИНИ. Какъ, несчастный?... Я боюсь догадаться... эта хитрость... эта ложь... этотъ 3-й нумеръ! Ужъ не начало ли невѣрности, измѣны?

МОРИСЪ. Ты съ ума сошолъ, честное слово!

БАРТОЛИНИ (*строго*). Морисъ! Какъ объясните вы вашъ визитъ къ этой молоденькой женщинѣ?

МОРИСЪ. Но вѣдь ты же бываешь у ней?

БАРТОЛИНИ. Я? это другое дѣло... я бываю какъ медикъ.

МОРИСЪ. А я... какъ ходатай по ея дѣламъ!

БАРТОЛИНИ (*удивленный*). А? въ-самомъ-дѣлѣ?

МОРИСЪ. Это одна изъ моихъ кліентокъ... и когда ты меня встрѣтилъ, я только что получилъ отъ нея довѣренность по ея биржевымъ дѣламъ.

БАРТОЛИНИ (*жмя руку*). Ну, слава Богу, мой добрый другъ... я очень радъ за тебя... Сначала было подумалъ... Извини, пожалуста извини... Но, любезный другъ, я не вижу причинъ, почему ты не можешь сказать объ этомъ своей женѣ.

МОРИСЪ. Какъ это можно? Да я въ этомъ пошлюсь на самаго тебя. Когда тебѣ, напримѣръ, случается навѣстить хорошенькую пацієнтку.... ну развѣ ты объ этомъ говоришь г жи Бартолини?

БАРТОЛИНИ. Да какъ же... Всегда!

МОРИСЪ. Однакожъ, если тутъ идетъ дѣло о какой нибудь модной женщинѣ, которая принимаетъ своего доктора въ очаровательномъ будуарѣ, если, пользуясь твоимъ преимуществомъ, ты замѣтишь у ней восхитительную ручку.... если ты, наконецъ, пожмешь эту ручку.... Ну развѣ, возвратясь домой, ты станешь разсказывать все это твоей женѣ?

БАРТОЛИНИ. Непремѣнно! Но только я смотрю на моихъ пацієнтокъ съ точки моего искусства....

МОРИСЪ. Ну а я съ точки моихъ биржевыхъ оборотовъ. Но только разница между нами та, что у тебя жена скромная, довѣрчивая, тогда, какъ моя.... г-мъ.... ревнивая, да еще какъ....

БАРТОЛИНИ. Потому что ты самъ отъ нее скрываешься. Посмотри на мою Агнесочку.... Она совершенно спокойна, моя кошечка.... Однакожъ она знаетъ, что я ѣзжу къ дамѣ въ улицу Сенъ Жуберъ, и даже часто ѣзжу... Вотъ необыкновенная то болѣзнь! Она меня призываетъ иногда раза три, четыре въ день.... то у ней мигрень, то разслабленіе нервъ.... а когда я пріѣду, нахожу ее совершенно здоровою.... Она увѣрена, что одно мое присутствіе ее совершенно исцѣляетъ.... ей-Богу! Но тѣмъ лучше, и она здорова, ну и мнѣ не худо... Я аккуратно получаю по 5

франковъ за визитъ. Напримѣръ теперь.... Я только что отъ нея.

МОРИСЪ (*удивленный*). Какъ ты былъ у ней теперь, вечеромъ?

БАРТОЛИНИ. Только что пріѣхалъ домой обѣдать.... смотрю записка....

МОРИСЪ (*съ притворнымъ равнодушіемъ*). Ну а что сегодня то у ней?...

БАРТОЛИНИ. Утромъ было разслабленіе, а теперь очередь мигреня....

МОРИСЪ. А? Мигреня? Въ-самомъ дѣлѣ?

БАРТОЛИНИ. Ужаснаго мигреня, по крайней мѣрѣ, по ея словамъ.

МОРИСЪ (*въ-сторону, съ сожалѣніемъ*). Только этого не доставало! Значитъ, она не-можетъ меня принять.

БАРТОЛИНИ (*прислушиваясь*). Что это? Стукнули дверью!... Запираютъ.

МОРИСЪ (*съ безпокойствомъ*). Это, вѣрно, моя жена.

БАРТОЛИНИ (*смотря въ двери*). Нѣтъ.... это моя Агнесочка идетъ домой.... Пойду и я поскорѣй.... Кошечка, она, просто, жить безъ меня не можетъ!... Прощай! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

МОРИСЪ (*одинъ*).

МОРИСЪ. А! Она меня не можетъ сегодня принять! У ней мигрень!... Однакожъ, когда я обѣдалъ съ ней за часъ передъ этимъ, она мнѣ очень ясно сказала: «до вечера!» Этотъ добрякъ Бартолини безпрестанно мнѣ рапортуетъ о порядкѣ ея дѣлъ!... Мигрень, значитъ она не свободна.... Разслабленіе нервъ: меня ждутъ!... А онъ и не подозрѣваетъ. Эскулапъ превратился въ Меркурія.... (*Перемѣняя тонъ*). Между тѣмъ, сегодня онъ подвернулся не во-время.... очень нужно было ему говорить.... Теперь ужъ не поможешь.... подозрѣнія возбуждены, придется выдержать бурю.... Она идетъ.... уберемъ паруса.. приготовимся.... Ну, Морисъ, держись!

ЯВЛЕНІЕ X.

МОРИСЪ И АМАЛІЯ.

АМАЛІЯ (*подходитъ къ нему съ кротостію*). Морисъ! (*Тотъ смотритъ на нее съ удивленіемъ*). Дай мнѣ твою руку.... и прости меня.

МОРИСЪ. Какъ прости тебя?...

АМАЛІЯ. Недавно, передъ нашими друзьями.... я знаю, я была передъ тобой виновата.... я тебя осыпала вопросами.... и видѣла, что это было тебѣ непріятно; я это сама очень хорошо понимаю... мужчины не любятъ никому отдавать отчета.... Морисъ, съ этой минуты я жду твоей довѣренности.... и уже не буду дѣлать тебѣ больше вопросовъ.

МОРИСЪ (*въ-сторону*). Не будетъ дѣлать больше вопросовъ.... значитъ не будетъ больше ссоръ.. .. да чего жъ лучше.... это ясная выгода....

АМАЛІЯ (*подавая ему шляпу*). Теперь, когда миръ заключенъ.... я тебя больше не удерживаю....

МОРИСЪ. Какъ?

АМАЛІЯ. Ты мнѣ говорилъ, что у тебя было назначено сегодня вечеромъ свиданіе.... я больше и не спрашиваю.... ты совершенно свободенъ дѣлать, что ты хочешь!... Поѣзжай же другъ мой, поѣзжай, ты пріѣдешь когда будетъ можно....

МОРИСЪ (*въ-сторону*). Что, если бъ я теперь похвалился тоже моей уступчивостью.... когда уже мнѣ не зачѣмъ ѣхать.

АМАЛІЯ. Что же ты, другъ мой?

МОРИСЪ. Я? Я милочка сегодня не ѣду.

АМАЛІЯ. Какъ? а то дѣло, про которое ты говорилъ?

МОРИСЪ. О! можетъ ли быть дѣло, которое было бы въ состояніи оторвать меня отъ моей жены! Ты сегодня такая добрая, такая милая, очаровательная, что я никакъ не могу противиться желанію провести съ тобою этотъ вечеръ.

АМАЛІЯ (*съ радостію*). Въ самомъ-дѣлѣ? Ты мнѣ приносишь эту жертву?

МОРИСЪ. Да, и съ большимъ удовольствіемъ.

АМАЛІЯ. Но тебѣ дома будетъ скучно....

МОРИСЪ. Скучно? дома?.... подлѣ тебя? подлѣ моей жены?

амалія. Какъ я счастлива, что ты такъ думаешь. *(Въ-сторону).* И какъ же я хорошо сдѣлала, что послушалась совѣтовъ Агнесы.... *(Громко).* Итакъ, Морисъ! Міръ навсегда.... поцѣлуй же теперь меня....

(Они цѣлуются, и въ это время входитъ Состенъ).

ЯВЛЕНІЕ XI.

тѣ же, состенъ потомъ жозефъ.

состенъ (*съ удивленіемъ*). Что это?... (*Въ-сторону*). Кой чортъ, я, кажется, попалъ на мировую.

морисъ (*подходя къ нему*). А, это ты Состенъ? Какимъ чудомъ?

амалія (*мужу*). А я тебѣ и забыла сказать, что уже видѣла кузина сегодня вечеромъ.

морисъ. А? ты былъ уже здѣсь?

состенъ. Да, заходилъ.... мимоходомъ.... былъ здѣсь, на верху....

морисъ. Ты, кажется, сегодня что-то разстроенъ?

амалія. Не по поводу ли дѣла, по которому вы меня такъ скоро оставили....

состенъ. Дѣла?... да, да.... вы угадали....

амалія. Что же? оно не удалось?

состенъ. Совершенно! Проѣздился въ фіакрѣ.... и ни на су пользы....

морисъ. Ну, можетъ-быть, еще не все потеряно, можетъ быть еще можно поправить.... (*Отходитъ къ окну*).

состенъ. Можетъ быть! Это было бы хорошо! (*Въ-сторону*). У какого же чорта онъ сегодня обѣдалъ?

амалія (*въ-сторону*). Неужели онъ у насъ расположится?

состенъ. Ахъ да? ты сегодня дома проводишь вечеръ?

морисъ. Да, мой любезный, я его посвящаю моей женѣ.

состенъ (*съ принужденною улыбкою*). А? Это дѣлаетъ тебѣ честь, прекрасно! (*Въ-сторону*). А я думалъ, что онѣ, по-крайней-мѣрѣ, подерутся.

морисъ. Пошлю просить доктора съ женой, спуститься къ намъ... составимъ семейный вистъ.... Жозефъ!

состенъ. И дѣло.... если только я вамъ не мѣшаю....

МОРИСЪ. Разумѣется.

АМАЛІЯ (*тихо Морису*). Такъ и есть. Онъ напрашивается остаться ...

МОРИСЪ (*Состену*). А я думалъ, что ты проводишь каждый вечеръ въ клубѣ?

СОСТЕНЪ. Мы имѣемъ тамъ свиданіе только въ полночь.... Тамъ насъ много: виконтъ Монжпронъ, я, маркизъ де-Бошанъ....

МОРИСЪ. А! маркизъ де-Бошанъ.... отставной полковникъ... знаю, знаю.... это тоже одинъ изъ моихъ кліентовъ.

СОСТЕНЪ. Это такой волокита, что, не смотря уже на его пожилыя лѣта, онъ еще имѣетъ большіе успѣхи въ модномъ свѣтѣ. (*Тихо*) Говорятъ, что у него даже и теперь есть одна прелестная любовница.... прекрасная Флорентина....

МОРИСЪ (*съ живостію*). Ты ее знаешь?

СОСТЕНЪ. Ни мало. (*Тихо*). Я знаю только то, что она живетъ въ улицѣ Сенъ Жуберъ....

МОРИСЪ (*кашляя*). Хм, хм.... (*Къ входящему лакею*). Жозефъ, поди.... достань мороженаго.

АМАЛІЯ. Какъ?

МОРИСЪ. Я знаю, душенька, что ты его любишь....

АМАЛІЯ. О! Ты сегодня очарователенъ.

МОРИСЪ (*Жозефу*). Воротясь, ты сходишь къ г-ну Бартолини, попросишь его съ женой зайти послѣ ужина къ намъ на партію въ карты....

СОСТЕНЪ. Не посылайте Жозефа, я самъ лучше схожу; кстати мнѣ еще нужно посовѣтоваться съ докторомъ, у меня страшное біеніе сердца. (*Указывая на сердце*). У меня этотъ органъ такъ чувствителенъ....

МОРИСЪ (*смѣясь*). Что даже переходитъ въ безчувствіе, не такъ ли?

СОСТЕНЪ. Итакъ, я бѣгу увѣдомить ихъ объ этомъ прелестномъ семейномъ вечерѣ. Я сейчасъ вернусь. (*Въ сторону*). Здѣсь нечего дѣлать.... Не узнаю ли чего въ 3-мъ этажѣ.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

МОРИСЪ И АМАЛІЯ.

АМАЛІЯ (*весело*). Наконецъ то мы одни.... Ну, Морисъ, присядька теперь подлѣ меня.... (*Подвигаетъ кресла*).

МОРИСЪ. Сядемъ.... (*Садятся подлѣ камина*).

АМАЛІЯ. Ужъ сколько времени, сударь, какъ я васъ не видала съ собой въ-двоемъ....

МОРИСЪ. Это счастливое время скоро возвратится.... Въ-самомъ дѣлѣ.... (*Протягивая ей руку*). Что же можетъ быть лучше, какъ быть у себя, дома, небрежно развалиться на мягкомъ креслѣ....

АМАЛІЯ (*садясь подлѣ него*). Подлѣ своей жены....

МОРИСЪ. И подлѣ камина.

АМАЛІЯ. Когда есть столько вещей, о чемъ бы нужно поговорить....

МОРИСЪ (*нѣжно*). О, да.... когда есть столько вещей (*Перемѣнивъ тонъ*). Не находишь ли ты, что этотъ каминъ дымитъ?

АМАЛІЯ. Нѣтъ, нисколько....

МОРИСЪ. Можетъ-быть, мнѣ только такъ показалось.

АМАЛІЯ (*нѣжно*). Морисъ!

МОРИСЪ (*взявъ съ камина газету*). Позволь, душечка, дай только пробѣжать одну палатную статью....

АМАЛІЯ. Ну вотъ объ чемъ ты думаешь....

МОРИСЪ. Я сегодня ее еще не читалъ.... она такъ занимательна.... Послушай ка, напримѣръ.... предположеніе налога на собакъ....

АМАЛІЯ (*нѣжно*). Другъ мой, вѣдь ты знаешь, что я такъ мало знаю толку въ политикѣ.... да и ты могъ бы для этого выбрать другое время.

МОРИСЪ. А! предложеніе отвергнуто!... Вотъ все, что я хотѣлъ только знать. (*Кладетъ газету*).

АМАЛІЯ (*съ радостію*). О, такъ, наконецъ, мы будемъ говорить о себѣ, объ нашемъ прошедшемъ, о....

МОРИСЪ. О нашей любви....

АМАЛІЯ. Я не смѣла произнести этого слова.

МОРИСЪ. Отъ чего же?

АМАЛІЯ. Есть минуты, когда я начинаю думать, что ты уже не любишь меня....

МОРИСЪ. Э! какъ можешь ты это говорить? Особенно теперь, когда я съ тобою, здѣсь, подлѣ тебя.... когда, вотъ видишь ли, я и могъ бы уѣхать.... разсѣяться гдѣ нибудь, а все-таки дома.

АМАЛІЯ. Правда, правда, я была виновата, что такъ думала... (*Со вздохомъ*). Станемъ же говорить о нашей любви....

МОРИСЪ. Рѣшительно каминъ дымитъ.

АМАЛІЯ *(вставая съ неудовольствіемъ)*. Опять таки!

МОРИСЪ *(поправляя огонь)*. Однакожъ, вотъ ужъ 20-й разъ, что я посылаю къ хозяину дома....

АМАЛІЯ *(идя къ окну)*. Если хочешь, я открою окно?

МОРИСЪ. Покорно благодарю! Чтобы замерзнуть! Я рѣшительно объявляю, что не заплачу за квартиру, пока онъ не исправитъ камина.... А у тебя въ спальнѣ дымитъ?...

АМАЛІЯ *(съ сердцемъ)*. Нисколько....

МОРИСЪ. Вотъ что значитъ нанимать по контракту.... Теперь ужъ поневолѣ живи.... А все ты хотѣла годовую квартиру? Проклятый каминъ! Мы такъ было хорошо расположились поболтать.... О чемъ же, душечка, мы говорили?

АМАЛІЯ. О! я также, какъ и ты, позабыла.... Хочешь я тебѣ немного сыграю на фортепіано?

МОРИСЪ *(развалясь въ креслахъ)*. Вотъ хорошо бы, сдѣлай милость.... да ужъ и спой пожалуйста ... я тебѣ буду аплодировать....

АМАЛІЯ *(садясь)*. Кстати у меня есть прекрасный романсъ: «Твое сердце мнѣ закрыто» — знаешь?

МОРИСЪ. О нѣтъ, нѣтъ.... это скучно! Я люблю веселую музыку, шумную, одушевленную.. . *(Въ-сторону)*. Это, по крайней мѣрѣ, не дастъ мнѣ заснуть....

АМАЛІЯ. Посмотримъ.... поищу.... *(Ищетъ въ нотахъ)*.

МОРИСЪ *(поворачиваясь въ креслахъ, говоритъ въ-сторону)*. Странно право! Такъ отвыкъ оставаться дома, что я думаю самъ чортъ опять не пріучитъ. *(Засыпаетъ)*.

АМАЛІЯ *(отходя отъ фортепіано)*. А вотъ, наконецъ и веселая.... болеро.... Это, вѣрно, тебѣ понравится? Морисъ, Морисъ!...

МОРИСЪ *(бредя во-снѣ)*. Пошелъ въ Оперный-театръ!...

АМАЛІЯ *(удивленная, прислушивается)*. Что онъ говоритъ?

МОРИСЪ. На балъ, въ оперу, въ маскарадъ!...

АМАЛІЯ. Боже мой! Онъ спитъ!... Теперь вижу, что онъ меня точно уже не любитъ!...

СОСТЕНЪ *(за кулисами)*. Поскорѣе, сударыня, поскорѣе... Хозяева васъ давно ждутъ....

АМАЛІЯ *(бросается къ Морису, дергаетъ его за руку)*. Морисъ! Морисъ! идутъ!..

МОРИСЪ *(вскакивая, въ-сторону)*. Никакъ я заснулъ?

(Агнеса и Состенъ входятъ).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

АМАЛІЯ, МОРИСЪ, АГНЕСА, СОСТЕНЪ, БАРТОЛИНИ, ПОТОМЪ ЖОЗЕФЪ.

СОСТЕНЪ (*отворяя Агнесѣ дверь, и входя съ ней*). Вотъ и г-жа Бартолини.

АГНЕСА (*входя*). Какъ? Неожиданный вечеръ! Да это прелестная выдумка.... и, вѣрно, ваша, г. Морисъ.... это дѣлаетъ вамъ честь.... (*Амаліи*). Что? Мой совѣтъ, кажется, хорошъ?

(*Морисъ приготовляетъ карточный столъ*).

АМАЛІЯ. Прелестенъ.... Благодарю тебя!

СОСТЕНЪ (*въ-сторону*). И въ третьемъ этажѣ также, какъ здѣсь.... воды не замутятъ.... Ну, я сегодня, кажется, не совсѣмъ буду въ барышахъ....

МОРИСЪ. Состенъ, помоги мнѣ приготовить.... А докторъ развѣ не будетъ?

АГНЕССА. О, какъ же!

БАРТОЛИНИ (*за кулисами*). Моя жена? Гдѣ моя жена?

АГНЕСА. А, вотъ и онъ! Видите ли.... безъ него не обойдется.... Вѣдь ни разу не оставитъ въ покоѣ....

БАРТОЛИНИ (*входя съ письмомъ въ рукахъ*). Вотъ и я, вотъ и я.... Вистъ, мороженное.... и я.... и съ моей женой....

АГНЕСА. Какъ всегда! (*Амалія отходитъ къ столу*).

БАРТОЛИНИ. Моя душечка, я въ отчаяніи.... я долженъ сказать тебѣ одну страшно-непріятную новость.... Въ полночь я долженъ оставить тебя....

АГНЕСА. Право? А за чѣмъ?

БАРТОЛИНИ (*показывая открытое письмо*). Мой товарищъ Дегранжъ заболѣлъ, и я долженъ замѣнить его сегодня въ больницѣ.

АГНЕСА. Что же дѣлать, другъ мой.... служба....

(*Отходитъ къ столу*).

БАРТОЛИНИ. Да, ты такъ несчастлива, когда....

СОСТЕНЪ (*въ-сторону*). Да я, просто, попалъ въ голубятникъ!

(*Отходитъ къ дамамъ*).

БАРТОЛИНИ (*тихо Морису*). Представь себѣ, я вѣдь опять былъ тамъ.... у ней.... въ улицѣ С-тъ Жуберъ....

МОРИСЪ. Какъ?... опять?... теперь?...

БАРТОЛИНИ. Сейчасъ! Я прямо оттуда. Давича, выходя отсюда нахожу дома записку: «Пріѣзжайте, поспѣшите, я при смерти». Я бросаюсь туда.

МОРИСЪ. Ну....

БАРТОЛИНИ (*весело*). Мигрень исчезъ, и вотъ теперь очередь разслабленія нервъ....

МОРИСЪ (*смутясь*). Въ-самомъ-дѣлѣ? Разслабленіе нервъ?

БАРТОЛИНИ. Я прописалъ ей сахарной водицы... и выигралъ лишній платежъ за визитъ....

МОРИСЪ (*въ-сторону*). Она меня ждетъ!... А я обѣщался остаться дома....

АМАЛІЯ (*садясь съ Агнесою и Бартолини за столъ*). Мой другъ, ты будешь четвертымъ?

МОРИСЪ (*идя садиться*). Какъ же.... разумѣется! (*Въ сторону*). Какъ будто нарочно! Вотъ наказаніе-то! (*Жозефъ входитъ*). Что Жозефъ, скоро будетъ мороженое?

ЖОЗЕФЪ. Никакъ невозможно достать, сударь, столько заказовъ, что нѣтъ ни одной порціи....

МОРИСЪ (*въ-сторону*). О! какая мысль!

ЖОЗЕФЪ. Слишкомъ поздно изволили послать.

МОРИСЪ. Да ты, просто, братецъ, не съумѣлъ найдти.

АМАЛІЯ. Ну, что жъ? небольшое несчастіе.

АГНЕСА. Разумѣется, и безъ него очень хорошо обойдемся....

ЖОЗЕФЪ. Теперь, сударь, рѣшительно нигдѣ нельзя достать-съ.

МОРИСЪ (*вставая*). А вотъ увидимъ.... Пари держу, что я достану....

АМАЛІЯ. Какъ? развѣ ты хочешь самъ ѣхать?

БАРТОЛИНИ. И по такому холоду.

МОРИСЪ. Только на четверть часа ... небольше.... сейчасъ вернусь....

АМАЛІЯ. Но стоитъ ли безпокоиться самому изъ мороженаго.

МОРИСЪ. Позволь мнѣ дѣлать, что я хочу.... Я сказалъ, что достану мороженаго, и непремѣнно достану. (*Амаліи, которая хочетъ встать*). Ну, не дѣлай же гримасы.... вѣдь это для тебя же я ѣду....

АМАЛІЯ. Да твой отъѣздъ все разстроитъ.

МОРИСЪ. Состенъ меня замѣнитъ.... (*Состену*). Сядьте ка пока на мое мѣсто.

СОСТЕНЪ. Съ удовольствіемъ. (*Въ-сторону*). Браво! это мнѣ на руку, постараемся употребить въ пользу его отсутствіе.

(*Садится на мѣсто Мориса*).

БАРТОЛИНИ (*Морису*). Поторопись же....

АМАЛІЯ. Помни, что тебя дожидаются....

МОРИСЪ. Черезъ четверть часа — я опять вашъ!

(*Уходитъ*).

БАРТОЛИНИ (*Агнесѣ*). Снимай, душенька!

(*Начинаютъ играть. Занавѣсъ опускается*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ВСѢ ВЪ ТИСКАХЪ!!!

Богатая зала въ Оперномъ-театрѣ. Три двери въ особенныя комнаты. Богатая мебель.

ЯВЛЕНІЕ I.

При поднятіи занавѣса МАРКИЗЪ, ЛЮСНЕ, МОНЖИРОНЪ И СОСТЕНЪ, *сидятъ вокругъ стола, стоящаго посрединѣ, и пьютъ пуншъ.*

МАРКИЗЪ. Ну, любезный г. Состенъ, прошу васъ продолжать вашъ разсказъ....

СОСТЕНЪ. Съ удовольствіемъ, если только онъ вамъ не наскучилъ, господа....

МАРКИЗЪ. Напротивъ, это насъ очень забавляетъ.

(*Состенъ кланяется и пьетъ*).

ЛЮСНЕ (*куря*). Къ тому жъ ничто не заставляетъ насъ идти на балъ, и наконецъ, въ качествѣ женатаго человѣка, я очень интересуюсь вашимъ анекдотомъ.

МАРКИЗЪ. Такъ вы сказали, что мужъ уѣхалъ подъ предлогомъ достать мороженаго....

СОСТЕНЪ. Прося меня занять его мѣсто.

МАРКИЗЪ. Итакъ....

ЛЮСНЕ. А послѣ....

СОСТЕНЪ. Проходитъ полчаса, часъ.... Мальбругъ не возвращается.

ВСѢ. Мальбругъ?

СОСТЕНЪ. То-есть мужъ.... Это псевдонимъ, который я употребляю по скромности.

МАРКИЗЪ. На которую вы такъ щедры.... Хорошо, хорошо, продолжайте....

СОСТЕНЪ. Вы понимаете, господа, что это продолжительное отсутствіе начинало уже, наконецъ, дѣлаться довольно двусмысленнымъ.... Всѣ стали какъ-то безпокойны, игра не клеилась, хозяйка дома значительно посматривала на часы.... а я же, смѣясь себѣ подъ носъ, думаю: ладно.... идетъ хорошо.... это намъ на руку!

ЛЮСНЕ. Наконецъ.... мужъ, вѣроятно, кончилъ все-таки тѣмъ, что пріѣхалъ?

СОСТЕНЪ. Въ полночь, когда уже все общество разошлось.... его еще не было.

ВСѢ. Въ-самомъ-дѣлѣ?

СОСТЕНЪ. И вся эта отлучка подъ предлогомъ мороженаго.

МАРКИЗЪ. Да у какого же чорта онъ его искалъ?

ЛЮСНЕ. Вотъ проворный-то человѣкъ на коммиссіи....

СОСТЕНЪ. Но, господа, послѣ такого поведенія, не очевидно-ль, что этотъ мужъ начинаетъ, просто, пошаливать?

ЛЮСНЕ (*смѣясь*). И даже довольно неосторожно.

СОСТЕНЪ. Какъ бы то не было, я вамъ передалъ происшествіе во всей его достовѣрности. И я надѣюсь извлечь изъ этого свою пользу: я, просто, поселюсь въ этомъ домѣ.... и даю вамъ слово, что безъ большаго труда найду тутъ всѣ тѣ удовольствія, за которыми бѣдный мужъ гоняется такъ далеко.

ЛЮСНЕ. Да какой же вы опасный человѣкъ.

МАРКИЗЪ. Любезный господинъ Состенъ, еслибъ я былъ на мѣстѣ мужа, про котораго вы разсказывали.... вы бы имѣли у меня время только доѣхать до Венсенскаго-лѣса или С-тъ Мартинскихъ-воротъ.... Я бы предложилъ вамъ мою карету, и это было бы дѣломъ на двадцать минутъ.

СОСТЕНЪ (*смутясь*). Чортъ возьми! Г-нъ маркизъ, какъ вы это принимаете къ сердцу....

МАРКИЗЪ (*выбирая изъ футляра сигару*). На примѣръ, всѣ знаютъ, что у меня есть любовницы, я ихъ бросаю, перемѣняю, какъ мнѣ вздумается, но не позволю, чтобъ кто смѣлъ ихъ обидѣть..... Не дальше, какъ въ прошлую зиму, я встрѣтилъ одного волокиту, которому вздумалось меня считать за Бартоло.... Я рѣшился только подождать случая, когда могъ наиболѣе удивить

его своимъ посѣщеніемъ. Въ одно прекрасное утро, когда прелестный Линдоръ наименѣе меня ждалъ, я являюсь передъ его дверями, стучу.... онъ самъ мнѣ отворяетъ....

СОСТЕНЪ. За этимъ, вѣроятно, послѣдовала ужасная гроза?

МАРКИЗЪ. Нисколько! Я ему только и сказалъ: Государь мой! карета моя къ вашимъ услугамъ! Черезъ полчаса мы были уже въ пятнадцати шагахъ другъ отъ друга.... и я вамъ ручаюсь, что впередъ ему этого не случится. (*Вставая и предлагая Состену сигарницу*). Вы курите?

СОСТЕНЪ. Нѣтъ, благодарю васъ, я не курю.... (*Въ-сторону*). Ну ужъ, если бъ я имѣлъ дѣло съ этимъ господиномъ.... я прибѣгнулъ бы къ полиціи!

ЛЮСНЕ. Да, господа, мы вмѣстѣ будемъ ужинать?

МОНЖИРОНЪ. Охотно!

ЛЮСНЕ (*Маркизу*). А вы, полковникъ, свободны?

МАРКИЗЪ. Совершенно! (*Наливая пуншу*). Я заѣзжалъ сегодня вечеромъ въ улицу С-тъ Жуберъ, чтобъ предложить мою руку.... но у ней сегодня какое то нервическое разслабленіе! И представьте себѣ, мнѣ еще случилось быть свидѣтелемъ одной ужасной сцены: горничная, кажется, разсердила хозяйку.... хотѣла что ли поставить на балконъ горшокъ съ цвѣтами, запахъ которыхъ ее безпокоилъ; та бѣжитъ за ней, вырываетъ горшокъ, и вдругъ пафъ!... Пощечина!... А черезъ это слезы, вой.... одна кричитъ: «Я тебя прогопю!...» Другая: «Я отомщу!» Что мнѣ оставалось дѣлать? Я взялъ шляпу, да и уѣхалъ.

ЛЮСНЕ. Значитъ вы будете одни на балѣ.

СОСТЕНЪ (*наливая*). О! нужно быть очень недогадливымъ, чтобы не найти средства утишить бурю.... а это бъ было кстати.... Ужинъ нашъ бы очень оживился....

МАРКИЗЪ. Что же, любезный мой, что же вамъ мѣшаетъ предложить примѣръ. Вы всегда такъ много разсказываете о своихъ побѣдахъ.... и я васъ вижу всегда одного.... Вы гуляете одни.... ужинаете одни.... Ужъ не по обѣту ль это?

СОСТЕНЪ (*съ запальчивостью*). Я пренебрегаю легкими побѣдами.

МАРКИЗЪ (*подходя къ нему*). И вы правы. Чтобы имѣть какой нибудь успѣхъ, даже въ маскарадѣ, надо обладать, по-крайней-мѣрѣ, однимъ изъ трехъ слѣдующихъ качествъ: нужно быть красивымъ, богатымъ, или умнымъ.... а на этотъ счетъ....

СОСТЕНЪ. Что, что такое?... Я васъ не понимаю....

ЛЮСНЕ. Красивымъ.

МАРКИЗЪ. Богатымъ.

ЛЮСНЕ. Или умнымъ.

СОСТЕНЪ (*раздосадованный*). А?

МАРКИЗЪ. Вы, конечно, понимаете?

СОСТЕНЪ. Я-то?... Хорошо же, господа насмѣшники.... увидимъ.... Я предлагаю вамъ закладъ.

МАРКИЗЪ. Какой?

СОСТЕНЪ. Держу пари объ ужинѣ, что прежде часу ночи.... я одержу побѣду.

МАРКИЗЪ. Какую? (*Всѣ смѣются*).

ЛЮСНЕ. Какая увѣренность!

МАРКИЗЪ. Какъ бы то не было.... Идетъ! Я держу пари съ господиномъ Состеномъ, и прибавляю къ нему еще 50 лундоровъ.

СОСТЕНЪ. Пятьдесятъ лундоровъ? Я.... я несогласенъ. Но, впрочемъ, если эти господа хотятъ держать за меня....

ЛЮСНЕ и МОНЖИРОНЪ. Спасибо!... Очень благодаренъ!...

СОСТЕНЪ. Такъ или не такъ, а я поддержу себя! Даю слово, что въ часъ ужина я возвращаюсь сюда съ какимъ бы то ни было домино.

МАРКИЗЪ. Позвольте! Бываютъ всякія домино, и нужно бы было...

СОСТЕНЪ. Чортъ возьми! Ясно, что старыя домино не считаются.... Я въ эту игру не играю.

МАРКИЗЪ (*входящему Батисту*). Человѣкъ! Особенную комнату и шампанскаго!

(*Слуги отставляютъ столъ въ-сторону*).

СОСТЕНЪ. Шампанскаго то побольше, и я увѣренъ, что не я буду платить за него, (*Въ-сторону*). Ужъ это будетъ чисто несчастіе, если въ цѣломъ балу не найдется ни одной злополучной!

МАРКИЗЪ. Ну господа! въ залу! (*Когда они уходятъ, входитъ Морисъ и увидя Состена, схватываетъ газету и закрывается ею, дѣлая видъ, что читаетъ. Батистъ убираетъ посуду*).

ЯВЛЕНІЕ II.

МОРИСЪ И БАТИСТЪ.

МОРИСЪ. Проклятый Состенъ! Вѣдь нужно же было мнѣ на него наткнуться..... Хорошо еще, что не узналъ.... Мнѣ показа-

лось, чего Боже сохрани, что и маркизъ и де-Бошанъ былъ съ нимъ..... Я даже, кажется, видѣлъ съ ними и Люсне, моего товарища по адвокатству! Но теперь я отъ нихъ отдѣлался.... мнѣ нечего больше бояться. Но какъ бы то ни было, вѣдь судьба же мнѣ сегодня встрѣчаться съ знакомыми! Зала, кажется, только ими и набита!.... Человѣкъ!

БАТИСТЪ. Что прикажете-съ?

МОРИСЪ. Особую комнату и два прибора.

БАТИСТЪ. О! это само собой разумѣется-съ.

МОРИСЪ. Что?

БАТИСТЪ. Я говорю, что кавалеру одному тутъ и дѣлать-то нечего-съ.

МОРИСЪ. Я не нуждаюсь въ твоихъ объясненіяхъ. (*Тихо*). Естьли у васъ комната съ особымъ выходомъ на черную лѣстницу?

БАТИСТЪ (*показывая на дверь на-право*). У насъ есть двѣ такія: «десятый и восьмой нумеръ. Особенно знаменитая восьмой..»

МОРИСЪ. Знаменитый или нѣтъ.... я его беру.

БАТИСТЪ. Слушаю-съ. (*Хочетъ уйти*).

МОРИСЪ. Когда въ три часа я приду черезъ эту дверь, одна дама придетъ по....

БАТИСТЪ. По чорной-съ. Понимаю.

МОРИСЪ. Ты ее тогда отопрешь.

БАТИСТЪ. Секретно-съ. Это само собой. (*Въ сторону*) Это женатый.

МОРИСЪ. Покажи списокъ кушаньямъ и.... подай рюмку ликеру.

БАТИСТЪ. Сей-часъ.

МОРИСЪ. Я право не знаю, что можетъ быть хуже моего положенія? Я не могу отвязаться отъ мысли, что подумаетъ жена объ моемъ отсутствіи, какую ей выдумать отговорку, что сказать.... О! если-бъ въ эту ночь могъ случиться какой нибудь этакъ пожаръ, даже землятресеніе! Но я не буду столько счастливъ!....

БАТИСТЪ (*возвращается съ картою и рюмкою*). Вотъ карта и ликеръ, сударь, что вы требовали.

МОРИСЪ. Хорошо.

БАТИСТЪ. Въ восьмомъ нумерѣ всё готово сударь. (*Уходитъ*.

МОРИСЪ (*одинъ*). Наконецъ, когда же я возвращусь домой? Но чортъ возьми часомъ раньше, часомъ позже — все равно, вѣдь ужъ не отдѣлаюсь отъ упрековъ.... Прочь эти мысли, теперь надо веселиться; на всё свое время. (*Входитъ въ комнату на*

право, въ это время женщина въ черномъ домино и въ маскѣ входитъ и дѣлаетъ знакъ кому-то за ней слѣдовать).

ЯВЛЕНІЕ III.

АМАЛІЯ И БАРТОЛИНИ.

БАРТОЛИНИ *входитъ; на немъ зеленые очки. Онъ съ поднятымъ воротникомъ, чтобъ скрыть свое лицо.*

АМАЛІЯ (*снимая маску*). Поскорѣй, докторъ, поскорѣй я его замѣтила, онъ здѣсь.... онъ вошелъ въ эту дверь.

БАРТОЛИНИ (*снимаетъ очки*). Но увѣрены ли вы хоть въ этотъ разъ?

АМАЛІЯ. Разумѣется, я очень хорошо знаю, что это его замѣтили мы въ корридорѣ, что онъ пошелъ въ эту половину....

БАРТОЛИНИ. Такъ значитъ, вы теперь довольны... вернемтесь....

АМАЛІЯ. О, нѣтъ еще, докторъ.... погодите.

БАРТОЛИНИ. Но помилуйте, вѣдь вы этакъ никогда не кончите.

АМАЛІЯ. Морисъ въ этой комнатѣ, это вѣрно; но одинъ ли онъ тамъ? или ожидаетъ кого?.... вотъ что́ мнѣ необходимо нужно знать.... и если я этого не узнаю.... я буду несчастнѣйшая на свѣтѣ....

БАРТОЛИНИ (*вынимаетъ часы*). Уже два часа, а я съ двѣнадцати имѣю честь безпрестанно за вами слѣдовать, гоняться за вашимъ милымъ супругомъ.... Черезъ это, посудите сами, я измѣняю моимъ двойнымъ обязанностямъ: мужа и врача.

АМАЛІЯ. Докторъ! вы попрекаете услугою, которую вы мнѣ оказали....

БАРТОЛИНИ О, разумѣется, нѣтъ, но....

АМАЛІЯ. И къ кому же я лучше всего могла обратиться съ просьбою, какъ не къ вамъ? На кого же я скорѣй всего могла положиться?

БАРТОЛИНИ. И мнѣ конечно, очень лестно это, но посудите сами....

АМАЛІЯ. Подумайте сами, докторъ, могла ли я что нибудь иначе сдѣлать?.... Въ полночь, когда я увидила, что Морисъ еще не возвращается.... я не знаю, что́ со мной было.... сперва слезы, потомъ страхъ, негодованіе, злость.... смѣнялись одни другими.

Вдругъ я вспомнила нѣкоторыя слова, вырвавшіяся у Морица во время его сна....

БАРТОЛИНИ. Онъ лунатикъ?

АМАЛІЯ. И тогда я рѣшилась на все. Надѣваю домино, и спѣшу изъ дому.... ѣхать одной въ маскарадъ было не возможно.... Въ эту минуту слышу я кто то запираетъ двери и сходитъ съ лѣстницы.....

БАРТОЛИНИ. И это былъ я. Я только что отдалъ вечерній поцѣлуй моей Агнесочкѣ, и пока этотъ ангелъ надѣвалъ кофточку, я преспокойно думалъ отправиться въ свою больницу....

АМАЛІЯ. Само небо послало тогда мнѣ васъ.... Что мнѣ оставалось больше дѣлать? Я рѣшилась прибѣгнуть къ вашей услужливости, къ вашей дружбѣ; взяла васъ за руку....

БАРТОЛИНИ. Я не устоялъ — вы меня увлекли въ засаду....

АМАЛІЯ. О! Если бъ вы знали, что такое ревность?

БАРТОЛИНИ. Это одинъ изъ самыхъ сильныхъ припадковъ, — мы, доктора, это знаемъ.... но наука тутъ неспльна.... и я, сударыня

АМАЛІЯ (*прислушиваясь*). Тсъ.... онъ съ кѣмъ то говоритъ, онъ не одинъ.

БАРТОЛИНИ (*въ-сторону, съ отчаяніемъ*). Да онъ оттуда никогда не выдетъ! (*Идетъ къ комнатѣ*).

АМАЛІЯ. Съ нимъ говорятъ.

БАРТОЛИНИ (*слушая*). Это мужской голосъ.

АМАЛІЯ. Вы думаете?

БАРТОЛИНИ. Тамъ нѣтъ ни одной женской души.... Онъ заказываетъ слугѣ ужинъ на 24 прибора. (*Подходя къ ней*). Ну, я надѣюсь, вы будете такъ благоразумны, что не станете его ревновать къ мужчинѣ.

АМАЛІЯ. О! эти душевныя волненія ужасны.

БАРТОЛИНИ И какъ теперь все объяснилось.... будемте же разсудительны — уѣдемъ отсюда. Морицъ, вѣроятно, пріѣхалъ сюда на балъ отужинать съ своими друзьями, которыхъ онъ ожидаетъ, вотъ и все. Вѣдь это въ-самомъ-дѣлѣ странно, какъ будто уже мужъ и не смѣетъ ужинать безъ своей жены, безъ ея спроса?.... Ну не правда ли, это въ порядкѣ вещей... И такъ какъ обстоятельство это не представляетъ намъ болѣе ничего важнаго — уѣдемъ.

АМАЛІЯ. Еще одну минуту, не больше одной минуты, докторъ; я непремѣнно хочу видѣть друзей Морица.

БАРТОЛИНИ (*въ-сторону*). О, Боже мой! (*Смотря на часы*) Два съ четвертью! (*Громко*). Но послушайте, если мужъ вашъ

узнаетъ, что вы за нимъ подсматриваете.... его преслѣдуете — что и я тоже замѣшанъ въ это дѣло....

АМАЛІЯ. О! онъ этого никогда не узнаетъ! — Никогда! Я не хочу, чтобъ онъ это зналъ, и благодаря маскѣ....

БАРТОЛИНИ. Но я то, сударыня? Вѣдь у меня нѣтъ маски....

АМАЛІЯ. Въ очкахъ и съ поднятымъ воротникомъ васъ тоже рѣшительно нельзя узнать.

БАРТОЛИНИ. Рѣшительно, сударыня, я не могу дольше оставаться. Я уѣду и оставлю васъ здѣсь.... У меня вѣдь есть больные. Наконецъ жена! ангелъ! И еслибъ она бѣдняжка узнала, что я ступилъ въ этотъ вертепъ — даже хоть для того, чтобъ васъ обязать, она бъ умерла съ горя!

АМАЛІЯ. Идутъ!... Замолчите!...

(Надѣваетъ маску. Бартолини тоже надѣваетъ очки и поднимаетъ воротникъ, дѣлая видъ, что говоритъ съ Амаліей).

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ, МОРИСЪ И БАТИСТЪ.

МОРИСЪ *(входя, говоритъ Батисту, который за нимъ слѣдуетъ)*. Понимаешь?... ровно въ три часа.... О! я не одинъ.

(Также, какъ Бартолини, поднимаетъ воротникъ своего пальто, чтобъ его не узнали).

БАТИСТЪ *(тихо Морису)*. Въ три часа она будетъ отворена!

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

АМАЛІЯ, БАРТОЛИНИ И МОРИСЪ.

МОРИСЪ *(въ-сторону)*. Мнѣ все кажется.... что я вездѣ вижу только знакомыхъ.... вотъ что значитъ страхъ-то быть узнаннымъ.... *(Доходитъ до половины залы, оборотясь спиною къ Бартолини и Амаліи, потомъ останавливается и смотритъ искоса)*. Ну, кажется, этотъ господинъ тоже не слишкомъ то хочетъ быть узнаннымъ!... Еще подобный мнѣ.... Моей масти.... Несчастный!

БАРТОЛИНИ *(тихо Амаліи, переходя сцену)*. Онъ уходитъ!

АМАЛІЯ (*тоже тихо*). Мы за нимъ послѣдуемъ....

БАРТОЛИНИ (*возвышая голосъ*). Опять?... Да долго ли наконецъ?...

АМАЛІЯ (*тихо*). Да говорите же тише.

МОРИСЪ (*останавливаясь*). Что это? Знакомый голосъ!

(*Смотритъ искоса на Бартолини. Тотъ тоже. Глаза ихъ встрѣчаются. Бартолини поднимаетъ выше свой воротникъ*).

БАРТОЛИНИ (*тихо*). Онъ насъ замѣтилъ.

МОРИСЪ (*приближаясь, самъ себѣ*). Что за странность? Этотъ ростъ, голосъ.... это пальто.... ну да.... это онъ!... (*Громко*) Бартолини?

БАРТОЛИНИ (*оборачиваясь*). А.

МОРИСЪ. А, шутъ! попался....

БАРТОЛИНИ (*въ-сторону*). Я узнанъ!

АМАЛІЯ (*въ-сторону*), Я вся дрожу.

МОРИСЪ. А, а.... скромница.... это такъ-то мы ѣздимъ въ нашу больницу.

БАРТОЛИНИ. Морисъ, что ты.... увѣряю тебя....

МОРИСЪ. Довольно, Тартюфъ, довольно.... (*Хохочетъ*). И ты, который такъ искусно притворялся.... ха, ха.... корчилъ такую олицетворенную добродѣтель.... ха, ха!

БАРТОЛИНИ. О! ужъ это слишкомъ.

АМАЛІЯ (*тихо Бартолини, жмя сильно руку*). Именемъ всего священнаго!... Ни слова!... Умоляю васъ. Я хочу все знать!

МОРИСЪ. Но, несчастный, у тебя будутъ выцарапаны глаза, если узнаетъ твоя жена....

БАРТОЛИНИ. Моя жена!... (*Хочетъ уйдти, Амалія его удерживаетъ*).

МОРИСЪ. Боже мой, что я сказалъ!... А! другъ мой.... ради Бога прости меня.... и вы тоже сударыня.... это, право, совершенно нечаянно вырвалось у меня съ языка.... но вы, вѣроятно, извините мою неловкость, когда узнаете, что и я также, какъ мой бѣдный другъ.... увы... женатъ!

БАРТОЛИНИ (*въ-сторону*). Что онъ станетъ ей говорить!

МОРИСЪ. Да, сударыня.... женатъ!... и нѣдругу не желаю ничего подобнаго,

БАРТОЛИНИ. Морисъ! (*Хочетъ подойти къ нему, Амалія его удерживаетъ*).

МОРИСЪ (*Бартолини*). Будь покоенъ! Я заглажу мой промахъ.

(*Амаліи*). И еслибъ вы знали, до какой степени супружеская жизнь скучна и однообразна....

БАРТОЛИНИ (*въ-сторону*). Ну, пошелъ, пошелъ....

МОРИСЪ. Право не стали бъ завидовать тѣмъ немногимъ минутамъ, которыя мы имъ посвящаемъ.

БАРТОЛИНИ (*въ-сторону*). Самъ себя запутываетъ.

МОРИСЪ. Но за то, какъ скоро мы отъ нее ускользаемъ, о! тогда, мы уже на себя непохожи.... мы веселы.... шалимъ.... насъ нельзя узнать.

БАРТОЛИНИ (*въ-сторону*). Затягивай, затягивай петлю-то....

МОРИСЪ. Напримѣръ, посмотрите сударыня.... мой другъ докторъ.... внѣ дома.... предается самымъ невиннымъ наслажденіямъ.

БАРТОЛИНИ. Гмъ!

МОРИСЪ (*ударяя его по плечу*). Браво́, кутила, вивёръ! Онъ такъ мало похожъ на мужа, который уважаетъ права своего супружества.... Нужно его видѣть, гордо попирающаго суровыя узы рабства и приличій.

БАРТОЛИНИ (*подходитъ къ нему*). Это что́, напримѣръ, значитъ?

МОРИСЪ (*тихо Бартолини*). Ты теперь, я думаю, долженъ быть доволенъ. Честь тебѣ возвращена.

БАРТОЛИНИ (*не выдержавъ*). Да это уже слишкомъ! А мое достоинство!...

(*Амалія удерживаетъ Бартолини; онъ показываетъ знаки самаго сильнаго нетерпѣнія*).

МОРИСЪ (*подходя*). Но, какъ мнѣ кажется, мое присутствіе тебя стѣсняетъ.... не мѣшаю, не мѣшаю.... смѣю ли я разстроить такое очаровательное свиданіе.... У меня тоже есть нѣчто подобное.... тамъ.... въ три часа....

АМАЛІЯ (*тихо*). О Боже!...

БАРТОЛИНИ (*тихо*). Несчастный!... Онъ все самъ разскажетъ....

МОРИСЪ. И если бъ было можно намъ соединиться.... это было бъ превосходно.... ужинъ въ четверомъ....

АМАЛІЯ (*облакачиваясь на руку Бартолини*). Ахъ!

БАРТОЛИНИ (*Морису, смотря на Амалію*). Да замолчишь ли ты?... Это скверно, это тебѣ не дѣлаетъ чести.... еслибъ ты зналъ передъ кѣмъ ты говоришь.... (*Амалія его удерживаетъ*).

МОРИСЪ. Я не смѣю настаивать. .. Инкогнито прелестныхъ дамъ для меня священно.

АМАЛІЯ (*въ-сторону*). Онъ къ ней пойдетъ....

МОРИСЪ (*непринужденно кланяясь*). Прощайте, сударыня!...

АМАЛІЯ (*въ-сторону*). О я хочу его поймать, пристыдить....

МОРИСЪ. Прощай, пріятель.... (*Громко*). Прощай, повѣса!... (*Уходя*). О! какая встрѣча! Ха, ха, ха.... Кто бъ подумалъ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

АМАЛІЯ, БАРТОЛИНИ, ПОТОМЪ БАТИСТЪ.

АМАЛІЯ (*живо*). Пойдемте, докторъ, пойдемте.... за нимъ.... (*Дѣлаетъ шагъ и облакачивается на стулъ*). О! я не могу больше... силы меня оставляютъ....

БАРТОЛИНИ (*подходя къ ней*). Что̀ съ вами?

АМАЛІЯ (*снимая маску*). Ахъ, я не могу дышать... я чувствую, что этого не вытерплю....

БАРТОЛИНИ (*усаживая ее*). Только этого не доставало! (*Звонитъ*). Ей! Человѣкъ!... (*Ищетъ въ карманѣ докторскій приборъ*). Бѣда да и только.... могутъ придти сюда, застать.... узнаютъ ее... меня....

БАТИСТЪ (*входя*). Что̀ прикажете?

БАРТОЛИНИ. Поскорѣй, особую комнату.... живо! (*Подавая Амаліи флаконъ*). Вотъ спиртъ!

БАТИСТЪ А! Дама захворала.

БАРТОЛИНИ. Хорошо, хорошо.... (*Батистъ отворяетъ дверь въ комнату на-лѣво*). Побольше храбрости... такъ можно испортить все дѣло....

АМАЛІЯ (*вставая*). Это пройдетъ, пройдетъ....

БАРТОЛИНИ (*ведя ее въ комнату*). Я надѣюсь, что это пройдетъ.... Тутъ можно совсѣмъ съ ума сойти....

БАТИСТЪ. Вотъ ваша комната-съ!

АМАЛІЯ. Ахъ докторъ!... зачѣмъ я сюда пріѣхала?

БАРТОЛИНИ. Да, зачѣмъ мы оба сюда пріѣхали?... (*Смотря на часы*). Безъ двадцати минутъ три! (*Амалія входитъ въ комнату*).

БАТИСТЪ. Что̀ прикажите подать, сударь?

БАРТОЛИНИ. Живо.... ликеру! (*Уходитъ въ ту же комнату*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

БАТИСТЪ И АГНЕСА.

БАТИСТЪ. Опять таки ликеръ. Какова торговля!

(*Въ это время Агнеса въ маскѣ и голубомъ домино входитъ, оглядываясь на всѣ стороны*).

БАТИСТЪ (*про себя*). Какое красивое домино. (*Ей*). Сударыня, вѣрно, вы ищете кого нибудь?

АГНЕСА. О да, трехъ дамъ.

БАТИСТЪ. Трехъ дамъ? Постойте....

АГНЕСА (*живо*). Ты ихъ развѣ видѣлъ?

БАТИСТЪ. Три дамы съ пятью кавалерами?

АГНЕСА (*испугавшись*). Нѣтъ, нѣтъ, это не онѣ... три дамы.... однѣ....

БАТИСТЪ. Однѣ?... Это не по нашей части, сударыня.... Мы такихъ не видали....

АГНЕСА (*въ-сторону*). Боже мой, что дѣлать?

БАТИСТЪ. Но еще рано, успѣете найти.

АГНЕСА. Вѣдь я могу здѣсь подождать? не правда ли?

БАТИСТЪ (*подавая стулъ*). Разумѣется? Не желаете ли чего нибудь прохладительнаго?

АГНЕСА (*садясь*). О да... сдѣлай одолженіе....

БАТИСТЪ. Угодно, сударыня, пуншу?

АГНЕСА. Нѣтъ, нѣтъ, какъ пуншу? Дай мнѣ сахарной воды....

БАТИСТЪ (*въ-сторону*). Сахарной воды.... и ликеру! (*Голосъ за кулисами*). Человѣкъ! бутылку шампанскаго!

БАТИСТЪ. Сейчасъ-съ! Это хоть что нибудь!... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

АГНЕСА (*одна*).

АГНЕСА (*снимая маску и вставая*). Можно ль понять эту г-жу Жиро? Оставить меня одну на балѣ, покинуть посреди толпы? О! я никогда не забуду ей этой штуки! Мой бѣдный мужъ нянчится теперь съ своими больными.... и вѣрно, бѣдняжка думаетъ, что его милая Агнесочка теперь дома, спитъ.... (*Отворяютъ дверь изъ комнаты на-лѣво*). Кто то идетъ!

(*Отворачивается и проворно надѣваетъ маску*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

АГНЕСА И БАРТОЛИНИ.

БАРТОЛИНИ (*входитъ, говоря Амаліи, которая остается въ комнатѣ*). Подождите меня здѣсь.... я сейчасъ вернусь, найму фіакръ....

АГНЕСА (*замьтя его*). О, Боже! что́ я вижу?...

БАРТОЛИНИ. Что-съ? Извините.... я не дослышалъ.... Вы говорите.... (*Входитъ опять въ комнату*).

АГНЕСА (*одна*). Да, это онъ.... это мой Бартолини!... Онъ, вѣрно, тоже пріѣхалъ сюда ужинать съ товарищами.... Хе, хе, хе.... Наконецъ то и онъ пустился во все.... Какъ это весело.... теперь я уже болѣе не въ затрудненіи!... Я ему скажу все, и мы вернемся вмѣстѣ.... но не домой, а на балъ.... гдѣ мнѣ такъ было весело.... (*Бартолини выходитъ*). Вотъ и онъ.... пошутрнгую его сперва.... (*Надѣваетъ снова маску*).

БАРТОЛИНИ (*самъ-себѣ*). Наконецъ то послушалась меня; она согласилась ѣхать! (*Хочетъ уйти, Агнеса беретъ его за руку и удерживаетъ*). Это что́ еще?... Извините, сударыня.... вы, вѣрно, ошиблись....

АГНЕСА (*перемѣнивъ голосъ*). О, нѣтъ!

БАРТОЛИНИ (*хочетъ отнять руку*). Какъ нѣтъ? Вы меня знаете?

АГНЕСА. О, да!

БАРТОЛИНИ (*въ-сторону*). А! догадываюсь.... это моя пацiентка! (*Громко*). Я не думаю, сударыня, чтобъ въ эту минуту вы могли нуждаться въ моихъ услугахъ....

АГНЕСА. Ну, не говорите....

БАРТОЛИНИ. Вы больны?... Такъ поѣзжайте скорѣе домой, лягте въ постель.... и ужъ тогда призовите меня.... я здѣсь никого не пользую.... (*Освобождаетъ руку*). Если насъ тутъ увидятъ вмѣстѣ, это можетъ компрометировать меня, какъ женатаго человѣка.... (*Хочетъ уйти*).

АГНЕСА (*въ-сторону, идя за нимъ*). Спасибо, дружокъ.... я всегда, по прежнему, занимаю его мысли.

БАРТОЛИНИ. Сударыня.... до пріятнаго удовольствія васъ видѣть....

АГНЕСА (*удерживая его за руку*). Позвольте!...

БАРТОЛИНИ (*въ-сторону*). Еще такъ!... (*Ей*) Сударыня, я занятъ, спѣшу.... что́ вамъ отъ меня угодно?

АГНЕСА. Услуги....

БАРТОЛИНИ (*въ-сторону*). И ей тоже! (*Ей*). Что́, сударыня.... развѣ вы замужемъ?

АГНЕСА. Да!

БАРТОЛИНИ. Такъ я держу пари, что вашъ мужъ пошаливаетъ....

АГНЕСА. Увы!

БАРТОЛИНИ. И вы преслѣдуете его?

АГНЕСА. Справедливо.

БАРТОЛИНИ. И надѣетесь на меня, чтобъ я васъ сопровождалъ во-время вашихъ поисковъ....

АГНЕСА. Такъ.

БАРТОЛИНИ (*въ-сторону*). Честное слово.... мудрецъ съ ума сойдетъ.... (*Ей*). Увольте меня отъ этого, прелестная незнакомка, я ужъ и безъ того потерялъ слишкомъ много времени въ эту ночь. Да пустите же.... Ай.... вы щиплитесь.

(*Вырываетъ руку и отходитъ въ-сторону*).

АГНЕСА. Сударь.... сдѣлайте милость....

БАРТОЛИНИ (*подходя къ Агнесѣ, громко*). Если же непремѣнно вы хотите знать, почему я не могу исполнить вашей просьбы.... такъ знайте жъ, я самъ здѣсь не одинъ!

АГНЕСА (*весело*). Въ-самомъ-дѣлѣ? А!

БАРТОЛИНИ. То есть, мнѣ здѣсь тепло и безъ васъ.

АГНЕСА (*смущаясь*). Что́ вы говорите?

БАРТОЛИНИ. Я здѣсь съ женщиной, съ очаровательной....

АГНЕСА (*въ-сторону*). Съ женщиной?

БАРТОЛИНИ. Я вамъ скажу больше.... которая ревнива, какъ вампиръ.

АГНЕСА (*въ-сторону*). Боже мой!

БАРТОЛИНИ. И я иду нанимать фіакръ, чтобъ отвезти ее домой, ко мнѣ.... При всемъ томъ мнѣ очень жаль, что я долженъ васъ такъ невѣжливо оставить.

АГНЕСА (*тихо, опираясь на стулъ*). О! мнѣ дурно! дурно!

БАРТОЛИНИ. Знаемъ эти штуки! (*Идя*). Слава Богу, по-крайней-мѣрѣ, что отвязалась.... Эта ночь что́ нибудь мнѣ стóитъ... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

АГНЕСА, ПОТОМЪ АМАЛІЯ.

АГНЕСА (*снимаетъ маску и падаетъ въ кресло*). Онъ здѣсь съ женщиной! Я чувствую, что упаду въ обморокъ.... (*Съ энергіей*) Но нѣтъ, я еще буду имѣть столько характера.... (*Встаетъ, идетъ быстро къ двери, изъ которой вышелъ Бартолини и отворяетъ ее*). Выходите, сударыня.... выходите.... вамъ нечего скрываться, я знаю все.... (*Узнавъ Амалію*) Что́ это?

АМАЛІЯ. Агнеса!

АГНЕСА (*подозрѣвая*). Одна съ моимъ мужемъ!

АМАЛІЯ. О утѣшься!... твой мужъ совершенно вѣренъ тебѣ; это я принудила его почти силою ѣхать сюда, чтобъ отыскать, чтобъ поймать моего жалкаго мужа, который меня обманываетъ, измѣняетъ мнѣ....

АГНЕСА (*отдыхая*). Твоего мужа?.... О, душа моя, какъ же я теперь довольна....

АМАЛІЯ. Что ты говоришь?

АГНЕСА. Да правда, правда; извини меня... ты, вѣрно, подумала, что я радуюсь твоему несчастію.... напротивъ, душа моя.... по каково же было мнѣ? вѣдь я думала, что и мой-то вздумалъ мнѣ измѣнять.... каково же мнѣ это было?

АМАЛІЯ. Тебѣ? тебѣ, которая еще недальше, какъ сегодня вечеромъ, жаловалась на примѣрное постоянство своего мужа.... желала даже ему интригу....

АГНЕСА. О да.... это, разумѣется, только такъ говорится, и особенно тогда, когда еще увѣрены въ ихъ вѣрности.... но послѣ.... при малѣйшемъ подозрѣніи.... напримѣръ сейчасъ.... я чуть не упала въ обморокъ.... (*Съ участіемъ беретъ руку Амаліи*) Но я только и говорю, что о себѣ.... Какъ твои дѣла, моя милочка.... разскажи пожалуста... что ты узнала?.... что открыла?

АМАЛІЯ. Морисъ здѣсь, на балу, съ женщиной.... и онъ приведетъ ее скоро сюда ужинать....

АГНЕСА. О какой ужасъ! Но ты, разумѣется, не допустишь до этого.... Нужно надѣлать шуму.... нужно заставить его образумиться.... мы вѣдь тоже имѣемъ свои права.... и нужно ихъ поддержать! Теперь я не хочу, чтобъ мой мужъ хоть на минуту меня оставлялъ, чтобъ онъ шагу безъ меня не дѣлалъ.

АМАЛІЯ. Но развѣ ты-то передъ нимъ ни въ чемъ невиновата.

АГНЕСА. Я-то? это другая статья.... А? ты думаешь, какъ я попала въ маскерадъ? Меня завлекла сюда г-жа Жиро.

АМАЛІЯ. А я сомнѣваюсь.... Не ты ли это выдумала?

АГНЕСА. Но вѣдь я не одна.... насъ четверо.... Жиро, я, Люсне и Фовель.

АМАЛІЯ. И Люсне тоже? жена адвоката, товарища Мориса?

АГНЕСА. Именно! Мы надѣялись надѣлать много шуму нашими одинаковыми голубыми домино, и потому съ самаго пріѣзда согласились не оставлять другъ друга во всю ночь.

АМАЛІЯ. Но какъ же это случилось, что ты одна?

АГНЕСА. А вотъ слушай. Только что мы пріѣзжаемъ на балъ, какъ вдругъ, смотримъ, къ намъ подходитъ....

АМАЛІЯ. Кто?

АГНЕСА. Прекрасный молодой человѣкъ. Фракъ черный, жилетъ черный.... все черное. Онъ предлагаетъ свою руку г-жѣ Жиро, которая ее и принимаетъ, говоря намъ: «Я скоро приду, я иду танцовать»... Нельзя же было....

АМАЛІЯ. Ну такъ вы оставались все-таки втроемъ....

АГНЕСА. Позволь. Мы продолжаемъ гулять.... какъ вдругъ въ другомъ концѣ залы встрѣчаемъ....

АМАЛІЯ. Кого-же?

АГНЕСА. Фракъ черный, жилетъ черный... все черное.

АМАЛІЯ. Еще кавалеръ?

АГНЕСА. Два! Они ходили нѣсколько времени подлѣ насъ; вдругъ Фовель сказала: «Я схожу сей часъ за мороженымъ», и исчезла....

АМАЛІЯ. Въ-самомъ-дѣлѣ?

АГНЕСА. Изумленная этимъ, я оборачиваюсь, смотрю, и вообрази мой ужасъ.... Люсне тоже нѣтъ.

АМАЛІЯ. Такъ ты осталась одна?

АГНЕСА. Совершенно одна; вообрази, посреди этого океана гуляющихъ. И сколько я наслушалась дерзостей, даже отъ г-на Состена, который силою хотѣлъ меня увести ужинать.

АМАЛІЯ. Онъ тебя узналъ?...

АГНЕСА. По счастію, кажется, нѣтъ! Да, Боже сохрани! онъ такой болтунъ, такой злой.... что это было бы величайшее несчастіе. Ты мнѣ, вѣрно, дашь совѣтъ, что теперь дѣлать. Вѣдь, если мужъ мой узнаетъ, я пропала.

АМАЛІЯ. Я могу спасти тебя.

АГНЕСА. Какъ?

АМАЛІЯ. Ты хочешь уѣхать?

АГНЕСА. О да, да, непремѣнно.

АМАЛІЯ. А я хочу остаться.

АГНЕСА. Ну?

АМАЛІЯ. Твой мужъ сейчасъ возвратится съ фіакромъ. Перемѣнимъ костюмы, и дѣло кончено. Ты поѣдешь съ нимъ. Не снимай маски, молчи, плачь всю дорогу, или, по крайней-мѣрѣ, показывай видъ, что плачешь.... У воротъ Бартолини тебя оставитъ, чтобы ѣхать въ свою больницу.

АГНЕСА. О! я увѣрена, что онъ и не догадается! Да это прелестно...

АМАЛІЯ. Идутъ! Поспѣшимъ!

(Уходятъ въ комнату на-лѣво, Агнеса послѣдняя. Входятъ Маркизъ, Люсне, Монжиронъ и Состенъ, который замѣчаетъ голубое домино Агнесы).

ЯВЛЕНІЕ XI.

МОНЖИРОНЪ, МАРКИЗЪ, ЛЮСНЕ И СОСТЕНЪ.

СОСТЕНЪ. А! мое голубое домино.

(*Бѣжитъ за Агнесой; но дверь запирается*).

МАРКИЗЪ. Ну, любезный мой Состенъ, черезъ 10 минутъ вашъ закладъ проигранъ.

СОСТЕНЪ. Я выиграю.

ЛЮСНЕ. Да какъ же это? Вы пока одни.

СОСТЕНЪ. Имѣйте немного терпѣнія!

ЛЮСНЕ. Развѣ ужъ заманили кого-нибудь?

СОСТЕНЪ. Ангела!—Талія, ручки, глазки, небесныя.... домино.... голубое....

ЛЮСНЕ (*смѣясь*). Небесное?

МАРКИЗЪ. Да я видѣлъ васъ въ залѣ подлѣ чего-то въ этомъ родѣ.... но какъ мнѣ кажется, эти прелести вамъ не совсѣмъ-то поддавались....

СОСТЕНЪ (*показывая на-лѣво*). Онѣ тамъ, въ этой комнатѣ.

ЛЮСНЕ. Въ-самомъ-дѣлѣ?

СОСТЕНЪ. И послѣ того, до чего я уже успѣлъ довести разговоръ, мнѣ остается сказать не болѣе десяти словъ.

ЛЮСНЕ. Чортъ возьми, г-нъ Состенъ.... мы посмотримъ вашу побѣду....

СОСТЕНЪ. Господа мнѣ не нужно посредничества.

МАРКИЗЪ. Правда, правда.... Оставимъ его одного.

(*Всѣ отходятъ въ противный уголъ. Состенъ подходитъ къ двери и останавливается*).

СОСТЕНЪ. Смотрите, смотрите.... вотъ и она идетъ ко мнѣ!

(*Онъ показываетъ торжествующій видъ. Дверь тихо отворяется и выходитъ замаскированная Амалія въ голубомъ доминѣ Агнесы*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

АМАЛІЯ, ЛЮСНЕ, СОСТЕНЪ И МАРКИЗЪ.

АМАЛІЯ (*думая, что она одна, запираетъ дверь*). Я слышала шумъ... не Морисъ ли это?...

ЛЮСНЕ (*въ-сторону*). Какъ странно. Вотъ домино, которое какъ

двѣ капли походитъ на домино моей жены.... Ужъ не госпожа ли это Люсне?...

АМАЛІЯ (*въ-сторону*). Нужно мнѣ увѣриться.... (*Увидя Состена, стоящаго впереди*). Боже мой!

СОСТЕНЪ. А! наконецъ-то, я васъ нахожу снова, моя шалунья, купидонъ.... сильфида....

АМАЛІЯ (*съ ужасомъ*). Господи! Что со мной будетъ?

СОСТЕНЪ. Вы таки довольно долго заставили меня бѣгать за вами... Но на этотъ разъ я уже васъ не выпущу... вы моя плѣнница....

ЛЮСНЕ (*самъ-себѣ*). Я долженъ вступиться за это.... Этотъ ростъ.... манеры....

МАРКИЗЪ (*Люсне*). Что съ вами, виконтъ?

ЛЮСНЕ. Ничего, ничего.... такъ. (*Въ-сторону*). Еслибъ я не былъ увѣренъ, что жена моя меня обожаетъ....

АМАЛІЯ (*въ-сторону, пока Состенъ мьняется знаками съ своими друзьями*). Я пропала, если онъ меня узнаетъ, если узнаетъ, что я тутъ одна, безъ мужа....

СОСТЕНЪ (*перебивая ее*). Итакъ, моя богиня.... извините, что безъ околичностей я приступаю къ вамъ съ просьбою.... отужинаемъ вмѣстѣ!

АМАЛІЯ (*испугавшись*). Милостивый государь!

СОСТЕНЪ. Ну полноте?... Сейчасъ, въ танцахъ, вы были снисходительнѣе.... Отужинаемте же!

АМАЛІЯ. Оставьте меня, сударь, говорю вамъ, оставьте....

(*Хочетъ уйти, Состенъ ее удерживаетъ*).

СОСТЕНЪ (*въ-сторону*). Не проиграть же мнѣ ужинъ? Я долженъ настоять, чтобъ она непремѣнно осталась.

АМАЛІЯ (*въ-сторону*). Боже мой, какой ужасъ! Я не знаю, какъ противиться такой наглости.. Ахъ, какъ, я могла уйти отсюда....

МАРКИЗЪ (*друзьямъ*). Какъ онъ не настаиваетъ, а она таки не поддается.... Ну, Состену не выиграть ужина....

СОСТЕНЪ (*Амаліи*). Да бросьте же это ребячество.

АМАЛІЯ (*въ-сторону, вырывая у него руку*). Какое ужасное положеніе! Ну Морисъ, твой поступокъ отъ этихъ слѣдствій дѣлается еще чувствительнѣе.

СОСТЕНЪ. Да чего вы боитесь? Вѣдь на этихъ ужинахъ только клянутся въ любви.... это переходитъ отъ одного бала до другаго.... (*Беретъ ее насильно за руку*).

АМАЛІЯ (*защищаясь*). Оставьте меня, сударь, я вамъ приказываю.... (*Морисъ показывается въ дверяхъ*). Ахъ!!...

(*Она вырывается, бѣжитъ къ Морису и беретъ его за руку. Тотъ смотритъ на нее съ удивленіемъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢ ЖЕ И МОРИСЪ.

МОРИСЪ (*удивленный*). Что такое? Что это значитъ?

СОСТЕНЪ (*въ-сторону*). Морисъ? О, какое открытіе!

МОРИСЪ (*увидя Состена, въ-сторону*). Состенъ? Опять онъ!

СОСТЕНЪ (*въ-сторону*). Такъ это было свиданіе.... и здѣсь.... А голубчикъ попался.... теперь то ты въ моихъ рукахъ.

МОРИСЪ (*Амаліи, которая его держитъ за руку*). Но, сударыня....

АМАЛІЯ (*тихо перемѣнивъ голосъ*). Морисъ!... спаси меня....

МОРИСЪ (*въ-сторону*). Мое имя?... Это она!... это Флорентина!

МАРКИЗЪ (*подходя*). А, это г-нъ Дюрозель?

МОРИСЪ (*въ-сторону, смутясь*). Маркизъ!

МАРКИЗЪ. А! Г-нъ ходатай по дѣламъ.... вы здѣсь, промѣняли ваши дѣла на удовольствія.... даже дѣлаете неожиданныя встрѣчи.

МОРИСЪ (*въ-сторону*). Какъ бы мнѣ отсюда выпутаться....

СОСТЕНЪ (*тихо маркизу*). Это мужъ съ мороженнымъ.

МАРКИЗЪ (*ему*). Неужели? (*Тихо*). Ну такъ я не удивляюсь его замѣшательству.

СОСТЕНЪ (*переходя къ Люсне и Монжирону*). Мужъ съ мороженнымъ, мужъ съ мороженнымъ.... завтра его жена все узнаетъ....

ЛЮСНЕ. А?... Какъ же я былъ глупъ, что могъ подозрѣвать....

МАРКИЗЪ (*Морису*). Извините, г-нъ Дюрозель; какъ замѣтно, наше присутствіе васъ связываетъ, женируетъ....

МОРИСЪ (*съ замѣшательствомъ*). О нѣтъ, нѣтъ.... напротивъ.... (*Въ-сторону*). Если онъ станетъ подозрѣвать.... бѣда!

МАРКИЗЪ (*на ухо Морису*). Я это понимаю; женатый невсегда радъ встрѣчѣ.... (*Отходитъ*).

МОРИСЪ (*въ-сторону*). А, какая мысль! (*Тихо Амаліи*). Будь покойна милая Флорентина....

АМАЛІЯ (*въ-сторону*). Флорентина!

МОРИСЪ (*усаживая Амалію*). Эта ложъ спасетъ насъ обоихъ.... (*Громко*). Итакъ господа.... да, я пріѣхалъ сюда разсѣяться....

провести ночь въ маскарадѣ; не думаю, чтобы вы нашли тутъ что нибудь предосудительное, если я проводилъ сюда свою жену?

ВСѢ (*съ удивленіемъ*). Свою жену?

АМАЛІЯ (*въ-сторону*). Что онъ говоритъ?

МОРИСЪ. Да, свою жену, которую здѣсь оставилъ на минуту, и которую не думалъ застать цѣлію вашихъ преслѣдованій.

МАРКИЗЪ (*живо*). Чего однакожъ мы на себя не принимаемъ.

СОСТЕНЪ (*съ ироніей*). Разумѣется. Я такъ былъ далекъ отъ мысли, что моя кузина.... (*Тихо Маркизу*). Это не она, даю голову на отсѣченіе....

МАРКИЗЪ (*тихо*). Чортъ возьми, мы это увидимъ.

МОРИСЪ (*тихо*). Разумѣется, они насъ теперь оставятъ.

МАРКИЗЪ (*тихо*). Г-нъ Дюрозель, такъ какъ случай доставляетъ намъ эту пріятную встрѣчу, то я надѣюсь, что вы и ваша супруга не откажетесь сдѣлать намъ честь отужинать теперь съ нами.

СОСТЕНЪ (*въ-сторону, съ радостію*). Браво, браво! вотъ попался то!

МОРИСЪ (*въ сторону*). Только этого не доставало! (*Маркизу*). Конечно, г-нъ Маркизъ, я очень благодаренъ вамъ за это лестное предложеніе... но... не скрываюсь отъ васъ... другая цѣль...

АМАЛІЯ (*въ-сторону*). Да.... да.... любовное свиданіе....

МАРКИЗЪ (*наклонясь къ Амаліи*). Смѣю вѣрить, что сударыня будетъ болѣе снисходительна?

АМАЛІЯ (*въ-сторону*). Что теперь дѣлать?

МАРКИЗЪ. Что-же?

АМАЛІЯ (*вставая*). Нечего дѣлать, мы принимаемъ ваше приглашеніе.

МОРИСЪ (*изумленный*). Что?...

ВСѢ (*удивленные*). Она принимаетъ.

АМАЛІЯ (*въ-сторону*). Какъ быть! Я ужъ согласилась.

МОРИСЪ (*тихо Амаліи*). Но о чемъ вы думаете, сударыня?... Вы губите меня и себя....

СОСТЕНЪ (*тихо Маркизу*). Посмотрите на его мину. Онъ какъ на иголкахъ.

МАРКИЗЪ (*въ-сторону*). Въ-самомъ-дѣлѣ, странно, надобно, чтобъ я удостовѣрился....

БАТИСТЪ (*входя съ двумя бокалами*). Ваша дама въ 8-мъ-съ, сударь.

МОРИСЪ (*удивленный*). Что такое? Что? Какая дама?

БАТИСТЪ (*тихо*). Да та-съ, которую вы ожидали.... Она тамъ-съ... ожидаетъ.... (*Уходитъ*).

МОРИСЪ (*смотря съ изумленіемъ на Амалію, говоритъ въ-сторону*). Какъ?... Такъ эта кто же? Кто жъ она?

СОСТЕНЪ (*услыхавъ слова Батиста, въ сторону*). А? ожидаетъ... другая!... Это значитъ двѣ соперницы.... Что, еслибъ я этимъ воспользовался....

МАРКИЗЪ. Г-нъ Дюрозель, вы идете съ нами?

МОРИСЪ (*въ большомъ затрудненіи*). Да, да.... сейчасъ.... я.... я вашъ.... только сперва я бы хотѣлъ.... мнѣ бы хотѣлось.... сказать два слова этой да.... моей женѣ....

МАРКИЗЪ (*Морису*). Итакъ мы васъ ждемъ. Пойдемте господа! (*Уходятъ въ дверь прямо, но Состенъ проскользаетъ въ дверь на-право, въ 8-й нумеръ*).

СОСТЕНЪ (*въ-сторону*). Закладъ выигранъ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

МОРИСЪ И АМАЛІЯ.

МОРИСЪ (*запирая на ключъ заднюю дверь, не видѣлъ, куда вошелъ Состенъ*). Наконецъ, они ушли.... уфъ!!.. Слава Богу! (*Увидѣвъ Амалію сидящую и смѣющуюся*). Сударыня! Это ужасно!.. Это непростительно, такъ не ведутъ себя....

АМАЛІЯ (*перемѣнивъ голосъ*). Что вы хотите этимъ сказать? За что этотъ гнѣвъ?

МОРИСЪ. Какъ? Вы развѣ этого не знаете?.... Вы овладѣваете моею рукою, вы принимаете Богъ знаетъ какое приглашеніе.... вы меня ставите въ самое ужасное положеніе, въ ту самую минуту, когда я же еще стараюсь вамъ покровительствовать!... Съ какою же все это цѣлію? Съ какимъ намѣреніемъ? Даже и теперь, когда мы совершенно одни, зачѣмъ вы скрываетесь, зачѣмъ измѣняете вашъ голосъ? Да, скажите, зачѣмъ все это?

АМАЛІЯ. Чтобъ не быть узнанной вами.

МОРИСЪ. А я, напротивъ, сударыня, очень желаю узнать, кто вы.... потому что наконецъ....

АМАЛІЯ. Кто я? Хорошо сударь.... если вы этого требуете, я могу вамъ это сказать.... я жена одного изъ вашихъ товарищей....

МОРИСЪ. Адвоката?

АМАЛІЯ. Который здѣсь даже теперь, въ эту минуту.

МОРИСЪ (*въ-сторону*). Это Люсне!

АМАЛІЯ. Мужа, который всегда мнѣ измѣняетъ, обманываетъ.

МОРИСЪ *(въ-сторону)*. А я еще сомнѣвался....

АМАЛІЯ. Для женщины, которая сама ему невѣрна.... сама его безпрестанно обманываетъ, и для нее то онъ вноситъ раздоръ въ свое семейство, заставляетъ меня, просто, умирать съ горя...

МОРИСЪ *(съ убѣжденіемъ)*. На васъ ссылаюсь, что это подло!

АМАЛІЯ. И совсѣмъ тѣмъ, должна я вамъ сказать, что эта женщина и старше, и некрасивѣе меня.

МОРИСЪ *(въ-сторону)*. Я такъ и думаю.... Г-жа Люсне, просто, очаровательна.

АМАЛІЯ. И потому въ моемъ горѣ, мной овладѣло одно желаніе: наказать невѣрнаго.

МОРИСЪ. И вы совершенно правы.

АМАЛІЯ. Да, я хочу отмстить ему.... отмстить ему цѣною, чего бы то ни было.... (*Вставая*). И это на васъ, сударь, на васъ одного я хотѣла бы возложить заботу о моемъ мщеніи.

МОРИСЪ (*съ радостію*). На меня?

АМАЛІЯ. Но я легко отступлюсь отъ этого.... если другія заботы, какъ мнѣ теперь кажется.... остановятъ васъ здѣсь....

МОРИСЪ. Меня? Можете ли вы думать, чтобы я колебался хоть одну минуту, сударыня? Располагайте мною совершенно, я вашъ защитникъ, вашъ кавалеръ, вашъ мститель....

АМАЛІЯ (*въ-сторону, съ гнѣвомъ*). Измѣнникъ!

МОРИСЪ (*взявъ шляпу*). Куда прикажите васъ провести?

АМАЛІЯ. Куда вамъ угодно.... къ вамъ!

МОРИСЪ (*съ удивленіемъ*). Какъ, ко мнѣ?... (*Въ-сторону*) А жена то?....

АМАЛІЯ. Такъ ѣдемъ же, ѣдемъ поскорѣй....

(*Она его увлекаетъ, въ это время входитъ маркизъ съ письмомъ въ рукахъ*).

ЯВЛЕНІЕ XV.

ТѢ-ЖЕ И МАРКИЗЪ.

МАРКИЗЪ (*холодно*). Позвольте, сударь.

МОРИСЪ (*въ-сторону*). Ахъ, дьяволъ! (*Ему*). Извините меня,

маркизъ, мы сейчасъ должны ѣхать домой; мнѣ очень жаль, что не могу исполнить мое обѣщаніе, но жена моя....

маркизъ (*холодно*). А! ваша жена! Прочитайте, сударь, это письмо, которое я сейчасъ получилъ.... (*Подаетъ письмо*).

морисъ. Что это?... Безъимянное письмо.... мое имя.... (*Въ-сторону*). Онъ все знаетъ!

маркизъ. Подлость, отъ кого бы она не была, отъ низкаго ли лакея, или.... отъ дерзкаго любовника, мнѣ все-равно.... она требуетъ наказанія.

морисъ. Государь мой!

маркизъ. У васъ было назначено здѣсь свиданіе, въ эту ночь.... съ дамой.... съ дамой, которая сейчасъ передъ нами трепетала, трусила.... она передо мной!

морисъ. Милостивый государь! васъ обманули, повѣрьте мнѣ, эта дама вовсе не та, про которую вамъ сказали.

маркизъ. Эта дама.... моя любовница!

амалія (*въ-сторону*). О, Небо!

маркизъ. И доказательствомъ этого служитъ то, что она досихъ-поръ въ маскѣ; но она ее сниметъ, непремѣнно сниметъ.... я этого требую!

морисъ (*живо*). А я ей это запрещаю!

маркизъ. Такъ это значитъ, съ вами я буду теперь имѣть дѣло.

морисъ. Я къ вашимъ услугамъ, милостивый государь.

маркизъ. Хорошо же. Быть такъ! (*Люсне входитъ*). А вотъ кстати и Люсне, онъ будетъ нашимъ секундантомъ.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ТѢ ЖЕ И ЛЮСНЕ.

люсне (*удивленный, слыша послѣднія слова маркиза*). Я? Секундантомъ?... Нѣтъ, маркизъ, я не охотникъ играть эту роль въ дѣлахъ, лично до меня касающихся. Я теперь, кажется, навѣрно узналъ, что это за дама, которую г нъ Дюрозель изволилъ намъ выдавать за свою жену.

морисъ (*въ-сторону*). Вотъ бѣда-то.

маркизъ. Кто же она повашему?

люсне. Это.... моя жена!

МАРКИЗЪ. Не правда.... это Флорентина!

ЛЮСНЕ. Это моя жена, говорю я вамъ, это г-жа Люсне, которой теперь нѣтъ дома, я въ томъ увѣренъ.... я сейчасъ оттуда.... мнѣ сказали, что она уѣхала въ маскарадъ, и это ея домино; можно ли тутъ еще сомнѣваться?

МАРКИЗЪ. Я знаю тоже навѣрное.

МОРИСЪ. Господа, я вамъ повторяю, что сказалъ прежде; я говорю, что....

МАРКИЗЪ
ЛЮСНЕ } (*съ ироніею*). Что это ваша жена?

МОРИСЪ. Да, что это моя жена! И когда я свидѣтельствую, мнѣ должно вѣрить....

МАРКИЗЪ. Хорошо же.... какъ вы настаиваете въ подобномъ обманѣ....

МОРИСЪ. Въ обманѣ?

МАРКИЗЪ. Я отъ этого не отопрусь!

ЛЮСНЕ. И я тоже!

МАРКИЗЪ. Я не беру назадъ своего слова, и эта дама непремѣнно сниметъ свою маску, или.... мы возобновляемъ разговоръ, прерванный приходомъ виконта.

ЛЮСНЕ. За тѣмъ только исключеніемъ, что этотъ разговоръ я беру себѣ.... на мой счетъ.

МАРКИЗЪ. Нѣтъ, нѣтъ.... Я тоже не отступлюсь отъ своихъ правъ.... и г-нъ Дюрозель долженъ выбрать себѣ противника.... одного изъ двухъ.... выбирайте же сударь!... Котораго?

МОРИСЪ (*потерявъ терпѣніе*). Обоихъ!... если вамъ угодно.

ЛЮСНЕ (*отводя маркиза къ окошку*). Хорошо же.... Теперь скоро разсвѣтетъ, и по выходѣ отсюда....

(*Продолжаютъ тихо разговаривать*).

МОРИСЪ (*въ сторону*). Боже мой! Двѣ дуели.... и за интригу женщины, женщины, которую я почти не знаю, жены товарища.... Завтра это узнаютъ на биржѣ, весь Парижъ.... и Амалія.... Воображаю ея горе.... Узнаетъ королевскій прокуроръ....

МАРКИЗЪ. Ужъ не струсилъ ли г-нъ ходатай по дѣламъ?

МОРИСЪ. Я? струсилъ? Гмъ! (*Въ-сторону*). Будетъ что будетъ! (*Громко*) Господа! я совершенно къ вашимъ услугамъ. (*Переходитъ на-право и говоритъ въ-сторону, съ бѣшенствомъ*) Во что я запутался, а!.... О еслибъ я цѣною всей моей крови могъ выйти безъ шуму изъ этого омута.... я бы могъ поручиться, что уже впередъ въ него бы не попался!

(*Въ это время Амалія проходитъ между Люсне и Маркизомъ*).

ЛЮСНЕ. (*Амаліи*). Это еще такъ не кончится, сударыня!.... (*Амалія, снимая на минуту маску, смотритъ на него*). Что я вижу?

МАРКИЗЪ (*Амаліи*). Нѣтъ, нѣтъ, вѣроломная, нѣтъ! (*Амалія оборачивается къ нему*). Боже!

ЛЮСНЕ (*смягчивъ тонъ*). Но, сударыня....

АМАЛІЯ (*надѣвъ свою маску*). Такъ молчите же, и прошу васъ покорнѣйше уѣхать.

(*Она уходитъ на-лѣво, Маркизъ и Люсне ей кланяются и оборачиваются къ Морису, который подходитъ къ нимъ*).

МОРИСЪ. Господа! я готовъ; когда же вамъ будетъ угодно?

МАРКИЗЪ. Государь мой, я, право....

ЛЮСНЕ. Мы еще не такъ виноваты....

МАРКИЗЪ. Когда ошиблись....

ЛЮСНЕ. И признаться....

МАРКИЗЪ. Обязанность учтиваго человѣка ...

ЛЮСНЕ. Я вашъ прошу, сударь, принять мои извиненія....

МАРКИЗЪ. И мои тоже....

МОРИСЪ (*удивленный*). Возможно ли?

ЛЮСНЕ. Мы надѣемся, что это дѣло останется между нами....

МАРКИЗЪ. Мы просимъ васъ предать все забвенію....

МОРИСЪ. Но господа..... благоволите же мнѣ сказать, кто обратилъ васъ къ разуму.... и главное къ истинѣ?...

МАРКИЗЪ
ЛЮСНЕ } (*показывая на Амалію*). Вотъ кто!

МОРИСЪ (*въ-сторону*). Что все это значитъ? Я ровно ничего не понимаю.

(*Люсне и Маркизъ хотятъ уйти, раскланиваясь съ Амаліею. Входитъ Состенъ изъ 8-го нумера, съ салфеткою въ рукахъ. Маркизъ его замѣчаетъ и возвращается*).

ЯВЛЕНІЕ XVII.

ТѢ ЖЕ СОСТЕНЪ.

СОСТЕНЪ (*тихо Морису*). Я все устроилъ.... Я ужъ тамъ....

МОРИСЪ. Тамъ?

СОСТЕНЪ. Она восхитительна! Я ее провожу до дому, послѣ ужина.

МАРКИЗЪ (*подходя къ Состену*). Вы ужинаете?

СОСТЕНЪ. Вы проиграли почтеннѣйшій!

(Состенъ входитъ въ 8-й нумеръ. Пока онъ отворяетъ и затворяетъ дверь. Маркизъ успѣваетъ туда заглянуть и дѣлаетъ знаки сильнаго удивленія).

МАРКИЗЪ. (*Въ-сторону*). Флорентина!... А! мы еще увидимся....

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

МОРИСЪ И АМАЛІЯ.

АМАЛІЯ. Они ушли.... Итакъ, сударь, какъ вы видите я только одна избавила васъ отъ вашего, кажется, слишкомъ непріятнаго положенія.... Теперь вы спокойны.... неправда ли? Такъ ѣдемъ же, ѣдемъ поскорѣй....

МОРИСЪ. Какъ? Уѣхать? намъ вмѣстѣ?... Нѣтъ, нѣтъ, сударыня.... И теперь, въ эту минуту, когда само небо какимъ то чудомъ спасаетъ меня отъ опасностей.... я даю слово, что больше имъ не подвергнусь. Я объявляю теперь однажды навсегда вамъ, кто бъ вы ни были.... что я....

АМАЛІЯ (*съ радостнымъ жестомъ*). Какъ? Вы бы могли....

МОРИСЪ. Да, сударыня. Не обращая вниманія на мнѣніе, которое бы вы могли имѣть теперь обо мнѣ.... объ моей невѣжливости.... я ѣду какъ можно скорѣе домой....

АМАЛІЯ. Нѣтъ, сударь, нѣтъ, я васъ не оставлю....

МОРИСЪ. Но я вамъ повторяю, сударыня, что я хочу вернуться домой....

АМАЛІЯ. Что жъ изъ этого?... Мы вернемся вмѣстѣ....

МОРИСЪ. Но подумайте, сударыня, что вѣдь я человѣкъ женатый.... я, конечно, не похожъ на мужа.... я съ этимъ согласенъ... но тѣмъ не менѣе, это истина.... у меня есть жена, жена очаровательная....

АМАЛІЯ (*съ иронією*). Быть не можетъ? Что вы?

МОРИСЪ. Жена, которую я люблю.... обожаю....

АМАЛІЯ. Вы?

МОРИСЪ. Конечно, я былъ виноватъ передъ ней.... но мое дѣло все загладить.... О! еслибъ она узнала всю правду....

АМАЛІЯ. Она ее узнаетъ, потому что я ей это скажу....

МОРИСЪ. Но вѣдь вы не злой геній, сударыня.... Именемъ неба умоляю васъ.... чтобъ она ничего не знала.

АМАЛІЯ. Она будетъ все знать.

МОРИСЪ. Но я васъ заклинаю.... ради Бога.... заклинаю на колѣняхъ.... (*Становится на кольни*).

АМАЛІЯ. Она будетъ все знать, говорю я вамъ, и.... она все уже знаетъ. (*Снимая маску*).

МОРИСЪ (*въ смущеніи*). Амалія!... ты.... моя жена....

(*Хочетъ встать*).

АМАЛІЯ (*удерживая его*). Останьтесь, сударь, останьтесь!... здѣсь ваше мѣсто!... Да! вы виноваты.... очень виноваты.

МОРИСЪ (*нѣжно*). Да, мой другъ.... да, мой другъ.... виноватъ много, мой другъ....

АМАЛІЯ. (*Смотря на него съ усмѣшкою*). Я, конечно, знаю, что бываютъ обстоятельства.... но все на свѣтѣ къ лучшему.... вы теперь сами мнѣ сказали и доказали на дѣлѣ, что.... меня любите.... это васъ извиняетъ....

МОРИСЪ (*живо*). Во всемъ?

АМАЛІЯ. Много кое въ чемъ....

МОРИСЪ (*вставая*). Да, мой другъ.... моя милая жена....

АМАЛІЯ. Да, да.... твоя жена, которая спасла твое доброе имя... спасла тебя самаго отъ стыда, позора, можетъ-быть, даже отъ смерти.... Я даже теперь невольно дрожу отъ всѣхъ непріятныхъ послѣдствій, которыя могли бы случиться.

МОРИСЪ. И я теперь умоляю тебя о прощеніи; не наказываютъ же тѣхъ, которыхъ только что спасли. Съ своей же стороны, я клянусь тебѣ, что съ этой минуты ни одна мысль объ измѣнѣ не нарушитъ твоего спокойствія. О! я чувствую, что эта мучительная ночь ручается намъ за блаженство слѣдующихъ дней!...

ЯВЛЕНІЕ IX.

МОРИСЪ, АМАЛІЯ И БАРТОЛИНИ.

БАРТОЛИНИ (*выходя изъ лѣвой комнаты и не видя Агнесы*). Морисъ! ты пропалъ!

МОРИСЪ. Я!... Какъ это?

БАРТОЛИНИ. Я нашелъ фіакръ уже у Св. Магдалины и только что туда посадилъ твою жену....

МОРИСЪ (*удивленный*). Мою жену?...

БАРТОЛИНИ. Которая была въ этой комнатѣ.... Я нарочно заѣхалъ.... предупредить тебя.... она все знаетъ.

АМАЛІЯ (*подходитъ*). И она все прощаетъ.

БАРТОЛИНИ (*пораженный*). Вы здѣсь?... значитъ, какъ я входилъ съ одной стороны фіакръ, вы выходили изъ него съ другой....

АМАЛІЯ (*въ-сторону*). Онъ не узналъ своей жены!

БАРТОЛИНИ. И это голубое домино.... Ваше было черное.... Такъ кого же я отвезъ въ фіакрѣ?

АМАЛІЯ (*живо*). Одну мою подругу.... которую я не могу теперь назвать.... съ которой я помѣнялась костюмами....

МОРИСЪ. Одну подругу?

БАРТОЛИНИ. Вѣрно замужнюю женщину, которая хотѣла тайкомъ позабавиться....

АМАЛІЯ. И которая за то очень наказана.

БАРТОЛИНИ. Несчастная! Ну ужъ еслибъ я былъ ее мужемъ.... я умеръ бы съ горя.. (*Отходитъ*).

МОРИСЪ. (*Амаліи*). Эта женщина..... Ктобъ она могла быть?....

АМАЛІЯ (*тихо ему*). Это Агнеса! Она спасена!

БАРТОЛИНИ. Итакъ, друзья мои! мы всѣ довольны.... Отправимся же по своимъ мѣстамъ. Я васъ провожу до кареты и поспѣшу въ свою больницу.

МОРИСЪ (*беря нѣжно Амалію за руку*). А я никогда не разстанусь съ моей женой.

БАРТОЛИНИ. Идутъ.... подними поскорѣй воротникъ и поѣдемъ...

МОРИСЪ. Теперь не зачѣмъ!....

АМАЛІЯ (*Морису*). Я тебѣ говорила, что ты меня проводишь!...

(*Она надѣваетъ маску, и съ Морисомъ и Бартолини уходятъ. Маркизъ и Монжеронъ, входя имъ кланяются. Маркизъ стучитъ въ дверь* No 8-й, *оттуда показывается Состенъ съ бокаломъ шампанскаго*).

МАРКИЗЪ. Милостивый государь! карета моя къ вашимъ услугамъ!

СОСТЕНЪ (*отскакивая въ испугѣ*). Ахъ!!!..

(*Занавѣсъ опускается*).

Была пора, друзья коварные,
Я вамъ объятья раскрывалъ;
И васъ, друзья неблагодарные —
Къ груди съ слезами прижималъ.
Но васъ узналъ теперь я, бѣдные,
Открылъ всѣ ваши тайники,
И ваши души, души блѣдныя,
И чувствъ безцвѣтныхъ родники.
Прочтя причины, побужденія,
Всѣхъ вашихъ гибельныхъ страстей,
Умѣю дать вамъ наслажденія
И возбудить въ васъ злобу змѣй.
Умѣю вамъ, пигмеи, нравиться,
Пріобрѣсти отъ васъ любовь,
Предъ вами знаю чѣмъ прославиться,
Или купить всю вашу кровь.
Но этой тайны не повѣдаю
Я вамъ, притворные друзья,
Она умретъ. Я только вѣдаю,
Какъ долженъ жить межъ вами я.
Теперь я душу уже твердую,
Стѣной гранитной огражу,
Участье, дружбу непритворную
Насмѣшкой злобной отражу.
Лицо мое отъ выраженія
Душевныхъ чувствъ я отучу
Изображать лишь къ вамъ презрѣніе,
Друзья былые, научу.
А вамъ на зло, я въ души блѣдныя
Всегда, всегда буду взирать,
Чтобъ подстеречь въ васъ чувства бѣдныя,
И ихъ предъ вами жъ осмѣять.

П. К.

ЧЕРКЕШЕНКА.

(Окончаніе).

I.

ТРАКТИРЪ.

Въ половинѣ сентября 1719 года, т. е., три года спустя послѣ описанныхъ нами въ первой части нашего разсказа происшествій, въ красивой деревнѣ *Сенъ-Жанъ дю-Дуа*, расположенной на морскомъ берегу, въ нѣсколькихъ льё отъ городка Морле, было замѣтно необыкновенное движеніе. Стеченіе народа, привлекаемое цѣлительностію водъ, было на этотъ разъ многочисленнѣе обыкновеннаго, по случаю одной изъ четырехъ годовыхъ ярмарокъ въ Ланмерѣ, многолюдномъ мѣстечкѣ, сдѣлавшемся главнымъ мѣстомъ околотка.

Упомянутый нами цѣлительный источникъ почитается подъ покровительствомъ святаго, именемъ котораго называется деревня, и бретонскіе крестьяне, суевѣрные и корыстолюбивые, только тогда стекаются къ нему для излеченія болѣзней своихъ, когда, съ желаніемъ излечиться, можетъ соединиться надежда на барышъ. Впрочемъ, не одну только чернь привлекалъ въ Сенъ-Жанъ дю-Дуа минеральный источникъ, славный своими цѣлебными свойствами; тамъ, рядомъ съ курткою изъ грубаго сукна, принадлежащаго туземному крестьянину, блисталъ испещренный золотомъ кафтанъ дворянина; рядомъ съ бѣлою, короткою юбкою и распашнымъ корсетомъ крестьянки, виднѣлись темные плащи богатыхъ богомолокъ, скрывавшихъ подъ ними шолковыя платья и кружева свои.

Г. Плоэноанъ, владѣлецъ единственнаго въ цѣломъ околоткѣ трактира, не могъ нарадоваться многолюдству стеченія. Всѣ комнаты трактира были заняты, многіе изъ путешественниковъ принуждены были расположиться на чистомъ воздухѣ; впрочемъ положеніе послѣднихъ было выгоднѣйшее, ибо, кромѣ того, что они были избавлены отъ духоты низенькихъ и тѣсныхъ комнатъ, живописные виды открывались глазамъ ихъ. Передъ ними разстилались виноградники, окруженные сплошными стѣнами цвѣтущихъ кустарниковъ; виднѣлось море, волны котораго, стѣсненныя двумя горами, съ тихимъ ропотомъ плескались о берега; далѣе церковь, легкой и смѣлой архитектуры, воздымала къ небу крытую свинцемъ колокольню свою, и блистали на солнцѣ окны длиннаго краснваго зданія, построеннаго по повелѣнію королевы Анны, для богомольцевъ — путешественниковъ.

Тѣ изъ гостей г. Плоэноана, которые расположились на чистомъ воздухѣ, были Бретонцы, но принадлежали къ разнымъ типамъ общества. Лапмерскій земледѣлецъ въ зеленомъ костюмѣ своемъ, обшитомъ красною тесьмою, сидѣлъ за однимъ столомъ съ торговцемъ холстами изъ Морле и часовщикомъ изъ Пемполя; немного далѣе сидѣло нѣсколько солдатъ въ красивыхъ мундирахъ, и за столомъ ихъ видно было пустое мѣсто, которое они, повидимому, предназначали почетному гостю.

— Опять война съ Испаніей! сказалъ торговецъ холстами. — Да, смерть воинственнаго и честолюбиваго короля нашего Людовика немного принесла намъ пользы; на мѣстѣ его сидитъ теперь сорокалѣтній безумецъ, который во всемъ старается подражать ему. — Только государство-то бѣднѣе, нежели въ предыдущее царствованіе, и не въ состояніи уже поддерживать роскошь двора; да и наврядъ ли удастся Регенту сыскать другаго маршала Виллара, который могъ бы спасти Францію отъ грозящей ей гибели.

— Его высочество Регентъ правъ, прервалъ часовщикъ изъ Пемполя: Испанія измѣнила намъ. Я читалъ въ одной изъ прошлогоднихъ газетъ, привезенной на-дняхъ къ намъ въ Пемполь, что князь Селламарё, посланникъ испанскій, составилъ противу государства нашего заговоръ.

— Не противу государства, кумъ, а противъ Регента, а Регентъ-то нашъ вѣдь самъ, по собственному произволу, овладѣлъ правительственною властію; извѣстно всѣмъ, что въ завѣщаніи покойнаго Людовика XIV ничего объ этомъ не сказано.

— Что-жъ? по вашему надо было оставить власть побочнымъ

дѣтямъ или королю испанскому, который бьетъ теперь войска наши, желая доказать, что онъ былъ бы лучшимъ правителемъ, нежели нашъ Регентъ?

— Но король испанскій, дядя нашего короля, имѣетъ такія же права, какъ и Филиппъ Орлеанскій.

— Но вѣдь король испанскій сталъ намъ теперь чужимъ.... понимаете ли вы это, кумъ?... Если вы дѣлаете часы также искусно, какъ толкуете о политикѣ, то часы ваши ни къ чорту не годятся.

— Если полотна ваши выдѣлываются также, какъ и сужденія, то я жалѣю о вашихъ покупателяхъ, любезный Кервекъ.

— Та... та... та... прервалъ ланмерскій земледѣлецъ, который до сихъ поръ флегматически прихлебывалъ изъ своего стакана... ты, кумъ, не сердись на кума Кервека; съ тѣхъ поръ, какъ началась война съ Испаніей, его полотна не-йдутъ съ рукъ, и потому да проститъ ему Господь досаду на Регента.

— Такъ вотъ на какихъ основаніяхъ судятъ въ Морле о правительствѣ! сказалъ, смѣясь, часовщикъ: нѣтъ, у насъ въ Пемполѣ не такъ злопамятны.

— Конечно, перебилъ съ хитрымъ видомъ земледѣлецъ : отъ того то у васъ такъ здраво и судятъ обо всемъ. Вотъ вы, напримѣръ, любезный Жанъ, я самъ видѣлъ, проѣзжая чрезъ Пемполь, какъ цѣлая толпа матросовъ покупала въ лавкѣ вашей часы, на деньги, вырученныя за часть добычи, отнятой у Испанцевъ. Я согласенъ, любезный Жанъ, что дѣло это должно представляться вамъ совершенно въ другомъ свѣтѣ.

На этотъ разъ торговецъ полотнами началъ, въ свою очередь, подсмѣиваться надъ кумомъ, и не желая уступить, заговорилъ было снова о Филиппѣ Орлеанскомъ, но при имени Регента вмѣшалось въ разговоръ новое лицо, прервавшее краснорѣчивую филиппику фабриканта.

Это новое лицо былъ молодой, статный унтеръ-офицеръ, гордо закручивавшій усы свои.

— Кто смѣетъ говорить здѣсь противъ Регента? сказалъ онъ. Регентъ спасъ Францію, онъ мудро управляетъ государствомъ, и тотъ, кто осмѣлится сказать противное, будетъ имѣть дѣло со мной, котораго сегодня еще произвели въ сержанты пограничной стражи.

И проговоривъ эти слова, онъ съ самодовольнымъ видомъ поглаживалъ свои новые серебряные галуны, одушевлявшіе его преданностію къ Регенту.

— А! это вы, Ивонъ, сказалъ лаймерскій земледѣлецъ.

— Я теперь сержантъ, замѣтилъ Ивонъ

— Я давно уже не встрѣчалъ васъ въ Лаймерѣ, сержантъ, продолжалъ земледѣлецъ: а прежде я васъ частенько видывалъ, когда вы хаживали къ рыбаку Пьерру, поселившемуся у насъ съ дочкой своей Мартой, которую вы, кажется, не ненавидите.

При имени Марты, легкая краска пробѣжала по лицу молодаго сержанта, доказывая, что его затронули за чувствительную струну.

— Я не хожу болѣе къ Пьерру.... что́ касается его дочери.... то я согласенъ, что она прекрасна.... но она такая скучная, все плачетъ!... Это мнѣ не нравится.

— Странно! продолжалъ неумолимый земледѣлецъ: а мнѣ говорили, что вы безъ памяти влюблены въ Марту, что вы даже хотѣли на ней жениться, но что отецъ ея отказалъ вамъ.

— Нѣтъ, онъ мнѣ не отказалъ, этого нельзя сказать, отвѣчалъ смущенный Ивонъ: впрочемъ, я побываю еще у Пьерра, но на этотъ разъ явлюсь къ нему уже не одинъ, а съ моими подчиненными, потому что я теперь сержантъ, и притомъ явлюсь во имя закона. Онъ говоритъ, что прибылъ изъ Марсели, гдѣ много рыбаковъ и потому этотъ промыселъ невыгоденъ, а у насъ поселился въ двухъ льё отъ морскаго берега. Мнѣ кажется, что онъ самъ покупаетъ рыбу, которую продаетъ жителямъ, и все это очень подозрительно, тѣмъ болѣе, что мнѣ показалось однажды, будто бы изъ рукава куртки его выбивались кружевныя манжеты.

— Кружевныя манжеты? Въ самомъ дѣлѣ это странно, и подобное украшеніе не йдетъ къ рыбачьей курткѣ.

— Кромѣ того, я часто встрѣчалъ въ избѣ его дворянъ, и никто не разувѣритъ меня въ томъ, что онъ не занимается контрабандой, подобно г-ну Дюге де-Понкале, котораго я у него очень часто видывалъ.

— Тише, прервалъ крестьянинъ, дергая Ивона за шитый рукавъ: развѣ вы не видите, что тотъ, о которомъ вы говорите, сидитъ рядомъ съ нами?

Въ самомъ дѣлѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ разговаривающихъ, сѣлъ за столомъ человѣкъ довольно странной наружности. По гигантскому сложенію, по мохнатымъ и жилистымъ рукамъ, по глиняной трубкѣ, торчавшей въ зубахъ, по грубой безпечности, съ которою онъ развалился на лавкѣ, довольно трудно было бы повѣрить его дворянскому происхожденію, еслибы неизвѣстно

было всѣмъ, что въ описываемое нами время, потомки Дюгескленя и Клиссона отличались отъ смердовъ однимъ только правомъ кричать и буйствовать въ провинціальныхъ собраніяхъ. Праздные, почти нищіе, чуждые всякаго образованія, бретонскіе дворяне замѣнили феодальныя войны раздорами съ фискомъ. Чтобы еще болѣе походить на грубыхъ вассаловъ своихъ, Дюге де-Понкале надѣлъ въ этотъ день простую куртку и соломенную шляпу, на которой навязана была черная лента.

— Неужели вы забыли, прибавилъ шопотомъ крестьянинъ, что недалеко отъ его замка нашли тѣло зарѣзаннаго солянаго пристава?

— Помню, отвѣчалъ Ивонъ; но къ несчастію, по недостатку уликъ, не удалось остановить этого господчика.... впрочемъ, я надѣюсь, что мнѣ удастся еще проучить его.

Послѣ этихъ словъ, произнесенныхъ въ полголоса, потому что страшный видъ дворянина невольно пугалъ его, Ивонъ ударилъ кулакомъ по столу и кликнулъ трактирщика.

— Я хочу позабыть всѣ печали свои, сказалъ онъ со вздохомъ, обличавшимъ въ немъ остатки не совсѣмъ еще подавленнаго чувства: я хочу вспрыснуть сержантскіе галуны мои, и угощу всѣхъ васъ хорошимъ виномъ, если только въ этой деревушкѣ водится что-нибудь, кромѣ ея цѣлебной воды.

Это предположеніе, относившееся болѣе къ солдатамъ, вызвало громкія восклицанія радости. Скоро явился хозяинъ трактира, Плоэноанъ, и всѣ съ удивленіемъ замѣтили, что его одежда была совершенно одинакова съ одеждою Понкале.

— Что это значитъ Плоэноанъ? спросилъ Ивонъ, смѣясь и указывая на Понкале. Ужъ не записались ли вы въ дворяне, или не записался ли г-нъ Понкале въ сословіе трактирщиковъ.

— Это лѣтняя одежда, пробормоталъ Плоэноанъ.

— Лѣтняя одежда? Но мнѣ кажется, что теперь совсѣмъ нетакъ жарко. Впрочемъ, мнѣ до этого нѣтъ дѣла; подайте-ка сюда вина, офицерскаго вина, прибавилъ Ивонъ поглаживая свои галуны.

Плоэноанъ ушелъ, и черезъ нѣсколько времени возвратился, неся нѣсколько бутылокъ, которыя онъ поставилъ на столъ. Ивонъ налилъ стаканъ, попробовалъ вино, и потомъ выплеснулъ его съ отвращеніемъ.

— Что же это, чортъ возьми, за вино, любезный Плоэноанъ? Мнѣ кажется, что, по недостатку ключевой воды, вы разбавляете

вино морскою; вѣдь я не капралъ, чтобы мнѣ подавать такой дряни.

— У меня нѣтъ лучшаго, возразилъ Плоэноанъ: сегодня набралось сюда столько порядочныхъ людей, что въ погребѣ моемъ не осталось ни одной бутылки.

— Такъ стало-быть, вы желаете, чтобы у насъ пересохли глотки?

— Плоэноанъ обманываетъ насъ, вскричалъ одинъ изъ солдатъ: я ночевалъ въ трактирѣ, и сегодня утромъ видѣлъ въ окно, какъ большая лодка пристала къ берегу, и какъ изъ нея вынули огромную корзину вина, которое, вѣрно, не успѣли еще распить; и, такъ какъ Плоэноанъ не упоминаетъ намъ объ этомъ винѣ, то это подтверждаетъ меня въ мнѣніи, что вино это котробанда.

— Котробанда, котробанда! вскричали всѣ въ одинъ голосъ.

— Плоэноанъ, сказалъ Иванъ: я бы долженъ былъ остановить васъ, но на этотъ разъ я оставляю вамъ свободу и конфискую вино. Принесите же его сюда, чортъ возьми, да чуръ не мѣшкать!...

— Да вѣдь вино это не принадлежитъ мнѣ, отвѣчалъ, дрожа отъ страха, Плоэноанъ.... оно принадлежитъ тому итальянскому дворянину, который двѣ недѣли тому назадъ поселился въ моей гостинницѣ и уѣхалъ вчера въ замокъ Роганъ-Полдюкъ.

— Итальянецъ! да вѣдь Италія не далеко отъ Испаніи, и это очень подозрительно, вскричалъ Ивонъ.... Впрочемъ такъ, какъ этого итальянскаго дворянина теперь нѣтъ здѣсь....

— Но, такъ какъ человѣкъ, принесшій это вино, былъ очень недоволенъ, что не засталъ здѣсь Итальянца, то велѣлъ отнести корзинку къ рыбаку Пьерру въ Ланмеръ. Онъ самъ было хотѣлъ отнести вино, но проливной дождь, шедшій утромъ, помѣшалъ ему.

— Къ рыбаку Пьерру, это еще лучше, вскричалъ съ торжествующимъ видомъ Ивонъ.... Теперь у меня есть средство уличить этого стараго плута. Такъ, какъ Пьерръ замѣшанъ въ это дѣло, то нѣтъ сомнѣнія, что это контробанда; остается только только узнать изъ какой она страны. Мы обязаны разсмотрѣть уличающій предметъ, присовокупилъ Ивонъ судейскимъ тономъ, которому онъ успѣлъ научиться въ мѣстномъ судѣ, сопровождая туда подсудимыхъ.

— Но вѣдь.... изволите ли видѣть.... возразилъ трактирщикъ, болѣе и болѣе приходя въ затрудненіе.... Я уже отправилъ вино

къ Пьерру.... да, только что пересталъ дождь, слуга мой Матвѣй понесъ его въ Ланмеръ.

— Да поможетъ ему Св. Мелентій, сказалъ крестьянинъ: потому-что дороги должны быть теперь непроходимы.

— Матвѣй, вѣрно, зналъ, замѣтилъ солдатъ, обличившій хитрость Плоэноана: да, онъ зналъ это, и потому не пошелъ въ Ланмеръ: посмотрите, вонъ онъ, прислуживаетъ за тѣмъ столомъ.

Крики негодованія со всѣхъ сторонъ посыпались на трактирщика.

— Нѣтъ. Плоэноану нельзя вѣрить на слово, вскричалъ Ивонъ: онъ лжетъ столько же, сколько крадетъ. Кернокъ, сказалъ онъ, обращаясь къ солдату обвинителю: ты видѣлъ корзину съ виномъ, ступай отыщи ее во что бы то ни стало.

Ивонъ быстро и ловко оторвалъ связку ключей, висѣвшую на поясѣ трактирщика, и передалъ ее Керноку, который, въ сопровожденіи нѣсколькихъ товарищей, отправился въ трактиръ. Трактирщикъ, полумертвый отъ страха, не могъ двинуться съ мѣста и тщетно посматривалъ на Дюге де-Попкале, ожидая отъ него помощи.

Скоро Кернокъ возвратился, неся торжественно роковую корзину. Замысловатая форма бутылокъ обѣщала невѣдомыя наслажденія глоткамъ бретонской милиціи, и потому всѣ руки, какъ бы по командѣ, протянулись съ стаканами къ сержанту.

— Не торопитесь, это дѣло важное, сказалъ Ивонъ: мы будемъ пить за здравіе короля и за законъ. Я сержантъ, и пототу пью первый. Это вино знакомо мнѣ, сказалъ онъ, прихлебнувъ нѣсколько разъ съ видомъ знатока изъ своего стакана: я пилъ это вино, два года тому назадъ, у Маршала де-Монтескьу, когда отвозилъ ему депеши отъ генерала: это испанское вино.

При этихъ словахъ, Попкале, замѣтившій наконецъ знаки, подаваемые ему Плоэноаномъ и приблизившійся къ мѣсту дѣйствія, вздрогнулъ.

— Испанское вино! сказалъ онъ: такъ я его беру себѣ, потому что смѣшно, чтобы Дюге де-Попкале пилъ простой сидръ, тогда, какъ солдаты увлажаютъ глотки свои испанскимъ виномъ.

И, схвативши корзину, онъ готовился унести ее: но Ивонъ, оскорбленный такимъ поступкомъ, вступился за нее.

— Г-нъ де-Попкале! пробормоталъ онъ, съ видимымъ волненіемъ: я оставлялъ васъ до-сихъ-поръ въ покоѣ, хотя имѣю полное право

посѣтить васъ во имя закона, такъ оставьте же намъ это вино, происхожденіе котораго мы должны изслѣдовать, а не то я принужденъ буду арестовать васъ.

— Арестовать Попкале! вскричалъ колоссъ, поблѣднѣвъ отъ бѣшенства.... нѣтъ, я скорѣе розобью всѣ эти бутыки о головы вашихъ солдатъ, нежели позволю арестовать себя.

И вслѣдъ за этимъ, Попкале принялся исполнять свою угрозу, махая большою корзиною, какъ легкой щепкою. Солдаты отвѣчали на угрозу криками ярости, и готовились уже броситься на дерзкаго противника, когда на сцену дѣйствія появилось новое лицо. Новопришедшій былъ мужчина высокаго роста, худобы гиперболической, одѣтый въ черное, довольно-изношенное платье и, чтобы выразиться употреблявшимся тогда выраженіемъ, похожій *на сорвавшагося съ висѣлицы.* Это новое лицо пробилось сквозь толпу, сбѣжавшуюся посмотрѣть на ссору, и обратилось къ Попкале на довольно ломаномъ французскомъ языкѣ, съ полуитальянскимъ, полуиспанскимъ произношеніемъ.

— Остановитесь! сіятельнѣйшій господинъ: вино это принадлежитъ мнѣ.

— Но, однакожъ....

— Per dio! не мѣшайте мнѣ, прибавилъ онъ въ полголоса: *я тоже вхожу въ лѣсъ.*

— Вы!... Отъ чего же на васъ нѣтъ ни полотняной куртки, ни черной ленты?

— Это хорошо другимъ, а я не желаю такъ скоро попасть въ Бастилію. Что касается до васъ, храбрецы мои, сказалъ онъ, обращаясь къ таможеннымъ солдатамъ: то объявляю вамъ, что я Марино-Марини, графъ Святой Римской Имперіи, и вы не можете оспоривать правъ моихъ.

— Но какимъ же образомъ могли вы получить вино изъ Испаніи? сказалъ Ивонъ: мы въ войнѣ съ этимъ государствомъ, и слѣдовательно, вино это контрабанда.

— Э! нѣтъ; вино это давно уже стояло въ погребахъ одного изъ друзей моихъ, богатаго Сенъ-Бріёкскаго негоціанта, который вздумалъ теперь переслать мнѣ его, не оскорбляя ни въ чемъ таможенныхъ законовъ, уважаемыхъ мною тоже наравнѣ съ таможенною стражею.

И при этомъ римскій графъ учтиво поклонился.

— Но все это не ясно, тѣмъ болѣе, что вы приказали отнести корзину къ рыбаку Пьерру, если васъ не застанутъ здѣсь.

— А! это произошло отъ того, что тотъ, которому поручено

было это вино, зналъ о намѣреніи моемъ отдать его на сохраненіе Пьеру до времени обѣда, который я желалъ дать ланмёрскимъ властямъ и офицерамъ таможенной стражи, прибавилъ онъ, поклонившись съ улыбкою Ивону, который все еще недовѣрчиво и мрачно на него посматривалъ. Но per Bacco, такъ какъ храбрые защитники Франціи хотятъ сдѣлать честь моему вину, то позвольте мнѣ самому наполнить ваши стаканы.

При такомъ миломъ предложеніи, подозрѣнія Ивона изчезли и онъ мысленно заключилъ перемиріе съ Испаніей и Италіей.

Стаканы опорожнивались съ быстротою, но Итальянецъ не уставалъ подливать; однако же, не-смотря на это осталась одна бутылка, которою завладѣлъ Ивонъ.

— Но чемъ-же отличается эта бутылка отъ прочихъ? сказалъ онъ, посматривая на крестъ, которымъ она была отмѣчена? Надо ее откупорить, и мы узнаемъ....

— Остановитесь! вскричалъ, блѣднѣя Итальянецъ, но опомнившись, онъ принялъ опять свой безпечный видъ, говоря, что это очень старая малага, которую надо оставить *на закуску*. Неприлично, прибавилъ онъ, такъ нецеремонно обходиться съ этою почтенною флягою, это было бы почти тоже, что дать преимущество солдату передъ сержантомъ.

Этотъ аргументъ ad hominem совершенно убѣдилъ Ивона, и рѣшено было немедленно допить остальное вино, чтобы поскорѣе добраться до маститой фляги.

Но Итальянецъ не напрасно надѣялся на дѣйствіе *промежуточныхъ* бутылокъ; непривыкшіе къ Испанскому вину солдаты скоро опьянѣли; многіе изъ нихъ свалились подъ столъ, и даже Ивонъ, перепившій всѣхъ прочихъ, не могъ замѣтить, что вмѣсто старой малаги, римскій графъ подливалъ въ стаканъ его самое кислое изъ винъ Плезноана.

— Ай да винце! бормоталъ онъ: это царь вино.... это.... это....

И покуда Ивонъ старался докончить свою фразу, Итальянецъ обратился къ Понкале, съ любопытствомъ слѣдившему за всей этой сценой.

— Diavolo! сказалъ онъ тихо бретонскому дворянину: мы бы погибли, еслибы онъ успѣлъ откупорить эту бутылку, потому что, если не ошибаюсь, она заключаетъ письмо Карла V къ.... рыбаку Пьерру.

— Я собираюся идти къ нему, отвѣчалъ Понкале, съ выразительнымъ взглядомъ.

— И я также, потому что у него назначена общая сходка. Те-

перь ужъ темно и дороги слишкомъ дурны; мы отправимся завтра, съ разсвѣтомъ, прежде нежели эти пьяницы успѣютъ проснуться.

Графъ и бретонскій дворянинъ скрылись. На дворѣ стало темно, и путешественники, пировавшіе на чистомъ воздухѣ, вошли въ трактиръ. Скоро все успокоилось и тишина ночи прерывалась однимъ отдаленнымъ ропотомъ волнъ, да тяжелымъ храпѣніемъ пьяныхъ.

II.

РОМАНЪ ПЬЕРРО.

Перенесемся теперь въ Ланмеръ, большое мѣстечко, которое жители съ гордостію вѣнчаютъ городомъ. Тамъ-то, подобно Лесажеву бѣсу, мы снимемъ крышу съ одного дома, лежавшаго на концѣ мѣстечка, если можно назвать домомъ, полуразвалившуюся хижину, въ которую мы хотимъ ввести нашихъ читателей. Избушка эта, служившая нѣкогда стойломъ для домашнихъ животныхъ жильцовъ, была въ плачевномъ состояніи; полъ ея былъ неровенъ и грязенъ; окно замѣнялось какой-то неуклюжей дырой въ стѣнѣ; а мебель состояла изъ скамьи и двухъ старыхъ, дубовыхъ стульевъ. Въ этой то избушкѣ сидѣли два человѣка: мужчина лѣтъ пятидесяти и молодая дѣвушка; первый курилъ трубку, вторая чинила рыбачью сѣть. Оба они были одѣты въ платьѣ Бретонскихъ поселянъ, но не трудно было бы замѣтить, что одежда эта была принята, однимъ для исполненія какого нибудь преднамѣреннаго плана, другою съ страдательною покорностію и только нелюбознательные и ненаблюдательные Бретонцы, не замѣчали этого.

— Аиша, сказалъ графъ Ферріоль (потому что безполезно сохранять долѣе инкогнито двухъ главныхъ лицъ нашей повѣсти) Аиша, не хочешь-ли немного покушать этого супа?

— Благодарю, отвѣчала дѣвушка: мнѣ ничего не хочется.

— Я понимаю, что тебѣ не хочется этого супа, но сегодня воскресенье, и у насъ осталось отъ субботы нѣсколько блиновъ; это единственная роскошь, которую мы можемъ дозволять себѣ, не возбудивъ подозрѣнія.

— Нѣтъ, я ничего не хочу; увѣряю васъ, что я совсѣмъ неголодна.

— Да, надо сознаться, что въ Испаніи намъ было лучше, бла-

годаря милостямъ Филиппа V-го и заступничеству хитреца Марино Марини. Во Франціи, другое дѣло; я былъ изгнанъ изъ нея, и долженъ быть осторожнымъ, чтобы не попасться въ лапы Регентовыхъ сыщиковъ. Кто бы могъ узнать въ рыбакѣ Пьеррѣ бывшаго посланника Его Величества при Константинопольскомъ дворѣ, а въ тебѣ прекрасную Черкешенку Аишу, бывшую нѣкогда любимицею Регента?

— Я не жалуюсь на судьбу свою, сказала дѣвушка, и отерла украдкою слезу, невольно навернувшуюся на глазахъ.

Графъ Ферріоль внимательно посмотрѣлъ на нее и потомъ снова принялся курить свою трубку.

Въ это время кто-то дважды ударилъ въ стѣну, противуположную дверямъ. Ферріоль, молча показалъ дѣвушкѣ на другую дверь, она вышла и по ветхой лѣстницѣ взобралась на чердакъ, назначенный ей на жилье мнимымъ отцомъ ея. На этомъ чердакѣ не слыхать было того, что говорилось внизу.

Ферріоль отвѣчалъ на поданный знакъ такимъ же знакомъ, и вслѣдъ за этимъ, вошли въ комнату двое бретонскихъ дворянъ.

— Привѣтствую рыцаря *здраваго смысла* и его товарища! сказалъ Ферріоль, протягивая руку новопришедшимъ, которыхъ настоящія имена были: Дюгроэскаръ и Коэтпви.

Вслѣдъ за двумя этими, явилось еще нѣсколько новыхъ посѣтителей, Ламбильи, совѣтникъ Реннскаго парламента; Дю Ко Эдикъ, драгунскій капитанъ и Тальгуэтъ-Лемуанъ, принадлежавшій къ фамиліи, неразъ уже мѣшавшейся въ междуусобныя войны.

Нѣсколько минутъ спустя вошли еще двое. Это были: Понкале и Марино Марини.

— Sangue di Cristo! какія скверныя дороги, сказалъ Итальянецъ: онѣ такъ отдѣлали насъ, что намъ невозможно было бы быть допущенными ко двору е. в. Филиппа V-го, отъ котораго я принесъ вамъ письмо.

Осушивъ бутылку, спасенную имъ отъ таможенныхъ солдатъ, онъ вытряхнулъ изъ нея небольшой клеенчатый свертокъ, и, почтительно поцѣловавши его, подалъ графу Ферріолю.

Ферріоль распечаталъ его и прочелъ слѣдующее:

М Г.

«Сіёръ де Мелако Гервіё отвѣтитъ за меня благородному бре«тонскому дворянству на тѣ предложенія, которыя оно мнѣ сдѣ«лало. Я благодарю бретонскихъ дворянъ за приверженность къ «королю, моему племяннику, и обѣщаюсь не оставить ихъ сво«ею помощію въ дѣлѣ, предпринятомъ ими.

«Въ лагерѣ подъ Сенъ-Эстебаномъ, 22-ю Іюня 1719 г.

«Къ этому письму была приложена записка поручика Мелако де-Гервіё, въ которой онъ возвѣщалъ о своемъ прибытіи, о томъ, что онъ везетъ съ собой 30,000 ливровъ и что испанскій флотъ, на которомъ онъ находится, готовъ приблизиться къ берегу и ждетъ сигнала для высадки.

— Вы видите, господа, сказалъ Ферріоль: что я васъ не обманывалъ, и что намъ всѣмъ удастся отплатить Регенту, въ особенности же мнѣ за мое двукратное изгнаніе, за оскорбленіе чести моей и правъ моихъ.

— Вы забываете права, важнѣйшія вашихъ правъ, права всего бретонскаго дворянства, попранныя клевретомъ Регента, маршаломъ Монтескью.

— Вы забываете также, прибавилъ Тальгуэтъ: тотъ деспотизмъ, который тяготѣетъ на насъ.

— Э! signori, cari signori, вы должны были ожидать этого, перебилъ Марини.

— Теперь къ дѣлу, вскричалъ Ферріоль: намъ остается извѣстить Мелако и начальника испанскаго флота; маяки, зажженные на высотахъ Гюнмаэкской и Люкарекской будутъ служить имъ путеводителемъ, а наше дѣло состоитъ въ томъ, чтобы удалить отсюда таможенныхъ солдатъ. Наконецъ, продолжалъ Ферріоль: какъ скоро Испанцы высадятся на берегъ., мы соединяемся съ ними и идемъ въ Морле, который открываетъ портъ свой испанскому флоту, и тогда Ренно и вся Бретань въ нашихъ рукахъ.

— Рогань-Польдюкъ возмущаетъ свой кантонъ, сказалъ Ламбильи.

— Я отвѣчаю вамъ за свой, прибавилъ Понкале.

— А! вотъ Ларошъ, перебилъ Ферріоль: я узнаю поступь его лошади.

— Плохія новости, сказалъ входя Ларошъ: генералъ-капитана отозвали или, лучше сказать, увезли насильно, а вмѣсто его Регентъ назначилъ другаго, уполномочивъ его чрезвычайною властію.

Еще никто не успѣлъ опомниться отъ этого извѣстія, когда послышалось бренчаніе оружія, и послѣ сильнаго удара въ дверь, раздался громкій голосъ:

— Именемъ короля, отоприте!...

При этихъ словахъ всѣ какъ бы окаменѣли; одинъ только Понкале схватился за свои пистолеты, но Ферріоль, молча показалъ своимъ собесѣдникамъ на другую комнату, въ которую они тихо удалились, поставилъ стулья по мѣстамъ, спряталъ полученное

имъ письмо и наконецъ отворилъ дверь.... Сержантъ Ивонъ, съ нѣсколькими солдатами, величественно вступилъ въ комнату.

— А! наконецъ то вы пришли, Ивонъ, сказалъ Ферріоль, со всевозможнымъ хладнокровіемъ: какой вѣтеръ занесъ васъ сюда?

— Уже давно поведеніе ваше кажется мнѣ подозрительнымъ; тѣмъ болѣе, что я встрѣчалъ у васъ г. Понкале, который, какъ извѣстно, занимается контрабандною торговлею табакомъ..... Ваши таинственныя свиданія съ нимъ имѣютъ, можетъ, еще другую причину, но все это было бы не важно еслибы не ходилъ къ вамъ одинъ итальянскій графъ..... Э! чортъ возьми, да вотъ онъ самъ здѣсь.....

Ивонъ въ-самомъ-дѣлѣ увидѣлъ Итальянца, который остался въ комнатѣ, чтобы, въ случаѣ надобности, подать помощь Ферріолю, и котораго сержантъ не могъ разглядѣть, по причинѣ темноты.

— Да, это я, *каспадинъ* сержантъ, сказалъ Марини самымъ сладкимъ голосомъ, что такое случилось?...

— Вы воспользовались вчера нашимъ опьяненіемъ и укрыли замѣченную мною бутылку, и такъ какъ мнѣ сказали, что вы вмѣстѣ съ г. Понкале отправились сюда, то я пошелъ со всѣмъ своимъ отрядомъ вслѣдъ за вами, чтобы осмотрѣть этотъ домъ и схватить всѣхъ тѣхъ, которыхъ я здѣсь найду.

И, не слушая какой-то сладкой апологіи, начатой Итальянцемъ, сержантъ намѣревался уже проникнуть въ слѣдующую комнату.

— Остановитесь! сказалъ Ферріоль: вы забываете, что это комната Марты.

Сержантъ невольно остановился при этомъ имени, но, вспомнивъ свою неудачу, онъ хотѣлъ уже продолжать свои поиски, когда дверь отворилась и Анна сама появилась на порогѣ.

При видѣ Анны сержантъ смутился.

— Не противорѣчьте мнѣ, и мы спасены, сказалъ Марини, замѣтившій смущеніе сержанта, Ферріолю.

— Дѣлайте, что хотите, отвѣчалъ Ферріоль.

— Вы видите, продолжалъ Марини: что вамъ, *каспадинъ* сержантъ, нельзя проникнуть въ комнату дѣвушки противъ ея воли; арестовать же насъ вамъ не за что; я пришолъ къ Пьерру, чтобы купить рыбы для обѣда, который я намѣреваюсь дать; но онъ объявилъ мнѣ, что рыба нужна ему самому для обѣда, потому что свадьба не бываетъ безъ обѣда...

— Какая свадьба? Что это значитъ?...

— Ваша, каспадинъ сержантъ.

— Вы смѣетесь надо мною....

— О! нѣтъ. Вотъ видите ли: Пьерръ не хотѣлъ выдавать своей дочери за простаго капрала, вѣдь онъ также самолюбивъ, хотя и рыбакъ; теперь же вы сержантъ, вамъ открытъ широкій путь къ славѣ, не сегодня, такъ завтра, вы будете генераломъ, и онъ не имѣетъ болѣе причинъ вамъ отказывать.

— Неужели это правда? спросилъ ошеломленный Ивонъ.

— Совершенно правда, отвѣчалъ Ферріоль.

— Но Марта?

— Марта не будетъ прекословить мнѣ, сказалъ Ферріоль, бросая на нее многозначительный взглядъ.

— Когда же свадьба? спросилъ Маринн.

— Я долженъ достать мои документы, а такъ какъ я не могу этого сдѣлать ранѣе недѣли, то придется подождать недѣлю, сказалъ Ивонъ.

— Подождемъ недѣлю, отвѣчалъ Ферріоль.

Послѣ нѣсколькихъ взаимныхъ поздравленій и изъявленій дружбы, сержантъ удалился съ своею командой.

— Что хотите вы со мною дѣлать? спросила Анна, когда сержантъ и гости Ферріоля ушли.

— Я сдержу свое слово.

— Но развѣ вы забываете, что я взросла въ благородномъ семействѣ Ферріолей, что ни воспитаніе мое, ни привычки не допускаютъ меня согласиться на этотъ бракъ. Но еслибы я и могла забыть все это, то и тогда не вышла бы за этого солдата, потому, что онъ ищетъ во мнѣ бѣдной, но невинной дочери рыбака Пьерра, а не слуги и рабыни графа Ферріоля!... Я пожертвовала для васъ всѣмъ, но никогда и ни для кого не рѣшусь быть подлой.

— Глупенькая, сказалъ графъ: но вѣдь этотъ бракъ будетъ недѣйствителенъ.

— Развѣ этотъ бѣднякъ будетъ счастливѣе отъ того?

— Тебѣ что до этого за дѣло? Ты должна быть его женою, я этого хочу, прибавилъ графъ и вышелъ изъ комнаты.

Долго Анна плакала, наконецъ, выбѣжала также изъ комнаты, остановилась на дорогѣ, ведущей къ морю, у подножія креста, и, простершись во прахѣ, долго молилась; потомъ тихими шагами вошла на утесъ, нависшій надъ моремъ и бросилась въ волны.

III.

НА БЕРЕГУ МОРЯ.

Сильный вѣтеръ вздымаетъ песокъ на берегу морскомъ и нагоняетъ сѣрыя тучи на солнце. Наступила осень, а осень въ Бретани хуже зимы въ южной Франціи: море волнуется и съ ропотомъ разбивается о пустынный берегъ; время не удобно для рыбной ловли, и потому на берегахъ Арморики не видно ни одного животнаго существа; гулять въ такое время на морскомъ берегу не совсѣмъ пріятно. Тоже, вѣроятно, думаютъ двое честныхъ поселянъ бретонскихъ, сидящихъ другъ противъ друга въ рыбачей хижинѣ на Люкирокскомъ мысѣ, защищенномъ отъ западнаго вѣтра. Оба они, облокотившись на столъ, на которомъ стоятъ кружки съ пивомъ, сидятъ передъ огромнымъ очагомъ, въ которомъ, впрочемъ, очень мало жара. Одинъ изъ нихъ высокъ и худъ, другой малъ, но, какъ говорится, коренастъ. Если угодно знать, кто эти незнакомцы, то прислушайтесь къ ихъ разговору, и любопытство ваше удовлетворится.

— Кляпусь святой Купегундой! восклицаетъ худощавый: мы чудесно спаслись, *каспадинъ* де-Понкале.

— О! я не такъ легко пугаюсь, возразилъ другой, низкимъ и звучнымъ голосомъ: можетъ-быть, насъ бы и схватили, но ужъ, навѣрно, мнѣ удалось бы положить на мѣстѣ хоть двухъ или трехъ изъ этихъ проклятыхъ таможенныхъ, на которыхъ я давно уже острю зубы.

— Какъ вамъ будетъ угодно, ваше превосходительство, возразилъ Марини, нѣсколько смущенный словами Бретонца.

— Къ черту титулы, зовите меня, какъ хотите, но только не превосходительствомъ.

— Слушаюсь, но впрочемъ, что́ ни говорите, а я увѣренъ, что самый искусный изъ сыщиковъ *монсиньёра* Дюбуа не узнаетъ подъ этимъ одѣяніемъ графа римской имперіи.

— Оставимъ эти пустяки и поговоримъ о дѣлѣ; Г. де-Мелако Гервіё на испанскомъ флотѣ и ждетъ нашего сигнала; надо подать его сегодня же. Избушка эта принадлежитъ одному изъ моихъ вассаловъ, я поселилъ его здѣсь для сношеній съ прибрежными купцами.

— Съ купцами?

— Ну да, съ купцами или контрабандистами, не все ли это

равно? Надо написать г. Мелако о томъ, что рѣшено было на прошлой дворянской сходкѣ и объявить ему, что испанскій флотъ долженъ высадиться на берегъ тогда, когда зажженъ будетъ маякъ на высотахъ Локернскихъ.

— Кто жъ доставитъ ему это письмо?

— Хозяинъ этой избы; онъ неустрашимый мореходъ, какъ всякій Бретонецъ.

— Bene, signor, benissime; но кто же напишетъ это письмо?

— Кто? Вы!

— Отчего же не вы?

— Отъ того, что я дворянинъ.

— Да вѣдь и я не аббатъ.

— Все равно, вы каммергеръ его святѣйшества папы. Ну, скорѣй, за дѣло.

— Я готовъ, чтобы угодить вамъ, но вы подпишете, по-крайней-мѣрѣ, письмо?

— Постараюсь.

Марино принялся было писать, какъ вдругъ дверь хижины съ шумомъ растворилась, и вбѣжалъ безобразный бретонскій крестьянинъ.

— Что такое?.. что такое?... пробормоталъ поблѣднѣвъ храбрый Итальянецъ.

— Не бойтесь, это Йоландъ, хозяинъ этой лачужки, котораго я поставилъ сторожомъ; онъ говоритъ, что видѣлъ вдали какую то женщину. Пошелъ вонъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ Бретонцу: и не тревожь насъ по пустякамъ.

Бретонецъ вышелъ. Марини написалъ письмо и подалъ его Понкале; въ это время вбѣжалъ снова Бретонецъ и возвѣстилъ, что вдали показалось нѣсколько всадниковъ, ѣдущихъ прямо къ хижинѣ.

Конскій топотъ въ-самомъ-дѣлѣ приближался, и черезъ нѣсколько времени остановился у дверей. Нѣсколько людей въ плащахъ вошло въ избушку. По одеждѣ ихъ, виднѣвшейся изъ-подъ плащей, можно было догадаться, что они принадлежатъ къ одной изъ красныхъ ротъ, т. е. къ жандармамъ, мушкетерамъ или конной королевской гвардіи.

— Прежде всего надо быть учтивымъ, сказалъ молодой человѣкъ, съ прекраснымъ, но задумчивымъ лицомъ, казавшійся начальникомъ, и, обратившись къ Йоланду, сталъ просить у него гостепріимства.

Но Йоландъ говорилъ только по-бретонски, ни слова не пони-

малъ по-французски, и потому молчалъ. Офицеръ подошелъ къ Марини, но Итальянецъ также не отвѣчалъ, притворившись Бретонцемъ.

— Нѣтъ, командиръ, кажется вамъ не добиться отъ нихъ ни одного слова, сказалъ одинъ изъ воиновъ: я представляю себѣ, какъ весело здѣсь будетъ Регенту.

— Вы забываете, сказалъ офицеръ, что пріѣздъ Регента долженъ оставаться тайною.

— Но вѣдь эти животные не понимаютъ ни слова.

Въ это время между солдатами, оставшимися за дверью, послышался шумъ; всѣ бросились вонъ изъ избы и, разумѣется, что оба заговорщика воспользовались этимъ случаемъ, чтобы скрыться.

На вопросъ начальника о причинѣ шума, солдаты отвѣчали, что молодая дѣвушка, въ глазахъ ихъ, бросилась съ утеса въ море.

— Надо спасти ее, друзья, сказалъ молодой начальникъ.

— Но никто изъ насъ не умѣетъ плавать, возразилъ одинъ изъ окружавшихъ.

— Въ такомъ случаѣ я спасу ее, и, не слушая товарищей и подчиненныхъ своихъ, молодой человѣкъ бросился въ море.

Онъ уже схватилъ утопавшую за длинныя волосы и плылъ къ берегу; крики товарищей и солдатъ ободряли его, но новая, огромная волна набѣжала съ тылу и выбросила на берегъ два бездыханныя тѣла.

Оба утопшіе были перенесены въ избу, и офицеръ скоро оправился. Удостовѣрившись, что и дѣвушка скоро очнется, онъ велѣлъ готовиться къ отъѣзду и, не взглянувши даже на спасенную имъ, готовился выйти, не смотря на увѣщанія товарищей.

Онъ уже стоялъ на порогѣ, когда новый пукъ соломы, брошенный въ каминъ, освѣтилъ лицо утопленницы. Офицеръ вздрогнулъ, взглянувъ на нее.

— Я еще немного слабъ, друзья мои, сказалъ онъ: и думаю, что мнѣ полезно будетъ немного отдохнуть здѣсь. Ступайте безъ меня и оставьте одного солдата стеречь мою лошадь.

Когда всѣ вышли, молодой человѣкъ заперъ дверь на крючокъ и бросился къ больной, осыпая поцѣлуями руки ея.

Этотъ офицеръ былъ кавалеръ д'Эди, а въ дѣвушкѣ вы, вѣроятно, давно уже узнали Черкешенку Аишу.

IV.

ЛЮБОВЬ МОЛОДОСТИ И ЛЮБОВЬ СТАРОСТИ.

Когда Анна открыла глаза, она увидѣла у ногъ своихъ того, кто любилъ ее такъ постоянно и глубоко.

— Вы здѣсь, сказала Анна кавалеру д'Эди: вы! О! когда я открыла сейчасъ глаза и увидѣла васъ, я была слишкомъ счастлива; я думала, что я умерла и встрѣчаю васъ уже не въ этомъ мірѣ. Но увы, я еще на землѣ... скажите мнѣ какой странный случай столкнулъ васъ снова со мною?

— Вамъ я скажу все Анна.... я опередилъ только Регента, который ѣдетъ сюда. Но вы сами, Анна, въ Бретани и въ этомъ платьѣ.... но я не хочу спрашивать.... я вижу снова мою Анну, и въ этотъ разъ недаромъ.... вы должны за мною слѣдовать, быть моей подругой, сестрой, женою.... Я рѣшился было посвятить себя Богу,— черезъ нѣсколько дней я долженъ былъ вступить въ орденъ Мальтійскихъ рыцарей.... но теперь я нашелъ тебя, — благодаря небу, я еще могу отказаться отъ своего намѣренія. Анна, Анна, ты не уйдешь отъ меня!

— Оставьте меня, оставьте меня, говорила Анна, вырывая свою руку изъ рукъ кавалера.... Мы не должны болѣе видѣться.

— Нѣтъ, ты мнѣ откроешь свое жилище.

— Никогда — это тайна! Если вы такъ меня любите, дайте слово никогда не проникать ея.

— Да, но съ условіемъ.

— Съ какимъ?

— Мы увидимся.

И сказавши эти слова, кавалеръ съ усиліемъ надъ самимъ собою, вырвался изъ хижины мэтра Йоланда и, сѣвши на коня, поскакалъ въ галопъ.

А между тѣмъ, мэтръ Пьерръ или графъ Ферріоль, въ свою очередь вошелъ въ хижину въ сопровожденіи Йоланда, который несъ въ рукахъ фонарь.

— Итакъ, меня не обманули, вскричалъ старый дворянинъ, черты котораго были видимо неложны! ты могла покуситься на свою жизнь, на жизнь, которая принадлежитъ не тебѣ..... ты могла забыть это, Анна!

Говоря это, онъ схватилъ руку Анны, на которой еще не высохли поцѣлуи кавалера д'Эди. Анна затрепетала, какъ будто отъ

прикосновенія горячаго желѣза, и, съ живостью вырвавши свою руку, сказала мрачно.

— Это правда, я совершенно забылась!

Ферріоль упалъ на скамью и нѣсколько минутъ молчалъ.

— Аиша, началъ графъ съ долгимъ вздохомъ: могу ли я знать, что заставило тебя рѣшиться на такой отчаянный поступокъ. Я тебѣ слишкомъ ненавистенъ, продолжалъ онъ: не правда ли? слишкомъ?

И онъ горько улыбнулся.

О! мнѣ жаль васъ, мнѣ жаль васъ, сказала Аиша, въ первый разъ слышавшая отъ него такія слова.

— Ты меня прощаешь, не правда ли? сказалъ графъ, схватывая ея руку — ты прощаешь, что я былъ къ тебѣ строгъ, жестокъ, быть можетъ?.... Я такъ много перетерпѣлъ — и бываютъ лѣта, когда любовь дѣлаетъ человѣка безжалостнымъ.

— Я вамъ вѣрю, я хочу вамъ вѣрить, отвѣчала робко Аиша: но если это такъ, то какъ же вы могли обѣщать другому мою руку?

— Успокойся, дитя, этого не будетъ?

— Зачѣмъ же обманывать этого несчастнаго?

— Нужно.

— Что же за необходимость?

— Это тайна, которую ты послѣ узнаешь.

— Почему не теперь же.

— Потому, что тайна эта принадлежитъ не одному мнѣ, потому, что я поклялся честью дворянина не открывать ее никому, потому, что здѣсь дѣло идетъ о моей головѣ.

Сказавши это, графъ схватилъ Аишу въ объятія и вынесъ изъ жилья.

Ночь была темна, но вѣтеръ пересталъ свистѣть, и скоро послышался шумъ чьихъ то шаговъ.

— Кто идетъ? вскричалъ Ферріоль, заряжая пистолетъ.

— Клянусь св. Кундонгой, моей заступницей, это мэтръ Пьерръ, отвѣчалъ знакомый голосъ — я — кавалеръ здраваго смысла, а со мной баронъ доброй помощи.

— Тс! сказалъ баронъ доброй помощи, который былъ никто иной, какъ страшный Дюге де-Понкале: я слышу шумъ веселъ. Отведите эту дѣвушку.

— Зачѣмъ?

— Я знаю, что говорю — пришла минута побѣдить или умереть.

Ферріоль вздрогнулъ, а Апша упала на колѣна и простонала:
— Боже, Боже! сжалься надо мною!

V.

ГРАБИТЕЛИ ПО БОЛЬШИМЪ ДОРОГАМЪ.

Близь живописной отлогости, на которой расположено селеніе С. Мишель, лежащее на половинѣ дороги между Ланмеромъ и Морле, простиралось отъ берега и почти до самой дороги болото, примыкавшее къ небольшому перелѣску; деревья въ немъ, вѣроятно, изъ состраданія были пощажены осеннимъ вѣтромъ, и листья еще держались на вѣтвяхъ. Въ этомъ то перелѣскѣ расположились теперь: Ферріоль, Понкале, Маринн и другіе бретонскіе дворяне, которыхъ мы уже встрѣтили однажды въ Ламерской хижинѣ.

Когда всѣ они собрались, то-Маринн первый прервавъ молчаніе, сказалъ, обратившись къ Ферріолю.

— Вотъ теперь, г-нъ графъ, провозгласилъ онъ: вы можете объяснить всей честной компаніи, для чего именно обязаны мы были собраться здѣсь, запасшись предварительно достаточнымъ количествомъ всякаго оружія. Но постарайтесь по возможности сократить вашъ разсказъ, потому что скоро совершенно стемнѣетъ, между прочимъ будь сказано, темнота не мало повредитъ успѣху нашего предпріятія. — Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ Ферріоль, и, обратившись къ прочимъ собесѣдникамъ продолжалъ: я долженъ объяснить вамъ, господа, почему мы съ г. Понкале назначили всѣмъ вамъ сойтись здѣсь, не сказавъ, для чего присутствіе ваше было необходимо. Теперь я скажу вамъ, что цѣль собранія нашего есть тайна, важная до такой степени, что мы рѣшились сообщить ее вамъ только за нѣсколько минутъ до исполненія: старайтесь всѣми силами, чтобы дѣло наше увѣнчалось успѣхомъ и тогда.... знайте-же, что если только вы захотите, не позже, какъ черезъ полчаса, Регентъ будетъ въ нашихъ рукахъ.

Это извѣстіе возбудило живѣйшій восторгъ между собесѣдниками.

— Клянусь св. Кунигундою, моей блаженной родственницею, вскричалъ Маринн, что г-нъ графъ сказалъ правду и я торжественно подтверждаю его слова.

— И я, сказалъ Понкале.

— Но какимъ образомъ могли вы узнать?

— Объ этомъ я разскажу вамъ когда нибудь, послѣ; но между тѣмъ, надобно вамъ знать, что Регентъ тайно отправился въ путь, съ намѣреніемъ объѣхать Бретань. Я имѣю много причинъ думать, что онъ ѣдетъ теперь въ Плоега-Гверодъ, или въ Морле, и стало быть, во всякомъ случаѣ никакъ не минуетъ с. Мишеля, въ Гревѣ. Ларошъ, отправленный мною для наблюденій, немедленно извѣститъ насъ, какъ только экипажъ Регента покажется, и тогда, легко справившись съ конвоемъ, если только онъ будетъ, мы приберемъ почтеннаго Регента къ рукамъ.

— Вѣрнѣе смерти, сказалъ Понкале.

— Вотъ будетъ чудесный заложникъ, прибавилъ Маринн.

— Заложникъ или жертва, это еще не рѣшено. Но что всего важнѣе для насъ, такъ это найти средство передать это извѣстіе испанскому флоту.

Ночь уже совершенно наступила. Вскорѣ раздался въ отдаленіи лошадиный топотъ, и вслѣдъ за тѣмъ прискакалъ Ларошъ съ извѣстіемъ, что на дорогѣ показалась почтовая карета. Дѣйствительно, нѣсколько минутъ спустя, въ темнотѣ показался экипажъ въ сопровожденіи четырехъ лакеевъ, освѣщавшихъ фонарями дорогу.

— Какая неосторожность! сказалъ Маринн: я узнаю Регента по этому поступку; какъ, пускаться въ вояжъ безъ надежнаго конвоя и съ четырьмя только глупыми лакеями.

— Едва только карета миновала лѣсокъ, гдѣ скрывались заговорщики, какъ грянулъ выстрѣлъ и почтальонъ упалъ на землю. Это было сигналомъ къ нападенію. Завязался бой, продолжавшійся съ нѣсколько минутъ; наконецъ мужество лакеевъ мало по малу начало уступать многочисленности нападавшихъ и вскорѣ они были перебиты и частію обращены въ бѣгство. — Понкале, Ферріоль и Маринн, завладѣвъ экипажемъ, поспѣшили отворить дверцы, крайне удивленные хладнокровіемъ высокаго путешественника, который во все продолженіе битвы ничѣмъ не обнаружилъ своего присутствія въ каретѣ.... Трудно вообразить себѣ, а передать чуть ли не втрое труднѣе, изумленіе графа Ферріоля, когда онъ, войдя въ карету, узналъ, при свѣтѣ фонаря, вмѣсто мужественнаго лица Регента обворожительныя черты г-жи Параберъ.

— Это вы, сударыня, и однѣ? сказалъ Ферріоль, стараясь сколько возможно измѣнить голосъ.

— Со мною только одна горничная, отвѣчала дрожащая отъ страха путешественница, и указала на какую-то массу, лежавшую въ глубинѣ кареты, и похожую болѣе на узелъ съ чѣмъ-нибудь, чѣмъ на человѣческую фигуру. — Но кто же вы, господа, чего вы отъ меня хотите, прибавила де-Параберъ прерывающимся отъ страха и волненія голосомъ.

— Мы разбойники и при томъ чужеземцы, живо сказалъ Маринн, не давъ такимъ образомъ отвѣчать Ферріолю.

— При этихъ словахъ, сказанныхъ съ итальянскимъ акцентомъ, г-жа де Параберъ достала изъ одной сумки кареты большой и туго-набитый кошелекъ и подавая его Ферріолю, сказала: Вотъ, возьмите, но ради Бога сжальтесь надъ нами, не умерщвляйте насъ.

Ферріоль съ негодованіемъ оттолкнулъ кошелекъ, но Маринн поспѣшно схватилъ его и положилъ въ карманъ.

— Не забудьте, что вѣдь мы разбойники, шепнулъ онъ Ферріолю. Чортъ возьми! не отказываться же разбойнику отъ кошелька!

Полумертвая отъ страха Параберъ съ трепетомъ ожидала своей участи. Мнимые разбойники отошли къ сторонѣ и долго разсуждали какъ поступить въ такомъ непріятномъ для нихъ случаѣ; наконецъ рѣшили дозволить путешественницѣ продолжать свой путь. По счастію одинъ изъ сопровождавшихъ г-жу Параберъ слуга не былъ раненъ и не успѣлъ убѣжать; его посадили на мѣсто кучера и прекрасная путешественница отправилась въ Плегатъ-Герандъ.

VI.

КЛЯТВА.

Страданія бѣдной Анни были невообразимы. Воспоминанія о послѣднемъ свиданіи съ д'Эди еще болѣе увеличивали ея мученія вечеромъ. На третій день, послѣ описаннаго происшествія, она рѣшилась идти опять на морской берегъ, сама не отдавая себѣ отчета зачѣмъ. Едва дыша и трепеща всѣмъ тѣломъ сошла она съ своего гадкаго чердака и подошла уже къ двери, ведущей изъ хижины, какъ вдругъ услышала голосъ Ферріоля, который всѣ эти дни почти вовсе не былъ дома, но въ этотъ разъ возвра-

щался гораздо ранѣе. Опасаясь, чтобы ему не показался подозрительнымъ выводъ ея изъ хижины, въ такое позднее время, Анша бросилась назадъ и по какой-то странной идеѣ, вмѣсто того, чтобы воротиться къ себѣ на верхъ, спряталась, дрожа отъ страха, за огромный сундукъ, стоявшій въ углу первой комнаты, и составлявшей единственную мебель ея. Анша полагала, что Ферріоль по обыкновенію пройдетъ свою комнату и она тогда покинетъ свое убѣжище. Но Ферріоль быдъ не одинъ; съ нимъ вошли Понкале и Рюкохдинъ и вскорѣ потомъ явились еще Ломбили и кривой Коэтиви, и тогда между этими лицами началась бесѣда о такихъ дѣлахъ, въ перспективѣ которыхъ были съ одной стороны богатства и почести, а съ другой лимфетъ.

— Никто не подслушаетъ насъ? спросилъ Ламбили.

— Кому подслушать, отвѣчалъ Ферріоль, заглянувъ сперва въ другую комнату: вы знаете, что дочь моя не можетъ насъ слышать изъ своей комнаты, да теперь ее и дома нѣтъ.

— Ну, продолжалъ Ламбили: все ли готово къ завтрему?

— Надѣюсь, отвѣчалъ Ферріоль: завтра или никогда. Не забудьте, что завтра Ивонъ приведетъ съ собою на сговоръ всѣхъ солдатъ своихъ и покуда они будутъ здѣсь пьянствовать, мы захватимъ Морле именемъ Филиппа V. Короля испанскаго и регента Франціи. Увѣрены ли вы въ своихъ людяхъ, Понкале?

— Ручаюсь.

— Прекрасно, сказалъ Ферріоль. И такъ завтра къ ночи мы отправимся въ дорогу Мелакъ-Гервье, которому я далъ знать, долженъ увѣдомить адмирала его католическаго величества. Вы Коэтиви должны разложить огонь на полѣ Лакере — это будетъ сигналомъ для высадки испанскому флоту.

— Хорошо, отвѣчалъ Коэтиви.

Два удара въ дверь, возвѣстили прибытіе новаго лица.

— Это былъ Маринн.

Между тѣмъ, бѣдная Анша терпѣла неописанныя мученія. Она хорошо понимала весь ужасъ своего положенія, потому что кто-бы повѣрилъ, что она безъ умысла подслушала заговорщиковъ. Бѣдная, при каждомъ движеніи кого-нибудь изъ собесѣдниковъ, трепетала и едва не лишалась чувствъ, почитая себя открытою и погибшею.

Маринн, видя, что исполненіе дѣла, отъ котораго зависѣлъ окончательно успѣхъ его плана, превзошло его ожиданія, вскричалъ:

— Браво! брависсимо! Ну, господа, я вижу, вы теперь совершенно убѣждены, что новости, которыя я только что сообщилъ вамъ,

измѣняютъ наши предположенія и стало быть намъ остается одно....

— Что? что такое? раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Постараться сбыть съ рукъ прекрасную посланницу регента. . . . . .

Отсюда и до Плегатъ-Герандскаго замка едвали будетъ полная миля. Завтра ночью, прежде усиленнаго нападенія на Морле, намъ нужно сойтись всѣмъ въ замкѣ....

— Только, я прошу тебя не будь слишкомъ жалостливъ къ этому офицеру, сказалъ Понкале: ты знаешь, вѣдь онъ любимецъ Регента.

— Разумѣется, прибавилъ Ферріоль: такъ и слѣдуетъ. Ему, какъ офицеру гвардіи Регента, должно было до послѣдней капли защищать ввѣренную ему даму, но онъ сдался, и завтря мы казнимъ его въ замкѣ, который будетъ первою, военной добычей нашей.

— Смерть! смерть! послышалось въ толпѣ.

Восклицанія эти достигли слуха Аниш, совершенно побѣжденной отчаяніемъ, которое она старалась всѣми силами подавить въ себѣ. Въ это время раздался сильный стукъ въ двери, и скоро въ комнату вошли остальные товарищи Ферріоля. Желая разпространить свой таинственный кругъ, Ферріоль грубо толкнулъ сундукъ къ стѣнѣ. Несчастная Анша, ударившись, вѣроятно, о стѣнку сундука, громко вскрикнула отъ боли. — Всѣ вздрогнули.

— Здѣсь кто нибудь спрятанъ, сказалъ Ферріоль, открывъ сундукъ, грубо вытащилъ Аншу изъ ея убѣжища.

— Кто бъ онъ ни былъ, смерть ему! сказалъ Понкале.

— Анша! повторилъ Ферріоль. Несчастная дѣвушка, закрывъ лицо руками, молчала. —

— Синьора! вскричалъ Марини: ну, такъ, эти женщины прячутся вездѣ.

— Я вѣдь говорилъ вамъ, что они никогда не бываютъ въ церкви, пробормоталъ Гоетанъ замка.

— Она слышала всѣ наши планы и тайны, и, слѣдовательно, должна умереть, повторилъ неумолимый. какъ судьба, Понкале.

— Позвольте мнѣ прежде всего допросить ее сказалъ Ферріоль, блѣдный и трепещущій. Анша! отвѣчайте мнѣ, зачѣмъ вы были спрятаны?

Анша, помертвѣвъ отъ страха, не могла произнести ни одного слова.

— Вы видите, закричалъ Понкале: она ничего не можетъ представить въ оправданіе! итакъ смерть ей!

— Но вѣдь она женщина, прервалъ Ферріоль голосомъ, выражавшимъ сильное душевное волненіе.

— Что жъ такое? Неужели намъ можно оставить ее въ живыхъ. Теперь не такое время, чтобы входить въ ваши отношенія съ нею; она подслушивала насъ и собственная безопасность наша равно какъ и безопасность товарищей нашихъ, совершенно ввѣрившихся намъ, требуетъ этой жертвы.

— Графъ не возражалъ на это логическое представленіе но мысленно поклялся защищать каждой волосъ головы Анши, хотя бы для этого нужно было пожертвовать жизнію; но сообразивъ внимательно всѣ обстоятельства своего положенія, онъ рѣшился употребить всевозможныя средства къ спасенію Анши. Видя, что рѣшительныя мѣры ни къ чему не поведутъ, онъ, подавивъ въ себѣ душевное волненіе, и стараясь казаться совершенно спокойнымъ — началъ:

— Я защищаю эту дѣвушку вовсе не потому, что между мной и ею существуютъ какія-то отношенія, вовсе нѣтъ! Напротивъ, мы должны отпустить ее потому, что она вовсе безъ всякаго умысла и совершенно противъ воли узнала всѣ подробности нашего заговора.

— Только она одна можетъ погубить насъ, и вѣроятно, сдѣлаетъ это, если мы отпустимъ ее, возразилъ Понкалле.

— Но, согласитесь однако же, что присутствіе синьоры въ этомъ сундукѣ крайне подозрительно, замѣтилъ Маріни.

— Но мы не тотчасъ отпустимъ ее, сказалъ Ферріоль: и къ тому же значительный залогъ послужитъ намъ вѣрнымъ ручательствомъ въ ея молчаніи. Вотъ видите ли: она христіанка, и въ добавокъ самая ревностная католичка, я вамъ въ этомъ ручаюсь; такъ пусть же она поклянется передъ этимъ распятіемъ, что никогда и никому ни на томъ, ни на этомъ свѣтѣ не скажетъ ни слова о томъ, что она видѣла и слышала. Пусть она поклянется. Если же она не захочетъ произнести этой клятвы, то я отрекусь отъ нее и предоставлю хоть сейчасъ же умертвить ее.

Сказавъ это, онъ взялъ распятіе грубой работы, висѣвшее на стѣнѣ, подалъ его Анше и заставилъ ее произнести слѣдующія слова:

«Кляпусь вѣчнымъ блаженствомъ души моей, что я никому, никогда, ни на томъ, ни на этомъ свѣтѣ, ни добровольно, ни по

принужденію, не скажу и не обнаружу ничѣмъ ничего, что сегодня здѣсь видѣла и слышала!»

— Клятва эта, хотя съ трудомъ, однако же вполнѣ успокоила Понкале; Ферріоль представилъ ему, что нужно заставить Аншу быть скромною только до исполненія ихъ заговора, что будетъ совсѣмъ нетрудно; а послѣ этого она сдѣлается для нихъ уже неопасною.

За тѣмъ послѣдовали взаимныя клятвы и обѣщанія, какъ можно внимательнѣе наблюдать за Аншею, и хранить заговоръ ихъ въ тайнѣ, потому что малѣйшая нескромность съ чьей либо стороны могла разрушить всѣ ихъ намѣренія. Наконецъ, общество разошлось, давъ слово опять собраться на сдѣдущій день.

VII.

СВАДЕБНЫЙ ОБѢДЪ.

Старожилы давно не запомнятъ такого роскошнаго угощенія, какое задалъ старикъ Пьеръ на сговорѣ своей дочери Марты съ сержантомъ Ивономъ. Чердаки, погреба, пристройки, все было обращено въ залу празднества, и чтобъ помѣстилось возможно наибольшее количество крестьянъ и солдатъ, на дворѣ еще была раскинута палатка. Ферріоль понялъ, что только роскошь и блескъ угощенія могли усыпить всѣ подозрѣнія въ эту рѣшительную минуту.

Ивонъ видѣлъ свою невѣсту только всего одинъ разъ, и то вечеромъ того дня, въ который она была ему такъ грубо обѣщана; конечно, онъ не могъ замѣтить въ физіономіи Аншиі всего сочувствія, котораго онъ надѣялся, но тѣмъ не менѣе онъ не могъ вѣрить, чтобъ молодая дѣвочка осталась совершенно-безчувственною къ его любви, украшенной двойнымъ галуномъ.

Аиша была одѣта великолѣпно; заботами Ферріоля, который всѣми средствами искалъ случая подбиться къ ней. Одна сосѣдка, по обычаю страны, присутствовала при туалетѣ новобрачной. Ивонъ тоже поручилъ одному пріятелю отнести его поклонъ Аншѣ утромъ въ день свадьбы, который бѣдная дѣвочка должна была выслушать, какъ смертный свой приговоръ. Приведенная Ферріолемъ на этотъ, праздникъ, который ей казался наказаніемъ, Аиша сѣла за столъ гдѣ бретонскіе крестьяне и солдаты удовлетворяли свое нечеловѣческое обжорство. Синее вино лилось рѣкою въ брачный стаканъ и оттуда наводняло подносъ и столъ.

Скоро были зажжены трубки и засѣдатели этой оргіи исчезли въ облакахъ дыма.

Аиша не усидѣла бы на своемъ мѣстѣ, еслибъ не знала навѣрно, что желѣзныя руки присутствующихъ готовы усадить ее на мѣсто при малѣйшемъ ее покушеніи, и накопецъ, потому что Марини, сидя противъ нее, не сводилъ съ ея лица своего змѣинаго взгляда. Принесли новобрачнымъ хлѣбъ, разрѣзанный на части, по древнему обычаю, и нанизанный на нитку въ знакъ ихъ брачнаго соединенія. Аиша уже не могла противиться принятію этого приношенія, которое освящало, вмѣсто священнаго союза, жестокую ея будущность, какъ вдругъ неожиданное происшествіе отвлекло вниманіе присутствующихъ: примчался во весь опоръ всадникъ, спросилъ сержанта Ивона и отдалъ ему отъ имени капитана запечатанный пакетъ.

—Друзья мои! вскричалъ Ивонъ, пробѣгая бумагу: торопитесь пить и веселиться, потому что завтра уже будетъ поздно; приказано готовиться къ смотру, который будетъ дѣлать новый начальникъ нашъ генералъ-капитанъ д'Эди, по повелѣнію Регента. Завтра въ полдень мы уже должны будемъ быть въ замкѣ Плегатъ-Герандъ, гдѣ онъ теперь живетъ, готовясь отправиться въ Морлахъ. Въ качествѣ сержанта, я долженъ принять его приказанія, касающіяся до безопасности края и страны.

При этой оффиціяльной прокламаціи, солдаты, подстрекаемы энтузіазмомъ, еще болѣе усиленнымъ отъ вина, закричали: «Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ Регентъ! Къ нимъ присоединились и крестьяне, готовые пошумѣть при всякомъ удобномъ случаѣ. Ферріоль и Марини значительно обмѣнялись взглядами, чтобы взаимно подтвердить необходимость поспѣшной мѣры, для предупрежденія завтрашнихъ происшествій смертью этого новаго ихъ непріятеля. Когда старикъ услышалъ имя своего соперника, которое онъ уже почти забылъ, онъ былъ пораженъ какъ громомъ. Глаза его, устремленные на сообщника, судорожно отскочили отъ него, и устремились на блѣдную и трепещущую Аишу. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ она еще боролась противъ всѣхъ овладѣвшихъ ею чувствъ, но вскорѣ, побѣжденная самыми страшными мыслями, опустила голову и совершенно потерялась.

Тутъ бѣдная дѣвушка вспомнила, что наканунѣ того дня сговаривались умертвить офицера регентова, только что присланнаго въ Плегатъ-Герандъ. То, что было прежде для нея подозрѣніемъ, обратилось теперь въ ужасную дѣйствительность. Хотятъ умер-

твить Эди, умертвить въ эту же ночь, черезъ нѣсколько часовъ.... И нѣтъ никакого средства его извѣстить! Ужасный обрядъ и еще ужаснѣйшій безжалостный надсмотръ привязывали ее совершенно къ мѣсту, въ то время, какъ Эди, одинъ, довѣрчивый, ждалъ, вовсе того не подозрѣвая, смертельнаго удара! О! этого было слишкомъ достаточно, чтобы силы совершенно оставили бѣдную жертву!

Всѣ столпились подлѣ нея; но по судорожнымъ движеніямъ, которыя прерывали ея обморокъ, поняли, что причина его заключается не въ одной усталости и потому отнесли ее на постель, приготовленную изъ соломы въ домѣ Пьера.

Долго она лежала безъ памяти, и уже свѣтало, когда она была въ состояніи различить буйные крики оргіи, которая снова вступила въ свои права. Ферріоль стоялъ надъ нею, опустивъ голову на грудь; глаза его горѣли мрачнымъ пламенемъ, грудь волновалась.

— Ты все таки его любишь, вскричалъ онъ, какъ только она открыла глаза.

Вмѣсто отвѣта, Анша залилась слезами.

— А! воскликнулъ графъ съ остервененіемъ: чтоже тебѣ сдѣлалъ этотъ человѣкъ, чтобы заслужить такъ твою любовь, этотъ человѣкъ, котораго я ненавижу, презираю? Неблагодарная, развѣ ты забыла, что не дальше, какъ вчера, я спасъ тебѣ жизнь?

О! Я ничего не забыла, отвѣчала Анша, прерывающимся голосомъ, и я это вамъ докажу. Да, спасите только его отъ смерти, и я проведу остатокъ моей жизни, любя васъ, служа вамъ, какъ ваша усерднѣйшая раба; я вамъ обѣщаю еще больше: я употреблю всѣ силы, чтобъ не думать объ немъ. Но я васъ умоляю, графъ, умоляю на колѣняхъ! (и при этихъ словахъ она упала передъ Ферріолемъ на колѣни). Вы имѣете власть надъ этими людьми. Скажите только мнѣ, что вы употребите ее на спасеніе Эди. А! изъ жалости, графъ, если это правда, что вы меня любите, какъ вы мнѣ это говорили, изъ уваженія къ моей первой просьбѣ, первой, графъ, если вы припомните. О! именемъ Всемогущаго Бога, если вы вѣрите въ Бога, именемъ всего, что только было священнаго у васъ въ жизни, обѣщайте мнѣ его помилованіе! его помилованіе!

О замолчи, замолчи.... прервалъ Ферріоль, съ сверкающими глазами. Руки его судорожно сжимались, волосы на головѣ встали дыбомъ. Каждое твое слово — змѣя, которая грызетъ мое сердце. Помилованіе ему, ему, котораго ты такъ любишь! Нѣтъ

никогда, никогда! Между нами тутъ одинъ лишній, и это онъ, долженъ умереть! слышишь ли, Аиша, онъ! Ты сама сейчасъ произнесла безвозвратно его приговоръ. д'Эди умретъ сегодня ночью отъ моей руки.

— О безжалостный! безжалостный.... Но вы вѣдь не сдержите этого слова, неправда ли? Вѣдь это только, чтобъ напугать меня? Нетакъ ли? Я не отстану отъ васъ, или лучше сказать, я пойду съ вами въ замокъ Плегатъ-Герандъ. Если вы его убьете, то умертвите же его вмѣстѣ со мной, въ моихъ объятіяхъ.

Пока не потухнетъ послѣдняя искра жизни Эди, ты не выйдешь отсюда Аиша. Здѣсь будетъ твоя тюрьма! Что я задумалъ, то должно быть!.... Раба! оставь меня!.... Я долженъ отмстить!

При этихъ словахъ Ферріоль грубо вырвался изъ рукъ Черкешенки, которая безъ чувствъ упала посреди комнаты. Онъ заперъ единственную дверь этой новой тюрьмы, и ушелъ, унеся съ собою ключь.

Пришедши въ память, Аиша увидѣла себя одну, въ темнотѣ. Приведя себѣ на память прошедшее, она съ ужасомъ поняла, что Эди погибъ, погибъ безвозвратно. При этой мысли страшный крикъ изторгся изъ груди ея. На этотъ крикъ отозвались извнѣ дикіе крики пирующихъ, потому что пьющіе достигли въ это время именно того періода, когда языкъ развязывается, голова склоняется на плеча, и вообще проявляются признаки, такъ рѣзко характеризующіе послѣднюю степень опьянѣнія.

Убѣжать изъ тюрьмы, бѣжать въ замокъ Плегатъ-Герандъ, было единственною мыслію Черкешенки; но какъ исполнить эту мысль? Дверь была крѣпко заперта, а окна состояли въ узкихъ продушинахъ, помѣщенныхъ подъ самымъ потолкомъ. Къ тому же домикъ этотъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ пирующими. Въ этомъ безнадежномъ положеніи дѣвушка вспомнила, что нѣчто въ родѣ отверзтія было продѣлано на чердакѣ для втаскиванія туда сѣна, и это отверзтіе выходило на небольшой дворъ, совершенно пустой и огороженный простымъ заборомъ. Задыхающаяся, она бросается на вершину чердака, но увы! Лазейка, до которой она достигла, была футовъ на 15 выше земли, а принять какія нибудь мѣры, сойти внизъ заняло бы много времени, тогда, какъ при малѣйшемъ замедленіи гибель ея возлюбленнаго была неизбѣжна.

Аиша, въ родѣ какого то нервнаго помѣшательства, въ которое ее повергла вмѣстѣ и болѣзнь и ужасъ, не разсчитала разстоя-

нія и бросилась!.... Голова ея попала на уголъ камня, колѣна ея коснулись земли; но она, сильнѣе, чѣмъ самая боль, поднялась съ мѣста, доползла до ограды, которая должна была скрывать ее бѣгство, перелезла черезъ нее, и побѣжала, не оглядываясь и не разбирая дороги.

Когда она потеряла изъ виду домъ и опасную дорогу, на которой могли ее поймать, она остановилась съ тщетнымъ желаніемъ продолжать свое бѣгство. Пульсъ ея бился не ровно и сильно. Ей казалось, что огромная глыба свинца лежитъ въ ея головѣ, и катается въ сторону, куда усталость принудитъ ее склониться. Она искала около себя какихъ нибудь слѣдовъ или признаковъ, которые бы могли провести ее къ замку, гдѣ она прежде никогда не бывала; но благодѣтельный и вмѣстѣ съ тѣмъ и гибельный для Аиши мракъ ночи не позволялъ ей различать окружающихъ ее предметовъ.

Аиша ничего не видала передъ собой, кромѣ нѣсколькихъ огней, горѣвшихъ далеко на горизонтѣ отдѣльно одинъ отъ другаго, да слышала протяжный лай сторожевыхъ собакъ фермы. Въ это время большія капли дождя, предвѣстники грозы, упали на ея пламенную голову. Аиша едва могла дотащиться до дерева, которое вокорѣ было орошено цѣлою рѣкою, льющуеся съ неба. Несчастная, распростертая на мокрой землѣ, оставалась тамъ еще долго по прошествіи грозы, ибо боль и усталость приковывали ее невольно къ мѣсту. Но вѣтръ примчалъ ей звуки послѣдовательныхъ 12-ти ударовъ, пробитыхъ на колокольнѣ Сенъ-Меласъ.... заговорщики можетъ быть, уже въ дорогѣ!.... Эта мысль придала ей силы. Она побѣжала, опираясь на толстый сукъ дерева, который судорожно отломила, и моля Бога, не допустить ее умереть прежде совершеннаго достиженія цѣли.

VIII.

ЗАМОКЪ ПЛЕГАТЪ-ГЕРАНДЪ.

Плегатъ-Герандъ феодальный замокъ, лежащій недалеко отъ Морлэ. Онъ построенъ во вкусѣ Людовика XIII. Прежніе владѣльцы окружили его великолѣпнымъ паркомъ, знаменитымъ въ цѣломъ кантонѣ. Во время описываемаго нами дѣйствія, замокъ, какъ принадлежалъ королю, старому его управителю, при-

верженцу прежнихъ владѣльцевъ, было поручено смотрѣніе за нимъ.

Въ богатѣйшей комнатѣ замка полулежала на рошкосномъ диванѣ съ древними арматурами молодая женщина въ дорожномъ костюмѣ, и черты коей еще показывали сильное волненіе. Подлѣ нея стоялъ д'Эди и слушалъ со вниманіемъ разсказъ бѣдствій прекрасной путешественницы, которую онъ принялъ съ почестью въ замкѣ. Съ своей стороны, новоприѣзжая не совсѣмъ безъ сочувствія смотрѣла на прекрасное лицо офицера, украшенное великолѣпною простотою военнаго мундира.

— Какъ, сударыня, сказалъ д'Эди: эти бандиты осмѣлились остановить вашу карету?

— Да, да! Боже мой!... Я еще считаю себя счастливою, что отдѣлалась страхомъ, нѣсколькими сотнями лундоровъ и двумя убитыми слугами.

— Увѣряю васъ, сударыня, что завтрашній же день вся мѣстная стража, всѣ войска, вся частная милиція будетъ на ногахъ и пустится преслѣдовать этихъ разбойниковъ, которые могутъ еще разъ покуситься на жизнь, столь же драгоцѣнную, какъ ваша.

— Какое счастіе, что Регентъ не поѣхалъ со мной, а вѣдь онъ собирался.

— Да, я долженъ былъ приготовить покой для его высочества; я получилъ инструкцію.

— Боже мой! Все ужъ было готово къ отъѣзду, какъ вдругъ докладываютъ его высочеству, что герцогиня Берійская, которая и безъ того была больна, теперь при смерти. Вы понимаете, что послѣ этого такому нѣжному отцу, какъ Регентъ, нельзя же было думать о политической поѣздкѣ въ Бретань, гдѣ я имѣла подлѣ него мѣсто его тайнаго секретаря. Я выпросилась ѣхать одна, сказавъ его высочеству, что по случаю болѣзни хотѣла посѣтить знаменитыя Сенъ-Дукскія воды, и я не лгала, г-нъ д'Эди, потому что посмотрите сами, я чрезвычайно похудѣла.

И съ этими словами, кокетка, поднявъ рукавъ, показала д'Эди руку бѣлую и такой красоты, что только каменный или деревянный любовникъ могъ бы устоять противъ обольщенія. Но д'Эди былъ наиболѣе занятъ, чѣмъ когда-либо. Наканунѣ онъ напрасно ожидалъ Аишу въ Локренѣ. д'Эди ничего не знавъ о причинахъ, удержавшихъ ее, и эта искра счастія, которую онъ думалъ видѣть въ любви Аиши, казалось, уже для него потухала. Но онъ и не замѣчалъ ничего особеннаго въ обращеніи обворо-

жительницы лежащей передъ нимъ, которой цѣль поѣздки была, вѣроятно, не воды, на которыя она такъ нахально ссылалась.

Итакъ, продолжала она, съ злостью, замѣтивъ малое дѣйствіе, произведенное ея маневромъ на офицера, и такъ я должна была отправиться въ каретѣ, приготовленной для Регента. Я вамъ разсказала уже конецъ моего путешествія. Ужасная дорога, мощенная бандитами и окруженная разбойниками. Только что я ускользнула отъ однихъ, ограбившихъ меня, какъ другіе отняли и послѣднее и вмѣстѣ съ тѣмъ карегу, заставивъ меня такимъ образомъ дойти до замка около полмили пѣшкомъ. Это путешествіе, кромѣ страшной усталости, имѣетъ такое ужасное дѣйствіе, что теперь я думаю никто, посмотрѣвъ на мои ноги, не узнаетъ въ нихъ тѣ очаровательныя ножки, которыя такъ восхищали его высочество.

— И Параберъ представила глазамъ д'Эди ножку, которая малостію могла бы выдержать всевозможное соперничество.

— Ну, я не думаю, чтобы она могла быть когда-нибудь еще меньше, возразилъ съ разсѣянною любезностію д'Эди, понявъ въ этотъ разъ прямое направленіе кокетки.

— И наконецъ, я себѣ сказала, продолжала Параберъ, ободренная отвѣтомъ, я себѣ сказала, что это загладится тѣмъ, что я васъ увижу, мой милый рыцарь, буду искать средство извлечь васъ изъ этой тоски, которая уже давно преслѣдуетъ васъ, какъ будто несчастнаго любовника. Ужъ не назначеніе ли ваше васъ печалитъ! Ну, разскажите же мнѣ, повѣрьте мнѣ ваши тайныя горести, мы здѣсь въ провинціи, гдѣ можно безъ послѣдствій довѣрять свои маленькія странности.

— Тысячу разъ прошу извиненія, сударыня, но тайна моего сердца не изъ таковыхъ, которыя бы можно было довѣрить кому-нибудь. Благоволите согласиться, чтобъ здѣсь я былъ вашимъ гостемъ, вашимъ защитникомъ, и не заставилъ васъ купить это убѣжище страшною цѣною раздѣленія моего горя, которое при томъ же только касается до одного меня.

Параберъ едва могла удержать жестъ негодованія.

— Я напрасно пробовала, думала она, употребить въ дѣло кокетство и хитрость, чтобы приковать къ моей колесницѣ этого Гипполита въ мундирѣ. Попробуемъ теперь дѣйствіе благодарности на его сердце, и если это не будетъ имѣть успѣха, тогда онъ рѣшительно дикарь, и дикарь неисправимый.

— Милый мой рыцарь, сказала она ему съ миловиднѣйшей улыбкой, бывшей у нея въ запасѣ, всѣ эти безпокойства и впе-

чатлѣнія дороги сдѣлали то, что я совсѣмъ и позабыла, что имѣла къ вамъ порученіе....

— Ко мнѣ, сударыня?

— Да, порученіе правительства.... Я говорила часто объ васъ съ его высочествомъ Регентомъ. Я ему выставляла вашу храбрость, вашу вѣрность къ его особѣ (которая, какъ теперь видно, оказалась и не къ нему одному) и я ему объявила, что желала бы быть для васъ какою нибудь пріятною вѣстницею, ибо надѣялась васъ видѣть; тогда онъ взялъ съ бюро конвертъ, адресованный на ваше имя, и сказалъ мнѣ: «Очаровательная, свезите ему это, это отвѣтъ на его донесенія, которыя я такъ уважаю; тутъ есть его новое назначеніе, и я радуюсь, что вѣстникомъ этого будетъ не простой курьеръ, котораго я хотѣлъ послать, а вы». Повѣрьте, рыцарь, что я не знаю, въ чемъ заключается эта новая милость Регента, и хочу услышать это отъ васъ самихъ. Вотъ письмо его высочества.

— Благодарю васъ, сударыня, и тоже его высочество Герцога Орлеанскаго, сказалъ молодой офицеръ, прочитавъ бумагу. Эта бумага заключаетъ въ себѣ единственное право, которое только оставалось для меня драгоцѣннымъ. Его высочество соглашается на мою просьбу сдѣлаться Мальтійскимъ кавалеромъ.

— Вы?

— Я, сударыня.

— Я вѣдь вамъ предсказывала, мой милый капитанъ, что вы будете рыцаремъ, но если я не ошибаюсь, этотъ рыцарскій орденъ предписываетъ слишкомъ строгія правила.

— Сударыня, онъ предписываетъ только три обѣта: бѣдность, повиновеніе и безбрачность.

— А! Вы произнесете этотъ тройной обѣтъ бѣдности, повиновенія, и.... и это я привезла вамъ это позволеніе! Вѣдь до чего доводить незнаніе!... Но когда же вы думаете привести въ исполненіе этотъ прекрасный планъ?...

Но д'Эди уже не слыхалъ болѣе; что-то особенное вдалекѣ, казалось, привлекало его взоръ, ибо онъ высунулся изъ окна, обращеннаго по морю.

— Что это значитъ? вскричалъ онъ: огонь на берегу! Безъ важныхъ причинъ этого не можетъ быть!... Ибо, чтобъ его видѣть на такомъ разстояніи, нужно, чтобъ онъ былъ на мѣстѣ очень-возвышенномъ надъ нашими бастіонами. Сударыня, сказалъ онъ, обращаясь къ своей собесѣдницѣ: я долженъ отдать

приказанія касательно этого страннаго происшествія; позволите ли вы мнѣ васъ оставить, ибо это по долгу службы.

И онъ вышелъ послѣ этого извиненія передъ Параберъ, которая съ досадою пожала плечами.

Въ это время постучали въ дверь, противную той, изъ которой д'Эди вышелъ и показался управляющій замка.

— Г-нъ генералъ-капитанъ! сказалъ онъ, входя.

— Его здѣсь нѣтъ. Что тебѣ надо?

— Молодая дѣвушка у воротъ замка, и хочетъ съ нимъ говорить.

— Молодая дѣвушка, здѣсь.... уже.... Какъ, только что вчера онъ самъ успѣлъ пріѣхать сюда.... и уже имѣлъ время.... Да что ей надо? Важное что-нибудь, что ли?... онъ очень занятъ, какъ онъ мнѣ самъ сейчасъ сказалъ.

— Она отвѣчала, что не можетъ сказать причину ея прихода, но должно быть что нибудь важное.... она, бѣдняжка, въ такомъ положеніи....

— По-крайней-мѣрѣ, сказала ли она свое имя?

— О что касается до этого ... ее зовутъ Ан.... Ау.... Аиша кажется.

— Аиша!... сказала про себя Параберъ.... можетъ ли быть!... Вотъ странность-то! Три года тому назадъ, она отняла отъ меня сердце Регента, и вотъ теперь, нарочно возвращается въ Бретань, чтобы отбить у меня единственнаго обожателя, на котораго я теперь расчитываю и за которымъ отправилась въ такую даль. О! это уже слишкомъ.... Я тотъ разъ поступила слишкомъ милостиво, но нужно же наконецъ, чтобъ я кончила тѣмъ, чѣмъ обыкновенно начинаютъ всѣ женщины.... местію!

— Мой другъ, сказала она управляющему: не нужно пускать эту незнакомку къ д'Эди, это его разсѣетъ въ его важныхъ занятіяхъ и будетъ противно предписанію его высочества Регента, который, по добротѣ своей, черезъ меня велѣлъ отдать эти 10 лундоровъ управляющему своему въ замкѣ Плегатъ-Регандъ.

— Сударыня, все будетъ исполнено какъ вамъ угодно, отвѣчалъ управляющій, принимая за настоящую монету слова и монеты ревнивицы.... эта незнакомка не будетъ допущена.

— А! г нъ рыцарь, вскричала радостно Параберъ, когда осталась одна. Такъ то вы приготовляетесь къ обѣтамъ Мальтійскаго рыцарства. Еще счастливо, что я тутъ случилась.

Черезъ нѣсколько минутъ д'Эди вошелъ, но только чтобъ пожелать фавориткѣ пріятной ночи, ибо, безъ-сомнѣнія, усталость и

происшествія дороги дѣлали ей сонъ необходимымъ. Послѣ онъ ушелъ, не замѣтивъ даже злую улыбку на губкахъ его вѣроломной и вмѣстѣ прелестной непріятельницы.

IX.

РОСКОВЪ.

Росковъ маленькій очаровательный городокъ, выдавшійся въ море, подобно кораблю на якорѣ. Въ окрестностяхъ его зеленѣютъ луга и тучныя пастбища, которыхъ великое и исключительное плодородіе поддерживаетъ, кажется, море своимъ подземнымъ разливомъ. Тамъ и сямъ виднѣются мызы, сельскія убѣжища, назначенныя скорѣй для отдыха влюбленной четѣ, нежели для чего-либо болѣе положительнаго. Маленькая дорожка, усаженная акаціями, ведетъ къ одной изъ тѣхъ мызъ, самой чистенькой и изящной изъ всѣхъ, скрытой вполовину за огромными деревьями, которыхъ листья начинаютъ уже краснѣть отъ вліянія осенняго воздуха.

Передъ входомъ, на скамьѣ, сидитъ женщина съ прялкой. Красота этой женщины ангельская; тонкая блѣдность ея еще разительнѣе выказываетъ блескъ большихъ черныхъ глазъ ея. У ногъ ея лежитъ большая деревенская собака, неусыпный сторожъ, нарочно, кажется, поставленный, оберегать такое сокровище. День клонится къ вечеру. Молодая женщина, обращенная къ морю, бросаетъ, по временамъ, на солнце, готовое исчезнуть въ волнахъ океана, среди ореолы толстыхъ черныхъ тучъ, взглядъ, исполненный глубокой меланхоліи.

Эта молодая женщина Черкешенка Аиша, избѣгшая, какъ бы чудомъ, всѣхъ опасностей, которыя угрожали ея свободѣ и самому ея существованію послѣ угощенія, сдѣланнаго ея господиномъ, лучше сказать, ея преслѣдователемъ, сержанту Ивону и береговымъ стражамъ. Но съ того времени обстоятельства перемѣнились. Въ этомъ отношеніи необходимы нѣкоторыя поясненія. Читатель узнаетъ ихъ изъ слѣдующаго разсказа: д'Эди и Ивонъ, которыхъ оставили мы въ то время, какъ они, вооруженною рукою располагались войти въ замокъ Плегатъ-Герандъ, не нашли въ немъ бунтовщиковъ. Тщетно проискавъ офицера, отъ котораго они хотѣли избавиться, они оставили замокъ, что-

бы отправиться въ Морле. Но вскорѣ они были извѣщены, что планъ ихъ былъ узнанъ.

Приняты были всѣ мѣры предосторожности; они остановились и ими овладѣлъ паническій страхъ. Мы займемъ у исторіи нѣсколько подробностей о томъ, чѣмъ кончилось это дѣло.

«Разсѣяннымъ заговорщикамъ оставалось послѣднее средство— «назначить на слѣдующее 7-го октября большое собраніе въ лѣсу «Ноэ. Пятьдесятъ дворянъ, каждый съ вооруженнымъ слугою, «должны были находиться тамъ; составленъ былъ планъ пере- «нестись на Ренн и похитить оттуда маршала Монтескіу. Безум- «ная надежда! На мѣстѣ собралось только одиннадцать человѣкъ. «Нѣсколько отрядовъ войскъ выходятъ въ тоже время изъ засадъ; «всякое сопротивленіе исчезло, и не раздается ни одного ружей- «наго выстрѣла.... Эти дворяне, столь гордые наканунѣ, не по- «гибаютъ въ мужественной борьбѣ, но убѣгаютъ, какъ добыча, «ушедшая отъ королевской палаты, которая осудила ихъ въ Нан- «тѣ.»

Испанскій флотъ, не видя маяка, погашеннаго д'Эди, поздно показался у береговъ и укрылъ только немногихъ бѣглецовъ. Ферріоль былъ изъ числа тѣхъ, которые не могли достичь кораблей Филиппа V; но, счастливѣе многихъ своихъ сообщниковъ, онъ избѣгъ преслѣдованія, несмотря на всю неутомимую дѣятельность Ивона.

Параберъ, напуганная встрѣтившимися ей опасностями и исцѣленная, впрочемъ, отъ легкаго припадка кокетства, который былъ, можетъ быть, тайною причиною ея бѣдственнаго наѣзда, возвратилась въ Парижъ. Садясь въ карету (окруженную, въ этотъ разъ, конвоемъ), въ которой она должна была проѣхать Бретань въ послѣдній разъ, она поклялась въ вѣчной дружбѣ д'Эди и своей соперницѣ, которой несчастія и преданность глубоко тронули ее.

Что же касается до Аиши, которую бѣгство Ферріоля освобождало наконецъ отъ долгаго рабства, то д'Эди выбралъ ей убѣжище въ Росковѣ, между тѣмъ какъ обязанности призывали его въ Нантъ, гдѣ велъ онъ слѣдствіе надъ мятежниками. Тамъ-то, на маленькой мызѣ, обработываемой фермеромъ д'Эди, предавалась Аиша той сладкой задумчивости, которая часто дороже самаго счастія. Тамъ то оживала она въ мирѣ и свободѣ. Неумолимый образъ Ферріоля не преслѣдовалъ ея въ сновидѣніяхъ и тѣнь его не ложилась на этотъ новый солнечный лучь.

Д'Эди хотѣлъ перевести Аишу съ собой въ Парижъ, но окон-

чаніи своего порученія въ Бретани; но она воспротивилась ему и упросила его позволить ей навсегда остаться въ мирномъ своемъ убѣжищѣ.

Однако, надежда побѣдила ея рѣшимость и бросила новые живые корни въ двадцатилѣтнемъ ея сердцѣ. Нечувствительно она привыкала къ мысли любить вѣчно, какъ брата того, котораго женою она отказалась быть. Въ отсутствіи обожаемаго предмета любовь ея сдѣлалась еще сильнѣе. — Бѣдная Аиша! Въ своихъ мечтахъ о будущемъ, она забывала свое прошедшее, столь горькое, столь оскорбительное, въ особенности. Она видѣла себя юною, невинною дѣвушкою, сидящею подъ вѣковымъ деревомъ сада, обрисованнаго Ленотромъ, въ старомъ отелѣ улицы Кюльтюръ Сентъ-Катеринъ, еще до того времени, когда развратный вельможа осквернилъ ея невинность; когда слухъ ея не поражали вольныя слова Регента.

Предаваясь этимъ мыслямъ, она не замѣчала, что солнце уже сѣло, и что къ чернымъ тучамъ, за которыя оно закатилось, прибавились новыя, которыя покрыли окрестность погребальнымъ саваномъ. Уже крупныя капли воды начинали падать на лицо и волосы Черкешенки; уже огромная собака, лежавшая у ея ногъ, стала потряхивать ушами и вертѣть хвостомъ, бросая безпокойные взгляды на свою молодую госпожу, которая, погрузившись въ сладкую мечту и безчувственная къ внѣшнему міру, продолжала прясть. Она долго бы осталась въ такомъ положеніи, еслибъ мызникъ съ своей женой, старинные слуги кавалера д'Эди и его семейства, не показались вдругъ на порогѣ жилища и не обратились бы къ ней съ вопросомъ на бретонскомъ нарѣчіи, которое Аиша начинала немного понимать.

— Ну, о чемъ же вы думаете, прелестная сударыня? Ужинъ уже давно готовъ; всѣ люди собрались и дожидаются васъ. Идите скорѣй, пожалуйста, потому-что Богъ посылаетъ славную погоду.

Въ-самомъ-дѣлѣ, въ эту минуту буря разразилась, и молодая дѣвушка поспѣшно укрылась въ ферму съ своими хозяевами.

Въ фермѣ накрытъ былъ столъ въ низенькой комнатѣ, которой стѣны закопчены были дымомъ и испачканы мухами. Эта комната, судя по мебели, которая была разставлена въ ней, служила спальнею, столовою и кухнею. Мебель въ ней состояла изъ большой кровати съ выточенными столбами и съ балдахиномъ изъ зеленой саржи, изъ квашни, въ довольно плохомъ состояніи, и изъ ассортимента кружекъ, кострюль, сковородъ и ухватовъ. Стѣны не были оклеены обоями, но были увѣшаны грубыми, раскрашен-

ными эстампами, изображающими благочестивые предметы съ необходимыми надписями въ прозѣ или въ стихахъ. Грязная лампа, поставленная на столѣ, не могла бы освѣщать хорошо этого жилья, еслибъ огонь, сверкавшій весело на очагѣ, подъ огромнымъ навѣсомъ, не придавалъ сценѣ, которую мы хотимъ описывать, болѣе яркаго блеска.

Просушивъ предъ очагомъ въ нѣсколько минутъ свое платье, непощаженное дождемъ, Черкешенка сѣла за столъ, на почетное мѣсто, которое уступлено было ей, по приказанію кавалера д'Эди, окруженная вниманіемъ собесѣдниковъ.

Всѣ эти добряки, начиная съ перваго работника на фермѣ, старшаго сына мызника, до послѣдней служанки, учтиво встали съ своихъ мѣстъ, при входѣ Аиши, и заняли свои мѣста только, когда она сѣла за столъ. Каждый пробормоталъ про себя молитву, и ужинъ начался. Сначала всѣ молчали. Въ Бретани не любятъ впрочемъ дѣлать разомъ два дѣла; а однимъ изъ нихъ всѣ собесѣдники, за исключеніемъ Аиши, занимались, какъ нельзя лучше. Буря между тѣмъ ревѣла съ яростію. Вѣтеръ дулъ въ трубу и сыпалъ изъ нея золу на столъ. Дождь ударялъ въ листья деревъ и въ окна мызы. Для людей, привыкшихъ къ однообразной сельской жизни, волненіе стихій всегда причиняетъ болѣе безпокойства и иногда даже страха, нежели для городскихъ жителей, потому что тамъ впечатлѣніе гораздо рѣже, чѣмъ въ городѣ. Поэтому-то ужинъ въ маленькой фермѣ кавалера д'Эди, близъ Роскова, имѣлъ въ этотъ разъ торжественный и почти печальный характеръ.

Аиша прервала молчаніе.

— Вы возвратились, Жанникъ, сказала она старшему сыну мызника, который цѣлый день провелъ въ отсутствіи, покупая на ярмаркѣ, въ шести миляхъ отъ Роскова, скотъ и другіе припасы; хорошо ли вы обдѣлали свои дѣла и не слыхали ли тамъ чего нибудь?

— Дѣла, кажется, обдѣлалъ не дурно, прелестная сударыня, по милости моего святаго патрона, которому я усердно помолился, но вѣсти не добрыя для нашего бѣднаго бретанскаго дворянства. Всѣ бунтовщики теперь задержаны, за исключеніемъ двухъ или трехъ, за которыми послана погоня, и бѣда имъ, если они попадутся, потому-что дѣло идетъ о ихъ головахъ.

— А говорятъ-ли, возразила Аиша, кто эти двое или трое?

— Я слышалъ ихъ имена, да забылъ, потому что они не наши земляки.

— О, Боже, проговорила въ полголоса Черкешенка, Боже! не?....

Она не кончила, потому-что въ эту минуту залаяли на дворѣ собаки и среди рева вѣтра и шума дождя послышался сильный стукъ въ ворота.

— Кого это несетъ въ такой часъ и въ такую пору, вскричалъ фермеръ.

—Мнѣ кажется, возразилъ Жанникъ, что это кто-нибудь изъ заговорщиковъ, котораго ищетъ королевская Палата по всей Бретани. Никто не хочетъ принять ихъ, потому что судьи объявили, что всякій, кто дастъ имъ убѣжище, будетъ взятъ съ ними и осужденъ, какъ ихъ сообщникъ.

— Что же дѣлать, Боже мой? вскричала фермерша.

— Не станемъ двигаться съ мѣста, возразилъ Жанникъ: кто бы тамъ ни былъ; видя, что никто не отпираетъ, устанутъ стучать и отправятся дальше.

Въ самомъ дѣлѣ, отъ отчаянія ли, или отъ другой какой причины, въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ перестали стучать въ вороты; но когда вѣтеръ и дождь удвоили свою ярость, стукъ начался снова.

— Можетъ быть, проговорила Черкешенка, это какой-нибудь бѣдный, беззащитный путникъ, котораго захватила на дорогѣ буря. Безчеловѣчно было бы оставить его умирать такимъ образомъ отъ голода и стужи на порогѣ жилища. Если вы вѣрите мнѣ, Жанникъ, то возьмите фонарь и посмотрите сами, кто тамъ такой.

Хозяева мызы, покорные наставленіямъ кавалера д'Эди, привыкли повиноваться желаніямъ молодой дѣвушки, какъ оракулу. Жанникъ поспѣшно всталъ изъ-за стола, и, черезъ минуту, вошелъ въ залу, съ двумя незнакомцами, высокаго роста, которыхъ грубыя одежды были испачканы грязью и промочены дождемъ.

Незнакомцы, которыхъ черты лица скрыты были широкими полями соломенныхъ шляпъ, надвинутыхъ на брови, и густыми бородами, молча сѣли у очага. Тогда они сняли свои шляпы и, при свѣтѣ огня, упавшаго на блѣдное лицо одного изъ нихъ, Аиша съ судорожнымъ трепетомъ узнала въ немъ графа де Ферріоля. Другой былъ Марино Марини.

— Теперь, сказалъ Жанникъ, обращаясь къ новоприбывшимъ: вы покажете намъ ваши бумаги. Безъ этого, мы не можемъ оказать вамъ гостепріимства.

Графъ и его товарищъ обмѣнялись взглядомъ, въ которомъ от-

ражалось отчаяніе. Но вдругъ Маринн затрепеталъ и быстро указалъ Ферріолю на Черкешенку, которая, блѣднѣе смерти, смутнымъ взоромъ озирала того и другаго. Изумленіе и радость просіяли на лицѣ графа.

— У насъ нѣтъ бумагъ, сказалъ, онъ глухимъ голосомъ, но здѣсь есть нѣкто, который насъ знаетъ, и который не откажется, безъ сомнѣнія, отвѣтить за насъ.

Въ это время онъ поднялся, и, приблизился къ молодой дѣвушкѣ.

— Анша, сказалъ онъ тихо: насъ должно спасти. За нами гонятся съ утра, какъ за хищными звѣрями. Ночью, потеряли нашъ слѣдъ, но насъ ищутъ; отряды солдатъ въ эту минуту рыскаютъ по окрестностямъ, и если намъ откажутъ здѣсь въ гостепріимствѣ, мы погибли. Анша! Я спасъ тебя нѣкогда изъ рукъ палачей, хочешь-ли ты теперь заплатить свой долгъ?

Молодая дѣвушка нѣсколько минутъ не отвѣчала ни слова. Сердце болѣзненно сжалось въ ея груди; ее снова связывала цѣпь; но таково было видимое и неумолимое опредѣленіе судьбы. Нужно было покориться.

— Богу угодно, проговорила она: Богу угодно. Да будетъ Его святая воля! Я слѣдовала за вами, изгнанникомъ, прибавила она, обращаясь къ Ферріолю: я не измѣню вамъ. Друзья мои, я знаю этихъ людей и прошу васъ оказать имъ гостепріимство. Если что случится, я одна отвѣчаю за все.

Едва Анша окончила эти слова, какъ новоприбывшіе окружены были уже всѣми людьми, находившимися на фермѣ. Одни разводили огонь и сушили платье Ферріоля и Маринн; другіе принесли пищу, на которую два заговорщика бросились съ жадностью, потому-что цѣлый день ничего не ѣли. Отогрѣвшись и насытившись, они, по приглашенію мызника, встали, вмѣстѣ со всѣми присутствующими, на колѣни, чтобы возблагодарить Бога за все ниспосланное, и Ферріоль, въ первый разъ въ своей жизни, не могъ не обратить взора своего къ небу, которое послало ему встрѣтить въ бѣдной бретанской мызѣ бѣдную дѣвушку, съ которой онъ такъ жестоко обходился, и которая отмщала ему спасеніемъ его отъ смерти.

По окончаніи молитвы, каждый удалился, и какъ на бѣдной фермѣ кавалера д'Эди не было постелей, то путешественникамъ отведенъ былъ для ночлега сарай, набитый превосходнымъ сѣномъ. Въ эту минуту, Маринн, непроронившій во все время ни одного слова, открылъ наконецъ свой ротъ.

— Ну, графъ, сказалъ онъ, съ удовольствіемъ потягиваясь на роскошной соломѣ: по милости великодушной нашей заступницы, Святой Кунигунды, мы славно попили, славно поѣли и покуда въ безопасности отъ гонителей, которыхъ чортъ бы побралъ съ ихъ Регентомъ и аббатомъ Дюбуа! Но я сомнѣваюсь, чтобы насъ оставили здѣсь въ покоѣ. Дождь пересталъ и луна тотчасъ же взойдетъ. Не станемъ дожидаться здѣсь дня; а отдохнувъ немного, отправимся-ка скорѣй въ путь. Мы не въ безопасности, чортъ возьми и я боюсь обыска.

— Что̀ касается до меня, возразилъ Ферріоль, съ философскою безпечностью, которая скрывала въ эту минуту, быть-можетъ, совершенно другое чувство, возбужденное при видѣ прелестной его питомицы, то мнѣ здѣсь прекрасно, и я остаюсь. Эта бродяжническая жизнь, которую влачимъ мы цѣлый мѣсяцъ, начинаетъ утомлять меня. Что̀ же дѣлать, любезный Марини? Мы захотѣли слишкомъ многаго и проиграли партію. Теперь намъ приходится платить. Никто не можетъ спасти насъ. И когда придетъ часъ платежа, то есть, смерти, то утѣшительно будетъ, по крайней мѣрѣ, платить вмѣстѣ.

— Что̀ вы говорите, графъ? Заплатить! заплатить! Клянусь Святой Кунегундой, я хочу играть; но я не плачу̀.

— Однако жъ, это необходимо. Если вы и уйдете отсюда, то что̀ же изъ этого выйдетъ? Кругомъ солдаты, а на границахъ полиція. Что̀ ни дѣлайте, а вы не избѣгнете ихъ.

— Э, да перестаньте, любезнѣйшій говорить объ этомъ. У меня волосы поднимаются дыбомъ отъ этого.

— Полно, любезнѣйшій Марини, вы участникъ въ седьмомъ заговорѣ? Если бъ кто услышалъ васъ, то, навѣрное, принялъ бы васъ за новичка.

— Послушайте, графъ, мнѣ пришла идея, славная идея.

— Говорите.

— Если бъ одинъ изъ насъ могъ избѣжать участи, которая ожидаетъ его, то не славно ли было бы это для его семейства, его друзей?....

— Семейство!.... Друзья!.... У меня ихъ нѣтъ уже.

— А, это другое дѣло. Вы однако жъ забываете эту очаровательную малютку, которую мы встрѣтили; все равно! Хотите ли бросить жребій, кому не быть убитымъ?

— Я не могу понять.

— На-тѣ двѣ соломенки.... тяните.

— Но, для чего?

— Для чего? Для чего?.... Да развѣ вы не понимаете, что если одинъ изъ насъ пойдетъ донести на другаго въ Росковъ, то онъ будетъ непремѣнно помилованъ. Тяните-ка съ Богомъ.

— Я, никогда! Ваше предложеніе безчестно, синьоръ Маринн.

— Графъ!

— И я былъ глупъ, что ожидалъ отъ васъ чего-нибудь другаго.

— Оставимъ это, графъ, если вамъ не нравится. Но вы въ самомъ дѣлѣ, не правы; тѣмъ болѣе, прибавилъ онъ въ умѣ, что я принялъ свои мѣры для выигрыша.

Послѣдовало молчаніе. Потомъ Маринн возразилъ:

— Говорятъ, что утро вечера мудренѣе. Такъ заснемъ же. Прощайте, графъ. Да сохранитъ насъ Святая Кунигунда!

Затѣмъ Маринн растянулся на соломѣ и черезъ минуту захрапѣлъ на весь сарай. Графъ долго не могъ заснуть, наконецъ, усталость одолѣла его и лучъ мѣсяца, пробившійся въ сарай черезъ отверстіе, сдѣланное вмѣсто окна, ударилъ прямо въ лицо спящему. Въ эту минуту Маринн тихонько приподнялся и, медленно придвинувшись къ нему, съ глубокимъ вниманіемъ посмотрѣлъ въ лицо своему товарищу, которое представляло какое-то смутное сходство съ профилемъ покоющагося льва. Удостовѣрившись хорошенько въ томъ, что де-Ферріоль погруженъ въ глубокій сонъ, Маринн всталъ, вынулъ изъ своего кармана клочекъ бумаги, который разсмотрѣлъ онъ, при свѣтѣ луны, съ дьявольскою улыбкою и проворчалъ сквозь зубы.

— А! вы хотите донести на меня, графъ! Спасибо! Спите дотѣхъ-поръ, пока не услышите чего-нибудь отъ меня, а я утекаю.

Сказавъ это, онъ съ удивительною легкостью, влезъ въ отверстіе, о которомъ мы говорили и которое выходило въ поле, и быстро пошелъ по направленію въ городъ Росковъ.

Менѣе чѣмъ черезъ часъ послѣ этого, графъ де-Ферріоль, пробудившись внезапно въ сараѣ, гдѣ онъ нашелъ убѣжище, при свѣтѣ многихъ фонарей, увидѣлъ себя окруженнымъ солдатами, вооруженными съ ногъ до головы, и какъ бы въ ужасномъ кошемарѣ услышалъ эту страшную обычную фразу, произнесенную гнусливымъ голосомъ:

«Именемъ короля, арестую васъ, графъ де-Ферріоль, какъ преступника противъ особы его величества».

X.

МИНИСТРЪ И ФАВОРИТКА.

Если мы перенесемся мыслію въ Парижъ, въ Пале-Ройяль, мы найдемъ монсеньера Регента въ его кабинетѣ, бесѣдующаго съ его преосвященствомъ, архіепископомъ Камбрэскимъ, или его превосходительствомъ министромъ, государственнымъ секретаремъ иностранныхъ дѣлъ, потому что таковъ былъ, съ недавняго времени, двойной титулъ аббата Дюбуа. Филиппъ Орлеанскій сидитъ у стола, на которомъ, на кучѣ бумагъ, лежатъ послѣднія депеши изъ Бретани. Первый его министръ стоитъ подлѣ него, облокотившись фамиліярно на ручку его креселъ, и смотритъ на него съ недовольнымъ видомъ.

— И такъ, ваше высочество, сказалъ архіепископъ: ваша милость принесла свои плоды. Заговоръ Селлямарскій, отпущенный вами, породилъ возмущеніе Бретани; я вамъ говорилъ это. Этотъ дряблый заговоръ, какъ гнилое дерево, имѣлъ множество развѣтвленій. Вы хотѣли посѣять милость и собираете безпорядокъ, Прекрасно.

— Ба! есть отчего приходить въ гнѣвъ за невинную прогулку нѣсколькихъ дворянчиковъ, показавшихся съ оружіемъ въ рукахъ и которые, какъ воробьи, разсѣялись безъ ружейнаго выстрѣла?

— Тѣмъ не менѣе хотѣли они отдать берега Бретани Испанцамъ и поднести ваше регентство вашему благородному двоюродному братцу Филиппу V, который лучше бы ниспровергъ регенство Альберони.

— Увѣренъ ли ты въ этомъ преступномъ планѣ?

— Увѣренъ ли я, ваше высочество? Вотъ, прочтите это письмо, адресованное испанскимъ королемъ къ одному изъ заговорщиковъ. Оно написано собственною рукою Филиппа V.

Въ то же время Дюбуа поднесъ Регенту таинственную записку, привезенную во Францію такимъ страннымъ образомъ, въ бутылкѣ малагскаго вина, записку, которой содержаніе не безполезно, можетъ быть, повторить здѣсь:

«Сіёръ де-Мелакъ Гервьё привезъ мнѣ предложеніе отъ бре«танскаго дворянства, относящіеся до двухъ державъ. Я полага«юсь на то, что сказанный сьеръ отвѣтитъ имъ отъ моего име-

«ни. Но я самъ увѣряю ихъ здѣсь, что мнѣ пріятно видѣть ихъ «готовыми на славное дѣло и что я подкрѣплю ихъ, какъ могу, «радуясь тому, что имѣю случай оказать имъ уваженіе, которое «питаю къ такимъ вѣрнымъ подданнымъ короля, моего пле«мянника, которому желаю только добра и славы.

«Въ лагерѣ Сенъ-Естевана, 22 іюня, 17»9.

«Филиппъ».

— Ну, что вы скажете на это, ваше высочество?

— Я скажу, что братецъ мой, испанскій король страстно, кажется, завидуетъ моему мѣстечку и что это меня удивляетъ

— Почему же?

— Потому что я вовсе не завидую его.

— Тѣмъ болѣе причины для него, ваше высочество.

— Знаютъ ли, по крайней мѣрѣ, кому адресована эта записка?

— Нѣтъ, ваше высочество. Кавалеръ д'Эди, приславшій мнѣ ее, упустилъ единственнаго человѣка, который бы могъ бы навести насъ на толкъ.

— Кого же?

— Нѣкоего Марино Марини, Италіянца на испанской подкладкѣ, присвоившаго себѣ титулъ графа святой римской имперіи, одного изъ тѣхъ интригантовъ, которыхъ имя замѣшено во всѣхъ болѣе или менѣе преступныхъ козняхъ, волновавшихъ Европу въ послѣдніе годы.

— Марини! Дѣйствительно, я припоминаю это имя; но, удивляюсь, что д'Эди, благородный и вѣрный подданный выпустилъ этого человѣка.

— Этотъ человѣкъ открылъ убѣжище одного изъ самыхъ отчаянныхъ враговъ вашего высочества, графа де-Ферріоля и невозможно было иначе одобрить измѣну.

— Ну, такъ; я это знаю, одно изъ твоихъ любимыхъ правилъ, но д'Эди....

— Сверхъ того, папскій нунцій вмѣшался въ это дѣло. Его святѣйшество, кажется, интересуется немного этимъ Марини.

— А ты хочешь быть кардиналомъ! Теперь я начинаю понимать; но не слѣдовало обвинять д'Эди, когда, безъ-сомнѣнія, это ты его уполномочилъ....

Доставить тайно Марини средство къ побѣгу. Правда, ваше высочество; но есть случай, когда подчиненный долженъ имѣть довольно ума, чтобы не повиноваться приказанію. Этотъ д'Эди храбръ и преданъ, но не смыслитъ ничего въ политикѣ.

— Къ счастію, что ты смыслишь въ ней за себя и за многихъ другихъ.

— Ваше высочество, вы слишкомъ милостивы.

— Ты заносчивъ Дюбуа.

— Я желаю быть тѣмъ, чѣмъ угодно быть вашему высочеству, даже кардиналомъ и папою, если нужно. Между-тѣмъ, я требую отъ васъ, на этотъ разъ, честнаго слова, что вы предоставите мнѣ дѣйствовать по моему произволу, въ вашу пользу и въ пользу государства въ этомъ глупомъ бретанскомъ заговорѣ. Ради Бога, только не мѣшайте мнѣ. Я не хотѣлъ отправить этихъ неучей въ реннскій парламентъ, который подалъ имъ примѣръ возмущенія. Я предпочиталъ добрую, безпристрастную и составленную мною самимъ коммиссію. Вы подпишите мнѣ полномочіе и приговоры ея будутъ исполнены немедленно, безъ аппеляціи.

— Въ умѣли ты? Употреблять жестокія мѣры противъ этихъ дикихъ звѣрей, которые осрамили бы поселянъ, на которыхъ они походятъ, если бъ они не были дворянами! Пусть они живутъ, они такъ не искусны!

— Когда дѣло не чисто, тутъ-то и не надо никогда щадить не искусныхъ, ваше высочество. Эти-то и начинаютъ опять!

— Но они на вѣкъ будутъ напуганы, если представлены были однажды въ судъ.

— Нисколько, ваше высочество. Въ этой полудикой странѣ милость ваша не будетъ имѣть ровно никакой пользы, и если не отрѣжутъ имъ головы, они ничего не поймутъ въ вашей цивилизованной логикѣ. Предоставьте мнѣ дѣйствовать, и если въ этотъ разъ возмущеніе не будетъ совершенно искоренено, я оставляю вамъ поле дѣйствія при третьей попыткѣ. Подумайте объ этомъ, ваше высочество. Здѣсь дѣло шло болѣе чѣмъ о возмущеніи, о измѣнѣ: хотѣли ввести иностранца во Францію.

— Ты хочешь этого?.... ну, пусть такъ. Я согласенъ на это, сказалъ регентъ, которому слово измѣна внушало ужасное негодованіе. Что же нужно подписать тебѣ?

Въ то же время, Регентъ разсѣянно взялъ со стола перо и уже приготовлялся подписать, не читая бумаги, которыя представлялъ ему его министръ, какъ дверь кабинета, въ которомъ происходила эта сцена, съ шумомъ отворилась, и швейцаръ скороговоркою доложилъ о пріѣздѣ г-жи де-Параберъ. Регентъ и Дюбуа задрожали; но, разумѣется, отъ совершенно различныхъ

впечатлѣній. Министръ не могъ удержать проклятія, сорвавшагося съ его языка:

— Чортъ побери женщинъ, которыя мѣшаютъ дѣламъ!

Но Регентъ улыбнулся и тихо отвѣчалъ:

— Ты ошибаешься, другъ мой, посылая женщинъ къ дьяволу; это онѣ посылаютъ насъ къ нему.

Въ эту минуту фаворитка вошла въ кабинетъ. Нездоровье задержало ее на нѣсколько дней въ Реннѣ, гдѣ присоединился къ ней курьеръ кавалера д'Эди. Она въ первый разъ являлась въ Палеройялѣ послѣ своего путешествія. Филиппъ Орлеанскій съ удовольствіемъ услышалъ ея имя, тѣмъ болѣе, что онъ уже усталъ отъ политическаго разговора и вовсе не ожидалъ такого пріятнаго разсѣянія.

— Мнѣ необходимо было снова увидѣть друга, сказалъ онъ прелестной путешественницѣ, послѣ семейнаго несчастія, которое постигло меня (*). Скажите мнѣ, моя прекрасная, въ какой степени долженъ я сдѣлаться народнымъ въ Бретани, такъ какъ вы тамъ представляли меня.

— Ну, поздравляю васъ, ваше высочество, съ вашею прекрасною Бретанью. Разбойники, заговорщики, нападенія на дорогѣ, настоящая осада въ вашемъ замкѣ Плегатъ-Герандъ... вотъ результатъ моего путешествія для удовольствія.

— Въ самомъ дѣлѣ, я припоминаю, что вы мнѣ написали объ этомъ очаровательное письмо....

— За отвѣтомъ, на которое я пришла сама.

— Вотъ онъ, сказалъ Регентъ, нѣжно цѣлуя руку фаворитки.

Потомъ, обращаясь къ Дюбуа:

— По истинѣ, проговорилъ онъ, она еще болѣе разцвѣла. Не правда ли?

Министръ отвѣтилъ только гримасою, которою онъ хотѣлъ выразить свое удивленіе къ прелестямъ г-жи де-Параберъ, которая, наклонившись къ принцу, въ свою очередь, сказала ему на ухо.

— Что это дѣлается съ г-мъ Дюбуа? Онъ еще болѣе подурнѣлъ.

— Это съ того времени, какъ онъ сдѣлался архіепископомъ.

— Въ такомъ случаѣ, ваше высочество, я не желаю быть ему кардиналомъ, точно также, какъ и никогда не въ состояніи буду привыкнуть величать его вашимъ преосвященствомъ. Посмотрите на него, пожалуйста.

(*) Смерть герцогини Беррійской, его дочери.

Говоря это, молодая женщина захохотала такъ наивно, что Регентъ не могъ не послѣдовать ея примѣру. Дюбуа кусалъ себѣ губы, потому что хотя разговоръ и былъ веденъ на ухо, онъ легко догадался, что дѣло шло о немъ. Впрочемъ, не показываясь разсерженнымъ, онъ возразилъ холодно-ироническимъ тономъ:

— Во всякомъ другомъ случаѣ я не преминулъ бы раздѣлить веселость, которая позволяетъ вамъ, сударыня, выказать намъ самые очаровательные ваши зубки; но послѣ такого, по крайней мѣрѣ, печальнаго разговора, который имѣлъ я съ его высочествомъ, признаюсь, я тщетно силюсь вызвать на уста улыбку.

— Что же такое, спросила Параберъ?

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Регентъ: Дюбуа правъ, а я виноватъ; въ ту минуту, какъ вы вошли, онъ говорилъ мнѣ о строгостяхъ.... необходимыхъ....

— Между-тѣмъ какъ его высочество ожидаетъ отъ васъ только милостей.... Но можно ли ожидать много отъ васъ, сударыня? А я знаю, что играю не слишкомъ прекрасную роль.

— И, любезнѣйшій Дюбуа, да развѣ вы играли когда-нибудь лучшую?

— Дерзкая! Сударыня, я не менѣе его высочества восхищенъ, увидѣвъ васъ, послѣ столь долгаго отсутствія; но не можете ли вы отложить ваше посѣщеніе до другаго времени? Государственные дѣла требуютъ.... Я просилъ его высочество подписать..... Кромѣ того, еще свѣтло, и вы понимаете....

— Если свѣтло, то вы должны мнѣ уступить мѣсто, потому что если кто изъ насъ двухъ похожъ на ночную птицу, то не думаю, чтобы это была я.

Регентъ снова принялся хохотать — трудъ, который исполнялъ онъ отъ чистаго сердца. Впрочемъ, онъ довольно имѣлъ власти надъ собой и побѣдилъ свой смѣхъ.

— Но это никогда не кончится, вскричалъ онъ: если я не прерву вашей болтовни. Дюбуа, ты долженъ уступить мѣсто. Оставь насъ.

— Я ничего болѣе и не требую, ваше высочество, лишь бы только сначала вы подписали мнѣ эти бумаги.

— Что это за бумаги?

— Ваше высочество изволите знать. Это указъ королевской палатѣ, собранной въ настоящую минуту въ Нантѣ, чтобы приступить къ суду надъ мятежниками. Судъ этотъ долженъ

произнести приговоръ и исполнить его немедленно, безъ аппеляціи.

— Ты этого непремѣнно хочешь?

— Не я, ваше высочество, а государственная польза требуетъ того.

— Ну, такъ дай мнѣ перо и кончимъ.

— Остановитесь, ваше высочество, съ живостью вскричала Параберъ: не можете ли отложить до завтра эту строгую мѣру, которая должна погубить нѣсколько головъ?

— Все равно, сударыня, возразилъ Дюбуа, торжественнымъ тономъ, если эти головы принадлежатъ преступникамъ противъ особы его величества?

— Для меня вовсе не все равно, если день моего пріѣзда не будетъ отмѣченъ смертными приговорами, и его высочество, безъ сомнѣнія, не откажетъ мнѣ отложить это дѣло, хоть до завтра.

— Сударыня, курьеръ внизу и уже давно дожидаетъ.

— Ну, что жъ! Нужно отпустить его и дать ему отъ меня нѣсколько пистолей на водку, которую бы выпилъ онъ за здоровье Регента. Не такъ ли, ваше высочество?

— Этого не будетъ, сударыня, потому что его высочество вполнѣ убѣжденный въ необходимости окончить съ заговорщиками, далъ мнѣ въ томъ слово и располагался подписывать, когда вы вошли.

— Его высочество удостоитъ, по моей просьбѣ, перемѣнить мнѣніе.

Безстрастный и нѣмый, въ продолженіе этого послѣдняго спора, Филиппъ Орлеанскій заботливо избѣгалъ взглядовъ очаровательницы, которыхъ власть была ему слишкомъ знакома. Раздраженный такимъ поступками своего господина, Дюбуа возразилъ холоднымъ, но твердымъ голосомъ.

— Его высочество свободенъ измѣнить своему слову; а я, съ своей стороны, свободенъ просить его, въ такомъ случаѣ, принять мою отставку и сложить съ меня званіе министра государственнаго секретаря.

Регентъ затрепеталъ; но г-жа де-Параберъ, отъ которой не скрылось его смущеніе отъ подобной выходки Дюбуа, тотчасъ же отвѣчала:

— А я, если его высочество подпишетъ, я оставляю тотчасъ же Пале-Рояль и клянусь не вступать въ него болѣе ни ногой.

Ну, ваше высочество, Дюбуа правъ; время идетъ; выбирайте изъ насъ двухъ.

— А! какое тиранство! проговорилъ Регентъ, бросая попеременно нерѣшительные взоры на двухъ совѣтниковъ во фракѣ и юбкѣ. Что̀ дѣлать? На что̀ рѣшиться?

Произошло молчаніе; потомъ, фаворитка какъ бы вдругъ рѣшилась на что̀-то.

— Послушайте, ваше высочество, сказала она: по крайней мѣрѣ, до подписанія бумагъ, вы не откажете мнѣ побесѣдовать со мною хоть четверть часа.

— Дюбуа, возразилъ немного смущенный принцъ: по совѣсти, я не могу отказать ей.

— Извольте, ваше высочество, отвѣчалъ Дюбуа, холодный и строгій. Чрезъ четверть часа я приду за отвѣтомъ.

Сказавъ это, прелатъ удалился и регентъ остался наединѣ съ фавориткой.

— Ну, скажите ли вы мнѣ наконецъ теперь, вскричалъ онъ: что за интересъ вамъ мѣшаться въ это дѣло? Развѣ въ числѣ заговорщиковъ есть кто-нибудь изъ вашихъ друзей?

— Кажется, никого, и однакожъ я обѣщала спасти одного,

— Кого?

— Я не знаю еще его имени.

— Вотъ славно! А кому вы дали такое обѣщаніе?

— Это моя тайна.

— Отъ часу не легче. Ужъ не парн ли это?

— Никакъ.

— Я лучше бы хотѣлъ этого, потому что то̀, что̀ вы требуете отъ меня, невозможно.

— Вы возьмете свое слово назадъ.

— Ни за что; ибо я положительно обѣщалъ Дюбуа отказаться на этотъ разъ отъ своего права помилованія, и не могу противорѣчить себѣ.

— Государственный мужъ!... Позвольте мнѣ, впрочемъ, припомнить вамъ, ваше высочество, что вы никогда не ограничивались однимъ рѣшеніемъ, когда оно было строго.

— Прежде, такъ; но теперь....

— Теперь же ваше высочество, вы не откажете мнѣ въ первой милости, которой требую я отъ васъ по возвращеніи, хоть въ вознагражденіе бѣдственнаго моего странствія. Ну, хотите ли сдѣлать условіе? Я вижу, что нужно быть благоразумнымъ.

Вы подпишите то, чего требуетъ отъ васъ аббатъ Дюбуа, и, въ тоже время дадите мнѣ бланкъ, для освобожденія одного изъ обвиненныхъ.

— Но если этотъ обвиненный виновнѣе всѣхъ.

— Право, я вовсе ничего о томъ не знаю. Да и что же за милость была бы ваша, еслибъ это былъ невинный!

— Повѣрьте, что мнѣ очень трудно не уступить вашей просьбѣ, но я, въ свою очередь, умоляю васъ отказаться отъ вашего плана совершенно противуположнаго выгодамъ государства. Требуйте отъ меня все, чего захотите, исключая этого; я готовъ жертвовать вамъ всѣмъ. Можетъ-быть, вамъ не нравится вашъ отель? Я вамъ дамъ другой. Хотите вы замокъ, герцогскій титулъ? говорите.

— Повторяю вамъ, ваше высочество, что я хочу только одного бланкета, о которомъ я говорила.

— А я повторяю, что это невозможно.

— Такъ потрудитесь позвать швейцара, чтобы онъ кликнулъ моихъ людей. Карета моя стоитъ у маленькихъ воротъ Палерояля.

— Какъ, вы еще не отослали ее? Развѣ вы не хотите отужинать со мной сегодня?

— У меня было смутное предчувствіе, ваше высочество, что это свиданіе будетъ послѣднее между нами. Въ этомъ случаѣ, оно должно быть какъ можно короче. И такъ, простите.

— О, вы не покинете меня такимъ образомъ, послѣ столь долгаго отсутствія, когда я вижу васъ снова, очаровательнѣе прежняго. Изъ сожалѣнія хоть, останьтесь здѣсь.

Вы сами знаете, что я всегда расположенъ къ снисхожденію; если я отказываюсь отъ него теперь, то вѣрьте, что того требуетъ необходимость. Къ тому жъ, что за нужда вамъ спасать человѣка, котораго вы не знаете. Если онъ осужденъ, ну что жъ можно доставить ему средство къ побѣгу. Болѣе, я ничего не могу сдѣлать.

Говоря это, Регентъ завладѣлъ миленькой ручкой, которую покрывалъ поцѣлуями; но г-жа де-Параберъ отдернула ее и встала.

— Ваше высочество, сказала она: четверть часа прошло, и я уступаю мѣсто аббату Дюбуа.

Въ эту минуту дверь отворилась и министръ вошелъ.

— Ну, что жъ, ваше высочество, вскричалъ онъ.

— Есть средство, любезнѣйшій Дюбуа, устроить это дѣло. Она согласна на то, чтобъ я подписалъ повелѣніе, которое ты тре-

буешь. Она требуетъ только бланкета для одного обвиненнаго, котораго не называетъ. Что скажешь на это?

Дюбуа помолчавъ нѣсколько минутъ и отвѣтилъ:

— Я согласенъ съ своей стороны, на одномъ только условіи. Этотъ бланкетъ не будетъ имѣть дѣйствія, если дѣло идетъ о томъ изъ мятежниковъ, которому адресовано было письмо испанскаго короля. Напишите это собственноручно, ваше высочество.

— Ну, довольны ли вы, моя красавица, сказалъ въ полголоса Регентъ, наклонясь къ фавориткѣ. Дюбуа, я увѣренъ, будетъ дуться на меня, по-крайней-мѣрѣ, цѣлую нелѣлю.

— А, весело возразила молодая женщина: еслибъ я не имѣла болѣе кредита, нежели министръ, и болѣе власти, нежели архіепископъ, не стоило бы труда быть прелестной подругой регента, какъ вы меня называете.

Сказавъ это, она схватила перо, вложила его въ руку Регента и начала водить пальцами его по бумагѣ, тихонько пожимая ихъ. Потомъ, сложивъ бланкетъ, она запечатала его и украдкой написала на обверткѣ: «Кавалеру д'Эди, въ Нантѣ».

Чрезъ нѣсколько минутъ, курьеръ, дожидавшійся на дворѣ Пале-Рояля, отправился во весь карьеръ, въ Нантъ, съ безжалостными повелѣніями, подготовленными министромъ и милостивымъ посланіемъ, выманеннымъ фавориткою.

Вечеромъ того же дня, большой ужинъ въ Пале-Роялѣ былъ отложенъ и его высочество регентъ ужиналъ одинъ въ своихъ маленькихъ покояхъ съ г-жою де-Параберъ.

XI.

ПЛОЩАДЬ БУФФЫ.

На востокъ отъ Нанта находится мрачный замокъ Буффы, въ которомъ былъ заключенъ Ферріоль. Здѣсь ждалъ онъ рѣшенія своей участи.

Рано утромъ вошелъ къ нему привратникъ и пригласилъ его въ залу трибунала, въ который уже былъ д'Эди.

— Я долженъ объявить вамъ, сказалъ онъ: рѣшеніе вашей участи. Васъ отошлютъ на судъ въ Парижъ.

Ферріоль старался скрыть свою радость.

— Я надѣюсь, продолжалъ д'Эди, что графъ Ферріоль избѣгнетъ

того наказанія, которое помрачило бы его имя. Кромѣ этого, я имѣю списокъ, въ которомъ помѣщенные мною особы воспользуются полною свободою. На немъ я основываю одну надежду.

— Я бы желалъ знать, чѣмъ могу заслужить ваше благородство? спросилъ Ферріоль.

— Вы должны это знать. Я полагаю, что, можетъ быть, вы сжалитесь надъ страданіями и безчестіемъ той дѣвушки, судьба которой была въ вашихъ рукахъ.

— Понимаю. Вы хотите, чтобъ я отказался отъ правъ своихъ на Аншу?

— Вы ошибаетесь. Только давши ей имя графини Ферріоль можно загладить предъ ней свою вину.

— О нѣтъ! Подобный бракъ также запятнаетъ благородное имя, какъ и судъ трибунала.

— Въ послѣдній разъ спрашиваю васъ, принимаете ли вы это условіе.

— Въ послѣдній разъ повторяю вамъ, что Ферріоль никогда не женится на своей невольницѣ. Трибуналъ не будетъ разбирать личныхъ отношеній, онъ будетъ судить виновнаго въ возмущеніи.

— Трибуналъ осудитъ на смерть измѣнника. Вамъ, графу Ферріоль, главѣ постыднаго заговора, принадлежитъ письмо на имя Филиппа V. Оно мнѣ доставлено Итальянцемъ Марини, который открылъ ваше убѣжище. Теперь въ моихъ рукахъ ваше спасеніе и ваша гибель.

Ферріоль былъ неподвиженъ. Холоднымъ потомъ покрылось лицо его.

— Графъ Ферріоль слишкомъ презираетъ рабство и не согласится на ваше предложеніе, хотябъ угрожалъ ему эшафотъ.

— Смотрите же! сказалъ д'Эдп, подведя Ферріоля къ окну. На площади стоялъ черный эшафотъ, окруженный рядомъ солдатъ. Вскорѣ показался конвой, сопровождавшій четырехъ человѣкъ съ скованными руками. Ферріоль ихъ узналъ: это были Коедикъ, Тальуе, Монлуп и Дюге де-Понкале.

Коедикъ вошелъ первый на эшафотъ, сохраняя все присутствіе духа и мужество, которымъ отличился въ битвахъ. Отсѣченная однимъ ударомъ голова его покатилась по полу и окровавила эшафотъ.

Монлуп не могъ войти по лѣстницѣ, солдаты внесли его. Тальуе былъ третій. Онъ умеръ не съ храбростью солдата, но съ

спокойствіемъ христіанина. Обнявъ священника, онъ положилъ на плаху свою голову. Понкале былъ послѣдній.

Блѣдность Ферріоля удвоилась, губы его судорожно сжались. Невольно закрылъ онъ глаза, какъ бы предъ страшнымъ видѣніемъ.

Сжальтесь! вскричалъ онъ задыхающимся голосомъ,—и гордый дворянинъ упалъ на колѣни.

Присутствіе духа его оставило, въ эту минуту онъ забылъ оскорбленную свою гордость, и ненависть уступила мѣсто ужасу.

— Сжальтесь! повторилъ онъ.

— Итакъ, сказалъ съ торжествомъ д'Эди: вы клянетесь дать Аишѣ имя графини Ферріоль.

— Все, что̀ хотите!

— Поклянитесь мнѣ вашей честію.

Послѣдовала минута молчанія. Ферріоль, казалось, колебался, но ужасная картина была свѣжа въ его памяти.

— Клянусь! сказалъ онъ.

— Завтра вы будете свободны. Въ день вашей свадьбы я вручу вамъ письмо ваше.

Д'Эди вышелъ. Нѣсколько минутъ Ферріоль стоялъ неподвижно.

XII.

ГРАФИНЯ ФЕРРІОЛЬ.

Въ отели Золотаго Льва Аиша перечитывала письмо д'Эди, который писалъ ей, что по разнымъ обстоятельствамъ онъ долженъ отправиться въ Мальту. Удаляясь отъ нее, и быть можетъ, безъ надежды когда либо увидѣться, онъ заклиналъ ее принять то̀, что̀ готовилось для нее. Въ эту минуту вошелъ человѣкъ и доложилъ о пріѣздѣ графа Ферріоля.

Аиша затрепетала при этомъ имени, связанномъ съ ея судьбою.

— Вы, конечно, меня не ожидали, сказалъ вошедшій Ферріоль, бросивъ на кресло свой плащъ.

— Нѣтъ. Но какія бы не были послѣдствія вашего освобожденія, я радуюсь за васъ.

— Не радуйтесь. Графъ Ферріоль избѣгнулъ постыдной смерти для безчестной жизни. Да! есть человѣкъ, который видѣлъ какъ блѣднѣлъ графъ Ферріоль и просилъ милости у ногъ его.

Эту милость оказалъ мнѣ вашъ покровитель, но съ условіями, которыя обязался я выполнить.

— Какія условія? спросила Аиша.

— Предложить вамъ свою руку и имя графини Ферріоль.

— Мнѣ!?

— Вы отъ этого не откажетесь. д'Эди этого хочетъ. Но вы знаете, что я раззорился. Совершивъ нашъ бракъ безъ торжества, безъ блеска, въ одной изъ церквей предмѣстья, мы тотчасъ же отправимся за границу подъ чужимъ именемъ. И такъ я иду распорядиться приготовленіями къ нашему браку и въ тоже время къ отъѣзду.

— Это напрасно, графъ! сказало третье лицо, появившееся въ дверяхъ. Это былъ д'Эди.

— Я предвидѣлъ, продолжалъ онъ, что вы, не отказываясь отъ исполненія нашего условія, постараетесь покрыть этотъ бракъ тайною. О вашемъ богатствѣ не заботьтесь. Аиша получитъ его отъ друга, отъ котораго имѣетъ полное право принять его не краснѣвши. Вы должны представить графиню Ферріоль всему французскому дворянству, которое соберется въ вашей отели.

— Но....

— Я хочу этого, сказалъ д'Эди понизивъ голосъ: вспомните безславный эшафотъ и четырехъ Британцевъ, друзей вашихъ.

— О! это оскорбленіе.... но оно будетъ послѣднимъ, проговорилъ Ферріоль. Я согласенъ. Графиня Ферріоль будетъ представлена. Довольны ли вы? д'Эди кивнулъ головою въ знакъ согласія. Нотаріусу поручено было написать актъ, въ которымъ Ферріоль между прочимъ помѣстилъ слѣдующее: что онъ, желая обогатить Аишу, оставляетъ ей въ даръ брилліанты, доставшіеся ему отъ покойной сестры его, на сумму въ 30 тысячъ ливровъ, съ тѣмъ, чтобы она сохраняла ихъ во всю жизнь. По смерти же ея они должны быть проданы и деньги отданы Ла-Рошу, камердинеру Ферріоля.

Чрезъ нѣсколько дней, въ церкви Св. Павла, въ присутствіи избраннаго общества Франціи совершались два обряда. У главнаго алтаря съ торжествомъ совершалось бракосочетаніе 60 лѣтняго старца съ молодою 20 лѣтнею красавицей.

На правой же сторонѣ отъ главнаго алтаря, въ предѣлѣ, стоялъ на колѣняхъ молодой человѣкъ, съ смертной блѣдностью на лицѣ, произносившій обѣтъ рыцарства. Это былъ д'Эди.

По окончаніи этихъ обрядовъ д'Эди подошелъ къ графу Ферріолю и, сжимая ему руку, скрытно передалъ письмо, доставленное

ему Маринн. Потомъ, обратясь къ Аншѣ, съ улыбкою, исполненною глубокой меланхоліи, сказалъ:

— Графиня! вы позволите мнѣ первому поздравить васъ, на это дастъ мнѣ право союзъ мой съ Церковью. Графъ, теперь мы оба соединены узами.

Ни Анша, ни Ферріоль не имѣли силы отвѣчать ему. Въ эту минуту подошла къ Аншѣ Параберъ, желая поддержать и ободрить молодую женщину, сильно взволнованную прощаніемъ д'Эди.

Въ этотъ день вечеромъ отель Ферріоля блесттѣла тысячами свѣчей. Всѣ прилегающія улицы застановлены были разными экипажами. Казалось, весь дворъ собрался праздновать эту свадьбу и конечно любопытство публики возбуждено было въ высшей степени обстоятельствами, сопровождавшими этотъ странный бракъ.

Залы были наполнены. Всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ увидѣть молодыхъ.

Наконецъ въ 9 часовъ дверь отворилась и вошла Анша, но она была одна.

Ларошъ, отворяя дверь, предупредилъ ея появленіе словами:

— Г-жа графиня вдова де-Ферріоль!

Холодный потъ выступилъ на лицѣ Аншн. Загадка была разрѣшена. Графъ Ферріоль сдержалъ свое обѣщаніе: онъ не захотѣлъ пережить поступка, на который смотрѣлъ онъ, какъ на опозорившій имя его.

За часъ до этого Ферріоль призвалъ въ свой кабинетъ Лароша, вручилъ ему запечатанный пакетъ, приказывая открыть, но только тогда, когда Анша вздумаетъ вступить въ новый бракъ.

XIII.

НОВАЯ ЭЛОИЗА.

Послѣ смерти Ферріоля, нашли въ бумагахъ его письмо, на имя Аншн, которое начиналось такъ: Когда я васъ покупалъ, *я назначалъ васъ быть моею дочерью и любовницею; вы были тѣмъ и другимъ*..... Отсутствіе вѣры и цинизмъ были соединены въ старомъ графѣ. Не смотря на блестящее вознагражденіе, сдѣланное имъ Аншн, безславіе, павшее на нее, не могло быть совершенно уничтожено. Но добрая и нѣжная душа Аншн заставила ее пролить искреннія слезы о Ферріолѣ. По смерти его, она надѣла

трауръ, и удалившись отъ общества, жила въ своей отели, въ совершенномъ уединеніи, выходя только въ церковь Св. Павла, гдѣ видѣла она въ послѣдній разъ д'Эди.

Прошелъ годъ со смерти Ферріоля. Анна сидѣла въ своемъ будуарѣ. Подлѣ нея стояла Софья, убирая ея голову; и наконецъ, кончивъ занятія, съ наивною радостію вскричала:

— Ахъ! какъ вы прекрасны, сударыня! Посмотрите въ зеркало! Мнѣ никогда не удавалось такъ хорошо убрать вашу голову, какъ теперь!

— Въ самомъ дѣлѣ, отвѣчала Анна: я отдаю справедливость твоему искусству, но жалѣю что нѣкому полюбоваться твоей уборкой.

— Увы! сударыня, я это знаю, но вѣдь это ваша вина. Вотъ ужъ годъ прошелъ, а вы еще не скинули вашего траура.

— О! проговорила Анна: я его никогда не скину.

— Никогда! вотъ хорошо! извините, сударыня, я мѣшаюсь не въ свое дѣло, но вы были всегда такъ добры, что позволите и теперь сказать мнѣ, что я думаю.

— Хорошо! ну, что жъ ты думаешь?

— Я думаю, что вы дѣлаете слишкомъ много чести графу Ферріолю! я бы на вашемъ мѣстѣ....

— И ты бы на моемъ мѣстѣ сдѣлала бы тоже. Не по Ферріолѣ ношу я трауръ, но по другомъ, о которомъ я буду плакать всю свою жизнь.

— Но маркиза Параберъ сказывала, что при дворѣ есть много знатныхъ особъ, и что она знала бы на вашемъ мѣстѣ, что надо дѣлать!

— Ахъ, Софія! если ты мнѣ искренно предана, то впередъ не говори этого. У меня же есть другое намѣреніе.

— Какое же, сударыня?

— Удалиться въ монастырь, гдѣ я могу свободно о немъ плакать. Ты помнишь объ Элоизѣ и Абелярѣ, двухъ влюбленныхъ, которыя, разлученныя въ жизни, соединились въ могилѣ. Ты понимаешь, что мы можемъ быть соединены, какъ Элоиза и Абеляръ.

Софія молчала и плакала.

— О, сударыня! умоляю васъ, не дѣлайте этого.

Въ эту минуту послышался шумъ за дверью. Софья вышла, чтобъ узнать его причину, и въ ту же минуту воротилась съ корзинкой въ рукахъ, наполненной разными письмами и листками газетъ. Анна съ трепетомъ протянула руку, и взявъ корзин-

ку, быстро осмотрѣла надписи и съ неудовольствіемъ отбросила ее въ сторону.

— Такъ вы не хотите читать, сударыня?

— Нѣтъ, отвѣчала Апша. Письма отъ д'Эди не было.

— Въ самомъ дѣлѣ, продолжала Софія; странно, что вы такъ долго не получаете письма отъ д'Эди. Вѣрно его отослали на войну съ варварами.

— Должно быть такъ. Молчаніе его безпокоитъ меня. Боже мой! не случилось ли съ нимъ несчастія!

— Я стану читать вамъ журналъ?

— Дѣлай что хочешь.

— Ахъ! вотъ письмо съ Мальты. О комъ-то говорятъ здѣсь?

— Читай, все-равно.

Софія прочла слѣдующее:

«Средиземное море сдѣлалось театромъ кровавой битвы. Наше «судно, крейсировавшее у острова Магона, встрѣтилось съ однимъ «вооруженнымъ кораблемъ подъ неаполитанскимъ флагомъ. Графъ «Діенн, командовавшій тартиною, ничего не подозрѣвая, хотѣлъ «сблизиться. И когда уже былъ довольно близко, какъ вдругъ съ «неаполитанскаго борта раздался выстрѣлъ изъ 20 орудій. Измѣ«на, вскричалъ графъ, и въ то же время увидѣлъ поднятый ту«рецкій флагъ. Битва была ужасна. Но побѣда осталась за фран«цузскимъ флагомъ. Только, къ несчастію, битва эта стоила намъ «смерти многихъ изъ хорошихъ нашихъ офицеровъ и въ томъ «числѣ»....

Смертельная блѣдность покрыла лице Апши, она вырвала листокъ изъ рукъ Софьи, и быстро взглянувъ, прочла имя д'Эди.

Глухой стонъ вырвался изъ груди ея. Она упала безъ чувствъ.

Въ эту минуту вошла Параберъ, свѣжая, румяная, веселая, болѣе чѣмъ когда-либо!

— Что съ вами, моя милая? что съ вами? Пожалуйста, пойдемте, посмотрите на мой новый экипажъ, проѣдемтесь вмѣстѣ. Экипажъ безподобный.

Черкешенка судорожно протянула руку къ листку газеты.

— Ахъ! понимаю, сказала Параберъ: извините моей веселости. Я не могла этого предвидѣть.... такъ вы его еще любите?

— Болѣе, чѣмъ когда-либо.

— Бѣдное дитя! а я только что хотѣла предложить вамъ вступить въ бракъ. Очень-же кстати.

— Никогда!

— О! какъ же вы просты! Дитя, не говорите ни никогда, ни всегда.

XIV.

КАРДИНАЛЬСКАЯ ШАПКА.

Г. Дюбуа, камбрэскій архіепископъ, сидѣлъ у стола и писалъ письмо, которое, казалось, сильно занимало его. Самый страстный любовникъ не могъ бы изложить въ немъ такого удивительнаго краснорѣчія, съ какимъ писалъ Дюбуа. Вотъ отрывокъ изъ этого письма, сохраненнаго безпристрастной исторіей. Оно адресовано систеронскому епископу, высокопреподобному отцу Лафито, изъ ордена іезуитовъ, молодому гасконскому авантюристу, замѣчательному по красотѣ своего лица и тонкости ума, и котораго, по этому именно, первый министръ счелъ приличнымъ послать въ Римъ къ папѣ Клименту XI, чтобы выхлопотать ему, вмѣстѣ съ кардиналами Тремульскимъ и Роганомъ, кардинальскую шапку.

«Не повторяю вамъ того, что поставлю я за славу и удовольствіе сдѣлать не только для его святѣйшества, но и для г. кардинала Албани (его племянника): заботы, службы, награды, эстампы, книги, драгоцѣнности, подарки, разнаго рода галантерейныя вещи; каждый день будетъ что-нибудь новое и неожиданное. Это главная черта моего характера. Я велъ себя такимъ образомъ цѣлую свою жизнь. Это знаютъ всѣ великія европейскія державы. Если благоугодно будетъ его святѣйшеству, то не пройдетъ ни одного дня въ его жизни безъ того, чтобы онъ не получилъ отъ меня какого-либо утѣшенія или забавы. Желанія его будутъ всѣ предупреждены. Я знаю, что не прилично въ извѣстныя лѣта порхать бабочкой, и я откажусь скорѣй отъ милости, которую приходилось бы долго ожидать. Гонцы не выѣзжаютъ изъ Парижа въ Римъ съ пустыми руками, подобно гонцамъ изъ Рима. Я полагаю, что я сдѣлалъ много для вѣры и доказываю свои чувства къ святительскому престолу. Его королевское высочество Регентъ проситъ этой милости, какъ единственной, которою онъ желаетъ на-вѣчно ознаменовать свое регенство.»

Дюбуа еще не кончилъ, какъ дверь отворилась и явился Регентъ. Его королевское высочество казался усталымъ и въ довольно худомъ расположеніи духа.

— Что ты тамъ дѣлаешь? сказалъ принцъ.

— Я готовлю въ Римъ нѣсколько писемъ, ваше высочество. Вамъ извѣстно, что аббатъ Тенсенъ отправляется сегодня вечеромъ въ столицу христіанскаго міра. Дѣло довольно важное. Святый отецъ очень старъ, очень боленъ, и тіара каждую минуту можетъ сдѣлаться упраздненною,—не нужно допускать къ открытію конклава до тѣхъ поръ, покуда мы не будемъ имѣть тамъ вѣрныхъ и испытанныхъ агентовъ, которые будутъ стараться о выгодахъ королевства.

— Скажи лучше, о твоихъ собственныхъ. Тебя безпокоитъ прежде всего не болѣзнь святаго отца, не результатъ совѣщаній конклава. Ты все мечтаешь о твоей шапкѣ, которую ты никогда не получишь, это я такъ говорю.

— Почему-жъ такъ, ваше высочество?

— Почему, почему.... Ты знаешь также хорошо, какъ и я, какъ ты мало этого достоинъ.

— Мнѣ кажется, ваше высочество, что кардинальская шапка будетъ сидѣть на моей головѣ не хуже, какъ на головѣ кардинала Албани, который расточаетъ сокровища своего дяди на синьору Марпиччію, синьору Сильвію и на другихъ женщинъ.

— О, я въ томъ согласенъ совершенно! Въ этомъ отношеніи ты можешъ идти рядомъ съ кардиналомъ Албани.

— А де-Роганъ развѣ достойнѣе былъ меня?

— Де-Роганъ самый красивѣйшій изъ пастырей французской церкви, а ты самый безобразнѣйшій. — Сверхъ-того, это Роганъ, и я не думаю....

— Э, Боже мой! я знаю, что я самаго низкаго происхожденія; но, вручивъ мнѣ такой важный постъ, ваше высочество сравняли меня съ самыми великими вельможами королевства. Вамъ предстоитъ теперь довершить свое дѣло. Я думалъ, что по этому случаю вы не откажетесь снабдить аббата Тенсена особеннымъ посланіемъ къ его святѣйшеству.

— Ты худо выдумалъ.

— Какъ, ваше высочество, вы мнѣ отказываете?

— Конечно. Я уже, Богъ знаетъ сколько, написалъ собственноручныхъ посланій къ папѣ и всѣмъ верховнымъ властямъ христіанства по этому глупому дѣлу и болѣе писать не стану. Это

стоитъ государственной казнѣ около восьми милліоновъ, не считая безчестныхъ уступокъ, сдѣланныхъ Англіи, Австріи, Испаніи.

— Ахъ, ваше высочество, еще послѣднее усиліе, чтобы жертвы эти не остались безполезными; самое крошечное письмецо.

— Нѣтъ, говорю тебѣ, я твердо обдумалъ все. Тенсенъ отправится въ Римъ безъ моего посланія, и хорошо сдѣлаетъ, если останется тамъ.

— Отчего, ваше высочество?

— Отчего, отчего.... отъ того, что онъ обезчещенъ парламентскимъ приговоромъ *); отъ того, что сестра его интригантка, которая, не могла ничего получить отъ меня, когда была моей любовницей и съ досады бросилась на тебя и смѣется вдоволь надъ тобою; отъ того, что вы всѣ трое какъ піявки государства, которое вздохнетъ свободно только тогда, когда вы всѣ отправитесь къ чертямъ.

Сказавъ это, Регентъ бросился изъ кабинета и сильно захлопнулъ за собою дверь.

Дюбуа нѣсколько минутъ стоялъ въ оцѣпѣненіи, съ безпокойствомъ задавая себѣ вопросы, неужели то неограниченное довѣріе, которымъ онъ пользовался до сихъ поръ, приближалось къ своему концу, и, не по примѣру-ли Алберони, придется ему лишиться вдругъ всѣхъ почестей? Онъ былъ погруженъ въ плачевныя размышленія, когда вошелъ швейцаръ и доложилъ о пріѣздѣ г-жи де-Параберъ. Министръ задрожалъ, услышавъ такую неожиданную новость. Ему показалось, что фаворитка, которой нерасположеніе къ нему было весьма очевидно, пришла объявить ему страшный приговоръ. Противъ обыкновенія, г-жа де-Параберъ вошла съ торжественнымъ видомъ.

— Господинъ Дюбуа, сказала она послѣ перваго привѣтствія: посѣщеніе мое должно изумлять васъ; но я узнала, что аббатъ Тенсенъ отправляется сегодня вечеромъ въ Римъ, и я думала, что вы не откажетесь, по моей просьбѣ, поручить ему особенную сдѣлку съ нашимъ святымъ отцомъ.

— Что это значитъ, проговорилъ сквозь зубы Дюбуа: о чемъ идетъ дѣло?

— Вы необходимо должны помочь мнѣ, господинъ Дюбуа; но

---

*) Парламентъ сдѣлалъ приговоръ въ знаменитомъ процессѣ аббата Тенсена съ аббатомъ де-Лавессьеромъ. Этотъ процессъ раздѣлилъ весь парламентъ на двѣ партіи.

сначала отвѣтьте мнѣ на мой вопросъ: Если кто вступаетъ въ какой либо священный орденъ, то можетъ ли выйти изъ него?

— Вы видите, что нѣтъ, потому что я.....

— Вы, другое дѣло. Вы не молоды и не честолюбивы; но имѣй вы лѣтъ двадцать пять или тридцать, вы иначе бы говорили.

— А! въ такомъ случаѣ, я не говорю..... Однакожъ, хорошо занимать первыя степени въ духовной іерархіи.

— Да, когда кто епископъ, или архіепископъ.

— Кардиналъ, въ особенности.

— Я только что хотѣла это сказать. Но, наконецъ, еслибъ вы были влюблены въ прекрасную молодую женщину, которая могла бы принадлежать вамъ только въ законномъ бракѣ?

— Я понимаю: вы прельстились какимъ-нибудь миленькимъ аббатомъ и хотите.....

— Э, дѣло идетъ совсѣмъ не обо мнѣ, господинъ Дюбуа.

— Чортъ возьми, трудно понять!

— Чтобы избѣжать лишнихъ фразъ, скажу вамъ, что я говорю о кавалерѣ д'Эди, который имѣлъ глупость вступить въ орденъ мальтійскихъ кавалеровъ, между-тѣмъ, какъ графиня де-Ферріоль чахнетъ отъ любви къ нему.

— Что же мнѣ нужно дѣлать?

— Славный вопросъ! Вы архіепископъ, первый министръ. Папа желаетъ вамъ добра, какъ говорятъ.

— Онъ этого не доказываетъ.

— Нужно, чтобы архіепископъ Тенсенъ получилъ отъ его святѣйшества разрѣшеніе кавалера д'Эди отъ его обѣтовъ.

— Но вѣдь говорили, что онъ умеръ, или погибъ въ морскомъ сраженіи?

— Неправда. Влюбленные никогда не умираютъ, когда они разлучены съ предметомъ своего обожанія.

— Вы думаете?

— Я въ этомъ увѣрена. Д'Эди переживетъ свои раны.

— Сомнѣваюсь.

— Но кончимъ же скорѣй. Хотите ли сдѣлать то, чего я требую отъ васъ? Въ такомъ случаѣ, я перестаю быть вашимъ врагомъ и дѣлаюсь вашимъ помощникомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Требуйте клятвы.

— Прелестная женщина! Берегитесь, я вамъ не вѣрю.

— Итакъ, вы согласны?

— Послушайте! въ этомъ мірѣ ничто не дѣлается за ничто. Я готовъ самъ написать папѣ за кавалера д'Эди въ тотъ день, когда вы упросите его высочество написать его святѣйшеству, чтобы онъ сдѣлалъ меня кардиналомъ. Согласны ли вы?

— Прекрасно. Только я должна предупредить васъ, что я двадцать разъ говорила его высочеству, что онъ очень дурно сдѣлаетъ, если выхлопочетъ вамъ шапку. Впрочемъ, я постараюсь. Не думаю объ успѣхѣ.

— Вы не совѣтывались съ вашимъ зеркаломъ.

— Льстецъ!.... И такъ, я тотчасъ же бѣгу къ его высочеству.

Черезъ четверть часа, Филиппъ Орлеанскій былъ уже съ своей прелестной любовницей.

— Вы пришли кстати, моя несравненная, сказалъ принцъ. Я ѣду на охоту въ Фонтенебло. Не угодно ли вамъ ѣхать со мной?

— Но что жъ я буду тамъ дѣлать?

— Я, однако, разсчитывалъ на васъ, злая женщина. Впрочемъ, я знаю, что это значитъ: вы боитесь встрѣтиться съ Дюбуа. Успокойтесь, его не будетъ.

— Почему жъ такъ, ваше высочество? Дюбуа уменъ. Бесѣда его пріятна.

— Вы хотите шутить. Не церемоньтесь, пожалуста. Я готовъ сегодня вторить вамъ.

— Будто бы?

— Этотъ Дюбуа ужасно надоѣдаетъ мнѣ. Я знаю, что всѣ противъ него. Онъ безчеститъ Церковь, и я чувствую, что если вы будете сильно приставать ко мнѣ, то я кончу тѣмъ, что развяжусь съ такимъ министромъ.

— Ну, вотъ еще! Не все ли равно. Послушайте, ваше высочество, я имѣла несправедливыя предубѣжденія противъ г. Дюбуа, и думаю, что и ваши не слишкомъ вѣрны. Никогда не поздно узнавать свои ошибки. Я исповѣдую свои и, желая доказать это на дѣлѣ, прошу васъ доставить мнѣ средства къ тому.

— Что съ вами, красавица! Теперь вы стоите за него? О, женщины, женщины! Ужъ не хотите ли вы предложить мнѣ уплатить долги г-жи де-Тенсенъ, чтобы помирить васъ съ Дюбуа.

— То, что я предложу вамъ, ничего не будетъ стоить.

— А, другое дѣло! Но не думаю, чтобы въ такомъ случаѣ это средство могло помирить васъ съ Дюбуа. Онъ крѣпко любитъ деньги.

— Кто вамъ говоритъ, ваше высочество, что онъ не любитъ почестей?

— Почести безъ денегъ, не думаю.

— Однако, я знаю одно, что онъ ставитъ выше всѣхъ сокровищъ міра.

— Да, да, забавникъ хочетъ быть кардиналомъ. Но, этому не бывать. Я поклялся.

— А я поклялась, что онъ будетъ кардиналомъ. Кто изъ насъ измѣнитъ своему слову?

— Ужъ, конечно, не я.

— И не я.

— Кто же нибудь изъ насъ долженъ измѣнить своему слову.

— Слѣдуетъ вамъ, какъ женщинѣ, и притомъ прелестной.

— Ошибаетесь, ваше высочество. Скорѣй вамъ, какъ Регенту прекраснаго французскаго королевства.

— Что это значитъ, сударыня?

— Да, потому что вы увѣрены, что можете сдѣлать человѣка счастливымъ, между тѣмъ, какъ хорошенькая женщина, измѣняющая своему слову, всегда дѣлаетъ человѣка несчастнымъ.

— Я не хочу сдѣлать его счастливымъ.

— О, умоляю васъ, ваше высочество. Подумайте, какъ онъ будетъ смѣшенъ въ кардинальскомъ костюмѣ. Я отдала бы десять лѣтъ моей старости, чтобы видѣть Дюбуа въ красной шапкѣ. Бьюсь объ закладъ, что можно будетъ умереть со смѣху, глядя на него. Это будетъ кардиналъ-обезьяна.

— Въ самомъ дѣлѣ, я думаю, что онъ будетъ страшно безобразенъ.

— А, я смѣюсь заранѣе. Мнѣ кажется, что я уже вижу его... Ха, ха! хи, хи!.... Не могу удержаться.

— Да, вѣдь онъ способенъ послѣ претендовать на папское кресло. Вотъ-то штука!

— Почему жъ и нѣтъ? Это было бы восхитительно. Подумайте только: папа, котораго вы будете называть ты! Папа, который не будетъ вамъ отказывать ни въ чемъ! Запасемся же мы индульгенціями! О, если бъ я знала, что Дюбуа будетъ когда нибудь папою!

— Вы бы прискокнули до потолка, не правда ли?

— Нѣтъ, я боюсь этого.

— А я вамъ не позволю.

— Ну, такъ сдѣлаемъ его только кардиналомъ.

— Такъ. Онъ долженъ остаться кардиналомъ. Тѣмъ хуже для него.

— Кардиналъ на-вѣчно!

— Онъ достоинъ этого, чортъ возьми!

— Гдѣ же письмо ваше къ святому отцу? Я хочу собственноручно написать его. Вы подпишите его.

— Что за сумасшествіе!

— Славная мысль! Ну, ваше высочество, я готова. Диктуйте вашему секретарю.

— А, плутовка! Вы забываете, что одна изъ обязанностей секретаря слѣдовать повсюду за его господиномъ; а я отправляюсь скоро въ Фонтенебло.

— Только то? Я ѣду на охоту съ вами.

— Вы очаровательны.

— Теперь, диктуйте.

— Конечно: «Наисвятѣйшій отецъ!»

— Готово. «Наисвятѣйшій отецъ.....» Далѣе?

— «Я имѣю при себѣ издавна.....» Вы написали?

— Да, ваше высочество.

— «Мошенника аббата, котораго скандальное поведеніе извѣ«стно вамъ, потому что объ немъ знаетъ вся Европа. Забавникъ «вбилъ себѣ въ голову быть кардиналомъ. Ему приличнѣе было «бы работать на галерахъ вашего святѣйшества.

«Я обращаюсь къ вашему святѣйшеству съ всенижайшею проснбою, не благоугодно ли будетъ вамъ, по своей высокой мудро«сти, приказать повѣсить этого мошенника, не смотря на его ду«ховное званіе, на какой-нибудь висѣлицѣ; каковое приказаніе я «не премину привесть въ исполненіе.»

— Написали ли?

— Написала.

— Прекрасно! Теперь, обыкновенное заключеніе: Примите увѣренія, и проч.... Довольны ли вы, моя прекрасная?

— Совершенно. Подпишите, ваше высочество.

— Сейчасъ же; но мнѣ должно еще прочесть. Дайте-ка мнѣ письмо.

— Зачѣмъ?

— Затѣмъ, что я вамъ не совсѣмъ довѣряю. Гмъ, гмъ! Но что я вижу? Я вовсе не то диктовалъ вамъ!

— Нѣтъ, ваше высочество, мнѣ такъ послышалось, и вы, вѣроятно забыли уже.....

— Вотъ еще! Я никогда не могъ продиктовать такого письма:

«Я имѣю при себѣ издавна достойнаго уваженія архіепископа, «котораго заслуги извѣстны вамъ потому, что объ нихъ знаетъ «вся Европа. Этотъ достойный прелатъ сильно желаетъ, какъ «вамъ извѣстно, быть принятымъ въ священную коллегію, куда «принесетъ онъ свои обширныя знанія. Я обращаюсь къ ваше«му святѣйшеству съ всенижайшею просьбою, не благоугодно ли «будетъ вамъ уступить этому желанію, за которое я снова пред«стательствую предъ вами, въ совершенной увѣренности въ ва«шей благости.»

— Вѣдь это шутка, мой прекрасный секретарь?

— Нисколько, ваше высочество. Это переводъ.

— Переводъ, такъ; но, переводъ вольный.....

— Да, немножко.

— Слишкомъ вольный, и я не хочу.....

Въ эту минуту отворилась дверь и вошелъ придворный.

— Ваше высочество, сказалъ онъ все готово къ отъѣзду. Архіепископъ Камбрэскій дожидаетъ вашего высочества съ аббатомъ де-Тенсеномъ, который спрашиваетъ, не угодно ли будетъ вамъ принять его до отъѣзда его въ Римъ.

Регентъ ничего не отвѣтилъ; но, наклонившись къ г-жѣ де-Параберъ:

— Ну, что жъ, моя милая, проговорилъ онъ въ полголоса, вы поѣдете со мной въ Фонтенебло?

— Да, отвѣчала она, если вы подпишете это письмо.

— Видно всегда приходится дѣлать то, чего вы хотите, возразилъ принцъ, обвороженный очаровательной улыбкой фаворитки; но, предупреждаю васъ, это въ послѣдній разъ.

— Конечно, ваше высочество, теперь моя очередь дѣлать все, что вы захотите.

— Смотрите, я вѣрю вамъ.

Потомъ, обращаясь къ придворному:

— Введите сюда, прибавилъ принцъ, архіепископа и аббата де-Тенсена.

Въ то же время онъ подписалъ письмо и отдалъ его г-жѣ де-Параберъ, вздохнувъ при этомъ о своемъ безсиліи. Она замѣтила это.

— Утѣшьтесь, ваше высочество, сказала она: развѣ вы не знаете, что чего хочетъ женщина, того хочетъ судьба?

Дюбуа вошелъ съ аббатомъ де-Тенсеномъ и, бросивъ хитрый взглядъ на Регента и его очаровательную любовницу, сказалъ обычнымъ своимъ голосомъ:

— Г. аббатъ де-Тенсенъ, передъ отъѣздомъ въ Римъ, приходитъ откланяться вашему высочеству. Не нужно ли будетъ вашему высочеству вручить ему какой-нибудь особенной депеши?

— Да, съ живостью возразила г-жа де-Параберъ; вотъ она, господинъ Дюбуа, прочтите и запечатайте ее.

— А, сударыня, вскричалъ честолюбивый архіепископъ, цѣлуя руку фаворитки, какъ я обязанъ вамъ!

Потомъ, вынувъ изъ кармана сложенную бумагу, онъ прибавилъ въ полголоса, въ то время, какъ Регентъ разговаривалъ съ аббатомъ:

— Прочтите, въ свою очередь. Хорошо ли?

— Прекрасно! Вы предвидѣли успѣхъ?

— Можно ли проиграть дѣло съ такимъ адвокатомъ?

— Ну, ну, я вамъ вѣрю, господинъ Дюбуа. Все-равно. Будемъ друзьями, Цинна! я призываю тебя.

— Ахъ, сударыня, теперь мы съ вами на жизнь и смерть!

— Ограничимся жизнью, господинъ Дюбуа.

— Развѣ мы не должны встрѣтиться въ раю?

— Я боюсь сойтись съ вами въ аду.

— Прощайте, господа, громко сказалъ Регентъ. Уже поздно и я отправляюсь въ Фонтенебло. Поцѣлуйте за меня г. де-Тенсенъ и за г. Дюбуа туфлю Климента XI.

— Уфъ, сказала про себя фаворитка, какъ трудно восторжествовать добродѣтели!.... даже съ помощью порока!

XV.

МАРСЕЛЬ.

Это было въ воскресенье утромъ. Въ Лавкѣ хозяина Жасмена, одного изъ первыхъ марсельскихъ цирюльниковъ, толпился народъ. Одни сидѣли; другіе, стоя, ожидали своей очереди, между-тѣмъ, какъ неутомимый Жасменъ, помахивая широкой бритвой и мыльной кисточкой, прогуливался по подбородкамъ своихъ паціенцовъ. Не смотря на эти занятія, Жасменъ успѣвалъ поддерживать разговоръ съ полдюжиною посѣтителей, не считая своей непорочной супруги и многочисленнаго своего потомства, которыя, своими крикливыми и писклявыми голосами, вторили, изъ задней лавки, мужескимъ голосамъ собесѣдниковъ.

— Потерпите, сударь, говорилъ Жасменъ толстому господину,

въ одеждѣ моряка: сейчасъ ваша очередь. Это дѣло минутное. — Э, Ивонъ! ты говоришь, что милашка идетъ на удочку, поздравляю тебя другъ: славная побѣда. — Ну, кумъ Рьюссель, каково идутъ дѣла? Хорошо, я думаю. — Замолчите ли вы тамъ, чертенята? Ничего не слышно. Дай мнѣ поѣсть, матушка! — Потрудитесь, пожалуста, наклонить голову на право. — Теплой воды, скорѣй. — Конченo, сударь.

Такимъ-то образомъ Жасменъ распоряжался въ своемъ владѣніи, какъ дверь отворилась и во святилище вошло новое лице. Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти или пятидесяти-пяти, средняго роста, съ загорѣлымъ лицомъ, съ маленькими глазами, которые блистали надъ широкими сѣдыми бровями. Человѣкъ этотъ, хотя довольно плохо одѣтый, смѣло подошелъ къ Жасмену и грубо прервалъ его:

— Ну, господинъ бритва, сказалъ онъ, что еще не пришла моя очередь?

— Конечно, отвѣчалъ, не смущаясь, цирюльникъ; ваша очередь пришла заплатить мнѣ за бритье въ продолженіе шести мѣсяцовъ. Я буду васъ бритъ потомъ.

Всѣ присутствовавшіе разсмѣялись, за исключеніемъ, разумѣется того, къ кому относились эти слова и который грубо возразилъ:

— Вы сами знаете, что отъ васъ зависитъ получить деньги, если вы только захотите сыграться со мной на долгъ.

— Развѣ человѣкъ, занятый какъ я, имѣетъ время играть, отвѣчалъ Жасменъ съ гордостью? Это хорошо вамъ, лѣнтяю.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось эта ссора, еслибъ паціентъ Жасмена, длинный, сухой дѣтина, не высвободилъ своего носа изъ пальцевъ брадобрѣя и, устремивъ свои глаза на зачинщика вражды, не вскричалъ:

— Клянусъ святой Кунигондой! Я не ошибаюсь, это монсью де ла-Рошъ, камердинеръ графа де-Ферріоля! Какъ поживаетъ любезный графъ?

— Ничего, хорошо, сухо отвѣчалъ вопрошенный, который былъ дѣйствительно не кто иной, какъ ла-Рошъ: хорошо, потому что онъ умеръ.

— Э, бѣдняга, бѣдняга! Какъ грустно мнѣ услышать такую новость! Самый лучшій мой другъ!

Это восклицаніе сопровождалось гримасой, которою синьоръ Марино Марини тщетно старался выразить свою печаль. Потомъ онъ прибавилъ.

— Ну, а что сталось съ прелестной Черкешенкой?

— Она стала графинею де-Ферріоль.

— Вотъ такъ штука! Разскажи мнѣ это скорѣй.

Здѣсь присутствовавшіе, начинавшіе уже изъявлять свое неудовольствіе, потому что должны были ожидать своей очереди дальше потеряли наконецъ терпѣніе и громко стали изъявлять свои требованія. Синьоръ Маріни, съ недобритой бородой, принужденъ былъ удалиться съ ла-Рошемъ. Оба они пошли къ гавани. Дорогою Маріни разсказалъ старому камердинеру графа, что онъ прибылъ въ Марсель на купеческомъ кораблѣ, за нѣсколько предъ симъ дней изъ Италіи. Противными вѣтрами, корабль этотъ былъ занесенъ во Францію. Графъ святой римской имперіи, какъ припомнить можно, былъ извѣстенъ многимъ. По этому не удивительно, что онъ забрался съ ла-Рошемъ въ уголъ, въ ближайшемъ кабакѣ, и поставилъ предъ собою флягу вина. Не приводя всего разговора, который завязался между нашими знакомцами, мы выпишемъ изъ него только конецъ:

— А что, другъ, я вижу, что ты не привыкъ въ Марсели ѣсть каждый день? Это должно безпокоить тебя.

— Ко всему привыкнешь. Было-бъ только съ кѣмъ поиграть въ кости или карты; вотъ что мнѣ нужно.

— Ну, а что, еслибъ хозяинъ твой отказался давать тебѣ въ долгъ и выгналъ бы на улицу? Что бы ты сталъ дѣлать, моисью ла-Рошъ?

— А я сдѣлалъ бы тоже, что и графъ де-Ферріоль.

— Самоубійство! Клянусь святой Кунигондой, это великій грѣхъ и я помѣшаю тебѣ.

— Однако, я держу сто противъ одного, что я кончу тѣмъ, мосьё Маріни.

— Послушай, возразилъ Итальянецъ, помолчавъ немного и вперяя въ ла-Роша пронзительный взглядъ: есть средство выйти тебѣ изъ этого несчастнаго положенія, и еслибъ я былъ увѣренъ въ тебѣ....

— Не опять ли идетъ дѣло о какомъ-нибудь заговорѣ противъ Регента?

— Тсъ!.... Въ этотъ разъ, я хочу испробовать свое искусство не во Франціи. Французы ничего не понимаютъ въ заговорахъ. У меня есть славный проэктъ, за исполненіе котораго намъ достанутся добрыя два мѣстечка въ раю.

— Нельзя ли, покуда найти одно изъ нихъ въ другомъ мѣстѣ.

— Ты такой же нечестивецъ, какъ и господинъ твой. Нужно ниспровергнуть въ Англіи власть похитителя престола Геор-

га I-го ересіарха и возвести на тронъ Іакова Стюарта, славнаго католика. Корабль, доставившій меня въ Марсель, нагруженъ оружіемъ и провизіей, которыя я долженъ привести въ Шотландію, гдѣ у Стюартовъ много партизановъ. Во избѣжаніе всякаго подозрѣнія, мы отправимся сначала въ Гибралтаръ, переѣдемъ проливъ, а по океану скоро доберемся до Шотландіи. Если ты хочешь сопутствовать мнѣ, я обѣщаю тебѣ славное мѣстечко управителя какимъ-нибудь мнѣніемъ лорда, отъ котораго мы сумѣемъ избавиться. Согласенъ-ли?

— Мнѣ нечего выбирать въ моемъ положеніи. Я готовъ слѣдовать за вами.

— Прекрасно! Корабль нашъ дожидается только попутнаго вѣтра. Приготовься скорѣй и приходи сегодня вечеромъ въ гостинницу Гранъ-Сенъ-Мартена, чтобы отправиться со мной, по первому сигналу.

— Понимаю. И такъ, до вечера, мосье Маринн. Два собѣсѣдника разошлись по сторонамъ, опорожнивъ до капли вино въ честь Стюартовъ и за ниспроверженіе Гановерскаго дома.

Вотъ что произошло вечеромъ въ гостинницѣ Гранъ-Сенъ-Мартена, въ Марсели.

Когда ла-Рошъ вошелъ въ гостинницу, неся подъ мышкою небольшой ящичекъ, заключавшій остаки его гардероба, онъ увидѣлъ въ кухнѣ, въ углу, двухъ лакеевъ, игравшихъ въ карты. При видѣ этого, онъ задрожалъ и невольно придвинулся къ игрокамъ. Ему сказали, что синьоръ Маринн еще не возвращался. Одинъ изъ лакеевъ проигралъ и отказался продолжать партію; ла-Рошъ не преминулъ предложить свои услуги, чтобы замѣнить проигравшаго. Предложеніе было принято съ удовольствіемъ и Ла-Рошъ ухватился за карты. Партія оживлялась, какъ вдругъ раздались слѣдующія слова:

— Кавалеръ д'Эди спрашиваетъ своего слугу. Тотчасъ-же, противникъ ла-Роша всталъ, объявивъ, что онъ не замедлитъ приди и окончить партію.

При имени кавалера д'Эди, ла-Рошъ оцѣпѣнѣлъ отъ изумленія. Кавалеръ въ Марсели! За чѣмъ онъ здѣсь, когда говорили, что онъ навсегда оставилъ Францію? Распрашивая трактирныхъ слугъ ла-Рошъ узналъ, что кавалеръ д'Эди оставилъ Мальту, что онъ еще страдалъ отъ ранъ, полученныхъ имъ въ морскомъ сраженіи, и что доктора присовѣтывали ему отдохнуть на нѣсколько дней въ Марсели, прежде нежели долженъ онъ былъ

отправиться въ Парижъ, куда призывали его дѣла. Во всемъ этомъ была задача, которую ла-Рошъ взялся разгадать.

Когда слуга кавалера возвратился въ кухню, ла-Рошъ принялся распрашивать его.

— Э, Боже мой! отвѣчалъ тотъ: тутъ ровно нѣтъ никакой тайны. Кавалеръ, по милости кардинала Дюбуа, получилъ разрѣшеніе отъ папы и сложилъ съ себя обѣты Мальтійскаго кавалерства. Онъ отправляется въ Парижъ, гдѣ жениться на прекрасной молодой женщинѣ, въ которую онъ давно влюбленъ.

— На молодой женщинѣ! Неуже ли?....

— Ее называютъ графинею де-Ферріоль.

— Онъ женится на ней, проговорилъ ла-Рошъ. Увѣрены-ли вы въ этомъ?

— Очень увѣренъ. Но къ чему вы меня спрашиваете?

— Такъ.

— Дѣло другое. Окончимъ-ка партію.

— Нѣтъ, мнѣ некогда. Я забылъ объ одномъ весьма важномъ порученіи.

Въ тоже время онъ вынулъ изъ кармана ключъ отъ своего ящика, открылъ его и началъ поспѣшно рыться въ немъ.

— Чего вы ищете? спросилъ его трактирный слуга.

— Письма.

— Да не оно-ли подъ вашими ногами?

— Въ самомъ дѣлѣ, это оно. Я уронилъ его нечаянно.

Ла-Рошъ распечаталъ записку, которую де-Ферріоль вручилъ ему въ день своей смерти, съ приказаніемъ открыть ее въ одномъ только случаѣ, когда Аиша выйдетъ снова за мужъ. Сначала, онъ бѣгло пробѣгалъ эту записку; но вдругъ, не смотря на всѣ усилія его казаться спокойнымъ, онъ поблѣднѣлъ и холодный потъ покрылъ его лобъ. Въ эту минуту вошелъ Маринни.

— А, это ты, любезнѣйшій, вскричалъ онъ, увидѣвъ ла-Роша. Ты аккуратенъ, прекрасно. Поди-ка сюда на два слова.

Потомъ, наклонившись къ нему на ухо:

— Вѣтеръ перемѣнился, прибавилъ онъ тихимъ голосомъ, и мы поѣдемъ завтра, чуть свѣтъ.

— Извините, я не могу сопутствовать вамъ, спокойно возразилъ ла-Рошъ: я обдумалъ ваше предложеніе и не могу принять его.

— Но что-же ты будешъ дѣлать, бѣдняга? Ты умрешь съ голода.

— По этому-то я и не остаюсь въ Марсели, мосьё Марини. Я возвращаюсь въ Парижъ.

— Клянусь святой Кунигондой! Это меня изумляетъ, любезнѣйшій. Да кто-жъ заплатитъ за твой проѣздъ?

— Кто? Графиня де-Ферріоль.

XVI.

ЗАВѢЩАНІЕ ДЕ-ФЕРРІОЛЯ.

Возвратимся теперь въ Парижъ, въ отель де-Ферріоля, въ улицѣ Кюльтюръ-Сентъ-Катеринъ, въ которомъ произошла страшная перемѣна. Вмѣсто лакея, одѣтаго въ черное, съ пасмурнымъ видомъ, въ отелѣ толпятся слуги, въ пышныхъ ливреяхъ, съ веселыми лицами. Торжественную тишину, которую смущалъ иногда однообразный звукъ колокола сосѣдняго монастыря, замѣнили пѣсни и крики конюховъ и слугъ, ржаніе лошадей, стукъ колесъ. Самый старинный домъ, съ высокими стеклами, съ почернѣвшими стѣнами и черепичной кровлей, въ видѣ катафалки, при лучахъ прекраснаго осенняго дня, казалось, облекся въ новую, праздничную форму. Съ самаго ранняго утра осаждали его модистки, швеи, купцы, не считая мріадъ посѣтителей изъ всѣхъ классовъ общества, начиная съ герцога и пера, въ каретѣ съ гербами до нотаріуса или прокурора въ скромномъ черномъ фракѣ изъ толстаго сукна, пробирающагося пѣшкомъ; потому-что, въ то время нотаріусы и прокуроры не думали еще забрызгивать грязью герцоговъ и перовъ.

Весь этотъ шумъ, все это движеніе въ улицѣ Кюльтюръ-Сенъ-Катеринъ явно доказывали, что великое событіе приготовляютъ въ морѣ, и это событіе было бракосочетаніе молодой, прелестной вдовы графа де-Ферріоля съ ея любезнымъ и вѣрнымъ кавалеромъ д'Эди.

Проберемся теперь въ комнату, въ которую мы уже вводили прежде нашихъ читателей, и которую украшаютъ шесть портретовъ, изображающихъ женщинъ удивительной красоты.

Смеркается. Софи подлѣ своей госпожи, которой только-что принесли вѣнчальное ея платье. Камеристка въ восхищеніи, потому что платье моаре, нѣжно-сѣраго цвѣта, украшенное дорогимъ жемчугомъ, удивительно идетъ Аишѣ. Оно сдѣлано было по заказу д'Эди.

— Ахъ, сударыня, вскричала Софи: кавалеръ прекрасно сдѣлалъ, что самъ заказалъ вашъ нарядъ. Вы восхитительны сегодня, и держу пари, что онъ будетъ счастливъ, увидѣвъ, что сдѣлалъ удачный выборъ.

— Добрая Софи, ты говоришь это изъ любви ко мнѣ. Тотъ, для котораго я хочу быть прекрасною, скоро явится. Вотъ уже четыре дня, какъ онъ въ дорогѣ и если ничто его не задержало, онъ будетъ сюда завтра утромъ.

— Завтра утромъ! Какое счастіе!

— Да, это неожиданное счастіе, до того неожиданное, что я до-сихъ-поръ не вѣрю ему.

— А я могу увѣрить васъ, сударыня, что я сама, своими ушами слышала, какъ читали въ церкви папское разрѣшеніе д'Эди отъ обѣтовъ кавалерства.

— Вѣрю, Софи, вѣрю.

— Слава Богу! Я объ одномъ только сожалѣю, что вы приняли здѣсь этого негоднаго ла-Роша. Зачѣмъ онъ пріѣхалъ сюда? Развѣ онъ не могъ оставаться въ Марсели?

— Онъ былъ очень несчастенъ, Софи. Онъ исповѣдалъ мнѣ свою вину и просилъ принять его въ число моей дворни. Могла ли я отказать ему?

— Какъ вамъ угодно, сударыня; но я не довѣряю этому человѣку. Во первыхъ, онъ желтый и худой....

— Ты все на него, потому что онъ не хорошъ. Онъ такъ услужливъ, такъ заботится обо мнѣ, что, кажется, хочетъ заставить меня позабыть все то, что нѣкогда причинилъ мнѣ.

— Можетъ быть; но что касается до меня, я никогда не прощу ему и думаю, что отъ него можно ожидать только измѣны и мошенничества.

— Еще!... Ахъ, Софи, неужели ты хочешь разсердить меня?

— Ахъ, сударыня, простите, простите!...

Въ эту минуту отворились большія вороты отеля и въѣхала карета.

— Кто пріѣхалъ въ такую пору, сказала Аиша?

Камеристка вышла. Не прошло нѣсколькихъ секундъ, какъ въ комнату вбѣжала быстро молодая женщина, одѣтая, какъ всегда, по послѣдней модѣ, и бросилась на шею Черкешенки.

— Извините меня, моя красавица, вскричала гостья; извините, что я вхожу къ вамъ, вопреки вашему приказанію не впускать

никого. Вотъ уже три дня, какъ я васъ не видѣла, а я имѣю многое сообщить вамъ.

— А, возразила краткимъ голосомъ Аиша: можетъ ли быть заперта дверь моя для той, которой я обязана всѣмъ своимъ счастіемъ, для г-жи де-Параберъ?

— Не говорите обо мнѣ! все это сдѣлалъ кардиналъ Дюбуа.

— Да, по вашей просьбѣ.

— Ну, что-жъ! Мы, каждый, сдѣлали свой долгъ; потому что были много виноваты передъ вами, въ особенности же я.

— Вы!

— Да, прежде нежели я узнала васъ, ваши прелести и добродѣтели, не была ли я вашимъ врагомъ, да, врагомъ отчаяннымъ? Теперь я могу разсказать все: не была ли я долго вдвойнѣ вашей соперницей? Признаюсь, я была неравнодушна къ кавалеру, и ему стóило только.... но, баста! Вы слишкомъ обворожили его, чародѣйка. Я была наказана за свое кокетство.

— Ахъ, сударыня!

— Итакъ, онъ непремѣнно пріѣдетъ завтра?

— Онъ, по крайней мѣрѣ, такъ писалъ мнѣ.

— Онъ не измѣнитъ своему слову. Порукою въ томъ ваши прекрасные глаза.

— Онъ страдалъ еще отъ ранъ, полученныхъ имъ въ послѣднемъ сраженіи. Это задержало его на два дня въ Марсели. Теперь онъ совершенно здоровъ.

— О, счастливая любовь лучшій докторъ въ мірѣ. Но я еще не разсмотрѣла вашего наряда, который неподражаемо идетъ къ вамъ. Вы несравненны въ немъ.

— Этотъ нарядъ заказалъ мнѣ кавалеръ д'Эди для нашей свадьбы.

— Кавалеръ! Говорите графъ.

— Какъ?

— Я и забыла объявить вамъ новость. Молодой нашъ король даритъ г. д'Эди графское достоинство, по случаю его бракосочетанія. Итакъ, вы остаетесь графиней.

— Не все ли равно, лишь бы я была женой д'Эди.

— Это еще не все. Его высочество, Регентъ, съ своей стороны, хочетъ сдѣлать вашего мужа капитаномъ своей гвардіи. Я нарочно пріѣхала объявить все это, потому что не могу долго оставаться. Я обѣщала его высочеству пріѣхать въ оперу. Ну, что́ вы думаете объ этихъ милостяхъ, моя красавица.

— Я думаю, что д'Эди съ восторгомъ приметъ милость его величества. Что же касается до предложенія его высочества Регента, то мужъ мой откажется отъ новыхъ обязанностей. Намѣреніе его удалиться отъ двора и проводить бо́льшую часть года въ своихъ помѣстьяхъ.

— Куда онъ будетъ отправляться прятать свое счастіе.

— И мое.

О, гадкій ревнивецъ! Надѣюсь, что мы отклонимъ его отъ подобнаго намѣренія, и прошу васъ сказать ему, что я употреблю для этого всѣ усилія. Онъ обязанъ мнѣ и я имѣю надъ нимъ право, понимаете ли вы? Но мнѣ пора. Простите, моя прекрасная. Спите хорошенько эту ночь. До завтра! Я буду изъ первыхъ при вашемъ пробужденіи, моя царица.

Параберъ нѣжно обняла свою молодую подругу и вышла. Колеса загремѣли на дворѣ, ворота затворились, и торжественное молчаніе, въ которое погружены бываютъ только весьма немного улицъ Маре, водворилось въ отелѣ де-Ферріоль.

Оставшись одна, Аиша прошлась по комнатѣ и, машинально подойдя къ фортепіано, разсѣянно провела пальцами по клавишамъ. Есть минуты въ жизни, когда умъ такъ погруженъ въ мысли, что всякое созерцаніе внѣшнихъ предметовъ исчезаетъ и движенія тѣла дѣлаются автоматическими. Неудивительно, что Черкешенка, видя исполненіе своихъ задушевныхъ надеждъ, въ которыхъ она такъ долго отчаявалась и которыя привыкала считать неудобоосуществимыми, находилась въ такомъ положеніи. Смѣшанныя ноты, неопредѣленныя, прерывистыя мелодіи выходили изъ подъ ея пальцевъ. Молодая женщина вдругъ задрожала. Отрывокъ аріи изъ оперы *Армиды* поразилъ ея слухъ.

Армида! Сколько воспоминаній для нея при одномъ этомъ имени? Не въ этой-ли операѣ явился ей въ первый разъ кавалеръ д'Эди. Одинъ взглядъ, брошенный на блѣдное и кроткое лицо этого молодаго человѣка, рѣшилъ ея участь. Позже, когда графъ де-Ферріоль, по возвращеніи изъ ссылки, пріѣхалъ въ Парижъ, въ свой отель въ Маре, не эта-ли самая мелодія, пропѣтая Аишею, обратила вниманіе ея господина на талантъ своей невольницы и заглушила въ немъ страсти? О, подобно, какъ прежде, Черкешенка съ блаженствомъ углубилась во все прошедшее любви, которое воскресили нѣсколько бѣглыхъ нотъ! Пальцы ея вызывали изъ клавишъ самые нѣжные каватины изъ *Армиды*, а воображеніе переносило ее то въ Пале-Рояль, то въ лѣсъ въ

Марли, то на Бретанскіе берега, въ сопровожденіи любезнаго ея кавалера д'Эди.

Но вдругъ унылый звонъ колокола монастыря Аннонціадокъ смѣшалъ свои меланхолическіе звуки съ нѣжными звуками фортепіано. Небо было покрыто тучами и вѣтеръ тихо колыхалъ обнаженныя вѣтви деревъ, завывая печальную пѣсню. Проникнутая инстинктивнымъ страхомъ, Анна встала и позвала Софи, свою вѣрную камеристку.

— Боже мой, сказала она, что дѣлается въ монастырѣ Аннонціадокъ? Почему это звонятъ такъ поздно въ колокола?

— По особенному случаю. Въ монастырѣ умираетъ одна изъ бѣдныхъ монашенокъ и община читаетъ отходную. Сударыня, я нужна вамъ?

— Останься, Софи. Я не знаю ни одной изъ этихъ монашенокъ и однакожъ это наводитъ на меня грусть. Кто знаетъ, можетъ-быть, умираетъ молодая дѣвушка, которую принудили вступить въ монастырь, и которая изсыхала отъ любви и отчаянія?

— Увы! это часто случается, сударыня; но, всего вѣрнѣе, что читаютъ отдохную старушки, которая свято кончаетъ свою многотрудную жизнь.

— Дай-то Богъ! Спасибо тебѣ, Софи, что ты говоришь такъ; потому что, не знаю почему, я стала чего-то бояться, и все представляется мнѣ въ мрачномъ видѣ. Послушай, кажется, идетъ дождь?

— Да, сударыня, и очень сильный.

— О, Боже! И онъ въ дорогѣ! Лишь бы не случилось съ нимъ несчастія!

— Чего вамъ бояться за кавалера, сударыня. Дороги теперь прекрасныя и кавалеръ преспокойно катится въ почтовой каретѣ.

— Дай-то Богъ, Софи! Я не знаю, что со мной дѣлается. Какое-то тайное предчувствіе сжимаетъ мое сердце и приводитъ меня въ невольный трепетъ. Но колоколъ опять звонитъ. Неужели это никогда не кончится?

— Что вы видѣли во снѣ прошедшую ночь, сударыня?

— Цѣлую ночь, я видѣла во снѣ мою мать. Мнѣ казалось, что я была еще дитятей и покоилась на ея колѣняхъ. Она осыпала меня ласками. Потомъ, вдругъ вошли въ нашу комнату вооруженные люди, схватили насъ обѣихъ; матушкѣ связали руки, покрыли ее огромнымъ покрываломъ, и отвели насъ на морской берегъ. Все происходило совершенно такъ, какъ было въ ту

страшную ночь, о которой я тебѣ такъ часто говорила. Я видѣла погребальный саванъ, въ которой хотѣли завернуть насъ и бросить въ море. Внизу клали тяжесть, которая должна была тянуть насъ ко дну. Я рыдала; мать покрывала меня поцѣлуями! Тогда-то увидѣла я г. де-Ферріоля и, по его заступничеству, спасена была отъ ужасной смерти. Потомъ, я услышала послѣднія слова матушки, которыя раздаются еще въ моихъ ушахъ: «Да будетъ она проклята, если хоть одна изъ ея мыслей не будетъ о ея спасителѣ; если хоть на минуту забудетъ она, что принадлежитъ ему навсегда и что для него, для него одного, она должна жить и умереть!» Ахъ, Софи! Скажи мнѣ, Софи, не преступница-ли я? Скажи, что мать моя не проклинаетъ меня изъ глубины Средиземнаго моря....

— Сударыня, умоляю васъ, отгоните отъ себя подобныя мысли.

— Не могу, Софи. Мнѣ все слышится голосъ матери... Гроза усиливается.... Какъ вѣтеръ ревetъ въ трубѣ! Кажется, что душа де-Ферріоля приходитъ требовать у меня отчета въ измѣнѣ. Посмотри.... видишь ли эти сверкающіе въ окнѣ глаза. Это онъ смотритъ на меня.

— О, сударыня, успокойтесь; это кто нибудь изъ вашихъ людей отправляется спать.

— Ты думаешь?

— Я въ этомъ увѣрена.

— Я постараюсь забыться. Мнѣ будетъ легче, когда я засну. Позвони, пожалуйста. Я хочу пить; мнѣ душно.

Софи позвонила и вошелъ ла-Рошъ. Онъ былъ худощавѣе и желтѣе прежняго, и на ливреѣ его не высохли еще капли дождя.

— Графиня проситъ пить, сказала камеристка, не видя, кто вошелъ.

Потомъ, увидѣвъ стараго камердинера де-Ферріоля, она не могла удержаться отъ невольнаго трепета и прибавила:

— Я сама все приготовляю.

— Нѣтъ, останься со мной, сказала Аиша.

Ла-Рошъ вышелъ и, чрезъ нѣсколько минутъ, возвратился съ подносомъ, на которомъ стоялъ стаканъ съ прохладительнымъ напиткомъ, который молодая женщина съ жадностью схватила и выпила, почти не переводя духа.

— Каково здоровье графини, проговорилъ сладенькимъ голоскомъ ла-Рошъ. Вы, кажется, больны, сударыня?

— Да, но это ничего. Я чувствую себя лучше послѣ питья...

— Прекрасно! Не нужно-ли стеречь у вашей комнаты.

— Нѣтъ, не нужно. Кстати, я не слышу болѣе колокола, который звонилъ въ монастырѣ Аннонціадокъ.

— Можете спокойно почивать, графиня, возразилъ ла-Рошъ. Колоколъ станетъ звонить теперь только при погребеніи.

Сказавъ это, онъ поклонился и вышелъ. Софи долго слѣдила его глазами, съ выраженіемъ недовѣрчивости и почти страха.

— О чемъ ты думаешь? сказала Анна. Ну, раздѣнь меня скорѣй, потому что меня клонитъ ко сну... Странно, я чувствую, что едва ли успѣю окончить свою молитву.

Молодая женщина преклонила колѣна предъ образомъ и стала молиться за кавалера д'Эди, за свою мать, и за графа де-Ферріоля, за живыхъ и умершихъ; но языкъ ея тяжело ворочался и слова замирали на устахъ. Только, когда клочекъ бумаги выпалъ изъ-за ея корсета, она вышла изъ оцѣпѣненія и съ живостью поднявъ его, судорожно сжала между своими пальцами: это было послѣднее письмо кавалера д'Эди.

Софи принуждена была позвать другую горничную, чтобы уложить на постель свою молодую госпожу, погруженную въ глубокій сонъ. Нѣсколько минутъ съ безпокойнымъ изумленіемъ смотрѣла она на нее; но слыша ея тихое и спокойное дыханіе, заперла ставни и вышла изъ комнаты.

На другой день кавалеръ д'Эди въѣхалъ въ отель де-Ферріоля, исполненный любви и надежды. Прелестная невѣста его еще спала. Въ ожиданіи пробужденія ея, д'Эди, въ радости, высыпалъ свой кошелекъ въ руки слугъ и, узнавъ Софи, которая принесла ему первое письмо отъ Анны, снялъ съ своей руки брилліантовое кольцо и надѣлъ его на палецъ вѣрной камеристки, потомъ, въ сопровожденіи ея, онъ пошелъ по комнатамъ и въ садъ отеля, гдѣ все напоминало ему присутствіе его возлюбленной. Онъ садился тамъ, гдѣ она любила садиться; съ жадностью цѣловалъ платокъ ея, забытый наканунѣ на каминѣ. Онъ не забылъ той садовой калитки, которая выходила на улицу Пайенинь, и у которой онъ такъ долго дожидался нѣкогда той, которая, увы!... не должна была болѣе явиться ему.

Но, часы проходили и Анна не давала никакого знака своего существованія. д'Эди дѣлался безпокойнымъ и упросилъ наконецъ Софи войти въ комнату ея госпожи и разбудить ее. Камеристка тихими шагами прокралась въ спальню, отперла ставни; потомъ, приблизилась къ постели, тихо отдернула занавѣски и, упавъ навзничь, испустила страшный вопль.

При этомъ крикѣ, д'Эди, блѣднѣе смерти, бросился въ комнату, въ которой ожидало его ужасное зрѣлище. Аиша, блѣдная и холодная, какъ мраморная статуя, лежала на постели съ открытыми, но безжизненными глазами. Одна ея рука повисла, другая съ усиліемъ была подведена къ груди, и между сжатыми ея пальцами можно было различить скомканную бумагу.... Это опять было послѣднее письмо кавалера д'Эди.

Несчастный нѣсколько времени молча и неподвижно стоялъ у ложа своей невѣсты. Глаза его были сухи; дыханіе остановилось. Казалось, жизнь вмигъ оставила его. Онъ преклонилъ колѣна предъ трупомъ своей возлюбленной и созерцалъ его въ нѣмомъ молчаніи. Одни мольбы и слезы г-жи де-Параберъ, прибывшей чрезъ нѣсколько времени въ отель де-Ферріоля, рѣшили его разлучиться съ драгоцѣннымъ прахомъ!...

Итакъ, мщеніе графа де-Ферріоля пережило его; женщина, принадлежавшая ему во время его жизни, не должна была принадлежать другому даже по его смерти. Полагать-ли, что столь различныя и страшныя треволненія, которыя перенесла несчастная Аиша, изсушили источники ея жизни, или видѣть въ этой внезапной и неожиданной смерти исполненія завѣщаніе неумолимаго дворянина, который завѣщалъ своему камердинеру ла-Рошу совершить его послѣднюю волю — предположенія, изъ которыхъ, безъ сомнѣнія, нужно остановиться на послѣднемъ, если припомнимъ, съ одной стороны, крайне странное распоряженіе графа въ пользу своего слуги; а съ другой, таинственную записку, которую онъ вручилъ ему въ ночь своей смерти, съ приказаніемъ прочесть ее въ одномъ только случаѣ; и, наконецъ, этотъ напитокъ, поднесенный молодой женщинѣ наканунѣ ея смерти и повергшій ее въ глубокій сонъ. Впрочемъ, по неимѣнію явныхъ доказательствъ преступленія, ла-Рошъ, взятый, по показанію Софи, — подъ стражу, отпущенъ былъ послѣ перваго вопроса. Но, избѣгши людскаго суда, онъ не избѣгъ суда Божьяго. Спустя нѣсколько послѣ того времени, онъ умеръ въ больницѣ отъ увѣчья, причиненнаго ему въ дракѣ, въ кабакѣ.

Неутѣшная въ потерѣ своей госпожи, вѣрная Софи вступила въ монастырь Аннонціадокъ, на другой день похоронъ, и уже не выходила изъ него.

Кавалеръ д'Эди провелъ свои дни въ уединеніи, въ одномъ изъ отдаленныхъ своихъ помѣстьевъ, одинъ, съ портретомъ той,

которой лишился навсегда. Безъ сомнѣнія, можно полагать, что послѣ его смерти желаніе его возлюбленной исполнилось, и что одна гробница вмѣщаетъ въ себѣ ихъ прахъ.

Несчастные любовники! Встрѣчая среди сатурналій регентства ихъ непорочныя лица; читая повѣствованіе ихъ любви, еще болѣе непорочной, не представляются-ли вамъ прелестный тюльпанъ и свѣжая фіалка, разцвѣтшіе на тинистомъ берегу потока?

ЮМОРИСТИКА.

ТОРЖЕСТВО СУПРУЖЕСКОЙ ВѢРНОСТИ

или

МЕКСИКАНЦЫ ВЪ ЛАПЛАНДІИ.

Оперное либретто, составленное по новѣйшимъ образцамъ и въ самомъ модномъ вкусѣ.

Большая героическая опера, съ хорами, танцами, фейерверками, конным и пѣшимъ сраженіями, борьбою, кулачнымъ боемъ, катаньемъ на конькахъ, ристаніемъ въ колесницахъ, турниромъ, метаніемъ диска, воловьей травлей, пожаромъ, разрушеніемъ цѣлой области, и вообще украшенная великолѣпнымъ спектаклемъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Шагабагамъ Балбалыкумъ, владѣтель необитаемаго острова.
Принцесса Брамбилла, его супруга.
Кавалеръ Бонавентура.
Минерва (Паллада то жъ).
Вѣстникъ.
Воины.
Народъ.
Тѣлохранители.
Игры, Смѣхи — спутники Минервы (Паллада тожъ).
Жители обоего пола.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Внутренность царскихъ чертоговъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ШАГАБАГАМЪ, БРАМБИЛЛА, ЖРЕЦЫ, ВОИНЫ И НАРОДЪ.

Дуэтъ.

ШАГАБАГАМЪ И БРАМБИЛЛА.

О, восторгъ, о восхищенье!!!
Наконецъ соединенья
Наступилъ желанный часъ,
О, Зевесъ, храни ты насъ.
Храни, храни, храни ты насъ. (bis).
Храни ты насъ, храни ты насъ!
Храни, храни, храни, храни,
Храни, храни, храни, храни,
Храни, храни ты наши дни!
Храни ты насъ!
Хра-хра-хра-хра-ни ты насъ!

НАРОДЪ, ВОИНЫ, ОРУЖЕНОСЦЫ И ПРОЧ.

Властелинъ
Нашъ одинъ,
Какъ гранитъ,
Насъ хранитъ.
Увы и ахъ!
Во всѣхъ сердцахъ,
Увы и ахъ,
Увы и ахъ,
Увы и ахъ,
Во всѣхъ сердцахъ,
Днесь отдается.

И кликъ несется:
Игры и смѣхи,
Всяки утѣхи....
Всяки утѣхи,
Сюда слетайтесь!

Речитативъ.

ШАГАБАГАМЪ (*къ народу, воинамъ, оруженосцамъ и проч.*)

Друзья, веселитесь, пируйте,
Пляшите,
Танцуйте,
Скачите,
Ликуйте,
Воспѣвайте!
Воспѣвайте, воспѣвайте, воспѣвайте,
Прославляйте,
И бракъ нашъ шумно торжествуйте,
Торжествуйте, торжествуйте, торжествуйте!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Возскачемъ мы бодро ногами,
И всѣ мы возсплещемъ руками,
Возскачемъ, воспляшемъ, возскачемъ.

ХОРЪ (*народъ, воины оруженосцы и проч.*)

Такъ станемте, друзья, пировать,
И плясать,
Танцовать,
И скакать,
Ликовать,
Воспѣвать,
Прославлять.
И бракъ его торжествовать!
Торжествовать, торжествовать, торжествовать,
Торже.... торже.... торжествовать!
И бракъ его торжествовать!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Другой чертогъ еще роскошнѣе перваго.

ЯВЛЕНІЕ I.

ШАГАБАГАМЪ И БРАМБИЛЛА.

Каватина.

БРАМБИЛЛА.

Ужель, ужель.

ШАГАБАГАМЪ.

Увы! увы!

БРАМБИЛЛА.

Скажи скорѣй.

ШАГАБАГАМЪ.

Пусть сто смертей!

БРАМБИЛЛА.

Ахъ, ахъ, ахъ!
Ахъ, отвѣчай!

ШАГАБАГАМЪ.

Узнай, узнай!

БРАМБИЛЛА.

Скажи скорѣй!

ШАГАБАГАМЪ.

Будь проклятъ я!

Вмѣстѣ.

Ахъ, ахъ, ахъ, ахъ,
Ахъ, ахъ, ахъ, ахъ!

БРАМБИЛЛА.

Увы, увы!
Увы, увы!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Часть сада. На аван-сценѣ дворцовая терраса.

ЯВЛЕНІЕ I.

КАВАЛЕРЪ БОНАВЕНТУРА, (*въ плащѣ и со шпагою, играетъ на лютнѣ*).

Долго я, долго, ахъ долго, и долго, и долго,
Долго во мракѣ ночномъ я блуждаю подъ окнами милой,
Боги, ахъ боги, меня приковали какой-то волшебною силой.
Вотъ ужъ три ночи, три тяжкія ночи, три ночи,
Сномъ не смежались мои утомленные бдѣніемъ очи.
Ахъ, проснись!
Ахъ, тронись,
Ты мольбой.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ-ЖЕ И ВОИНЫ (*показываются изъ-за угла и потомъ, крича во все горло*).

Тише, тише, не шумите,
Осторожнѣй подходите.
(*Считая паузы*).

Разъ, два, три, четыре,
Разъ, два, три, четыре!
Не зѣвайте,
Нападайте,
Ну, дружнѣй,
Ну, смѣлѣй!
Разъ, два, три, четыре.
Безполезно промедленье,
Въ бѣгствѣ онъ найдетъ спасенье.

(Не трогаясь съ мѣста, и какъ можно хладнокровнѣе).

Схватите,
Вяжите,
Влеките,
Тащите!
Мы побѣдили
И удивили
Весь міръ храбростью своей!

(Во всю глотку).

Тише, тише, не шумите,
Осторожнѣй подходите, и т. д.

(Между-тѣмъ кавалеръ Бонавентура, замѣтя эту толпу ротозѣевъ, въ постыдный обратился бѣгъ).

ХОРЪ.

О, ярость, онъ скрылся отъ насъ!
Пойдемъ, пойдемъ за нимъ сейчасъ!

(Не трогаясь съ мѣста).

Бѣгите, бѣгите, бѣгите!
Схватите, схватите, вяжите,
Вяжите, вяжите, держите!
Безполезно промедленье,
Въ бѣгствѣ онъ найдетъ спасенье!
Пойдемъ за нимъ, пойдемъ сейчасъ,
Пойдемъ, пойдемъ, пойдемъ сейчасъ.
Пойдемъ сейчасъ,
Пойдемъ сейчасъ —
Вотъ мы ушли!
Ушли отсель!
(Во все горло). Здѣсь тихо все!
Нѣтъ никого!
Рѣшительно. *(Медленно уходятъ).*

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Площадь передъ дворцомъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

БРАМБИЛЛА И НАРОДЪ.

БРАМБИЛЛА.

Ахъ, тщетно, напрасно, ахъ тщетно моленье
Я шлю къ раздраженнымъ богамъ....
Супругъ мой, супругъ, бьется съ ожесточеньемъ.
Чу! въ отдаленьи
Трубы звучатъ!
Ахъ, враждебныя челюсти страшно скрыпятъ;
Ужели тѣ звуки позоръ мнѣ сулятъ!

Речитативъ.

Но, что́ я зрю?

(Толпа воиновъ выноситъ на щитахъ смертельно-раненнаго героя).

ХОРЪ.

О, горе! горе!

БРАМБИЛЛА.

Какое зрѣлище!

ШАГАБАГАМЪ.

Увы!

БРАМБИЛЛА.

Ты раненъ?

ШАГАБАГАМЪ.

Ахъ!!

БРАМБИЛЛА.

Ну, что жъ!

ШАГАБАГАМЪ.

Увы!

БРАМБИЛЛА.

Откройся мнѣ!
Скажи скорѣй,
Скажи мнѣ....

ШАГАБАГАМЪ.

Ахъ!
Ахъ, и увы!
Ликуетъ врагъ,
А я, я плаваю въ крови!...

БРАМБИЛЛА.

Свершилось все!

ШАГАБАГАМЪ.

Прости, прости, я умираю,
Я страдаю,
И стенаю,
Ожидаю,
И желаю.
О горе мнѣ, о горе вамъ!
О горе мнѣ, и горе вамъ —
Моимъ врагамъ!
Прости!

НАРОДЪ.

День ужасный!
День несчастный!

Увы! увы!
Свершилось все!
Увы! увы!
О, горе намъ!
Увы! увы!
Погибли мы!
Увы! увы!
Спасенья нѣтъ!

(Раздаются звуки волшебной гармоніи; на сцену опускается облако и въ немъ показывается Минерва (Паллада и Авина то жъ).

МИНЕРВА (Паллада тожъ).

Проснись! Шагабагамъ, тебя я оживляю,
Возьми свой одръ, ступай, я такъ повелѣваю!
Ступай себѣ!...

БРАМБИЛЛА.

Но кто же ты?

МИНЕРВА (Паллада тожъ).

Минерва я,
Паллада тожъ!

БРАМБИЛЛА.

Увы! увы! ахъ! сназмы! нервы!

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ-ЖЕ И ВѢСТНИКЪ.

ВѢСТНИКЪ.

Спокойся, о княжна! побѣда совершенна!
Разбитый ханъ бѣжитъ, Москва освобожденна!

ШАГАБАГАМЪ (*оживаетъ*).

О радость!

БРАМБИЛЛА (*сдавивъ его въ объятіяхъ*).

О сладость!

МИНЕРВА *(махнувъ на нихъ рукою, и значительно покачавъ головой).*

О младость! *(Исчезаетъ).*

ХОРЪ.

Финалъ.

Властелинъ
Нашъ одинъ,
Какъ гранитъ
Насъ хранитъ.
Увы и ахъ!
Во всѣхъ сердцахъ.
Увы и ахъ!
Увы и ахъ!
Увы и ахъ!
Во всѣхъ сердцахъ
Днесь отдается,
И кликъ несется:
Игры и смѣхи,
Всяки утѣхи —
Сюда слетайтесь!
И восхищайтесь!

Дуэтъ.

БРАМБИЛЛА И ШАГАБАГАМЪ.

Вотъ блаженства
Совершенство!
Совершенство Вотъ блаженства!
Вотъ блаженства Совершенство!
И согласья вотъ примѣръ!

ОБЩІЙ ХОРЪ.

Слава! слава! слава!
Да процвѣтетъ твоя держава!
Хвала, хвала, хвала! хвала!
Хвала! хвала тебѣ герой,
Хвала! хвала! хвала! хвала!
Виватъ! виватъ!
Урррра!...

(Великолѣпный балетъ).

ЖУЛЕВИСТОВЪ.

СМѢСЬ.

ФЁЛЬЕТОНЪ.

ССОРА M-LLE РАШЕЛЬ СЪ Г. БОВАЛЕ. — ПРЕВРАЩЕНІЕ КОНТРЪ-АЛЬТА ВЪ ТЕНОРЪ. — ФАКТЫ, ДОКАЗЫВАЮЩІЕ ВЛІЯНІЕ МУЗЫКИ. — АКТЕРЪ ОФМАНЪ И АНГЛІЙСКІЙ МОШЕННИКЪ. — СБОРЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ТЕАТГОВЪ. — КРЕДИТОРЫ И ПУБЛИКА. — ФАННИ-ЭЛЬСЛЕРЪ ВЪ РИМѢ. — БОЛѢЗНЬ ПОЗАКАЗУ. — ПОЖАРЪ ГАРРИКОВА ТЕАТРА ВЪ ЛОНДОНѢ. — ВЕНГЕРСКАЯ ПУБЛИКА. — МУЖЪ ВОЗМУТИТЕЛЬ ОБЩЕСТВЕННАГО СПОКОЙСТВІЯ. — БАЛАГАННАЯ ВЫВѢСКА

ССОРА M-LLE РАШЕЛЬ СЪ Г. БОВАЛЕ.

Вотъ что́ сказано въ одномъ парижскомъ журналѣ о сценѣ происшедшей во Французскомъ-театрѣ при одномъ изъ послѣднихъ представленій m-lle Рашель. Молодая артистка, кончивъ свою роль, вышла за кулисы и съ большимъ негодованіемъ жаловалась на неприличное поведеніе г-на Бовале. По словамъ ея г-нъ Бовале до того забылся на сценѣ, что почти въ-слухъ говорилъ разныя пошлыя остроты на счетъ m-lle Рашели. Другіе увѣряютъ, что виновата сама m-lle Рашель, что она, будто-бы такъ близко подошла къ аванъ-сценѣ, что г. Бовале, оставаясь шагахъ въ десяти позади ея не зналъ къ кому долженъ былъ обращаться съ словами своей роли, что въ-слѣдствіе этого онъ высказалъ m-lle Рашель нѣсколько горькихъ упрековъ, и что m-lle Рашель взбѣсилась за это и начала клеветать на него. Какъ бы то ни было, вотъ причина ссоры, вотъ причина неудовольствія m-lle Рашели, которая рѣшительно объявила, что она идетъ въ отставку.

Все это кажется намъ весьма-непростительнымъ, и кто бы

тутъ ни былъ виновнымъ, мы находимъ, что подобныя ссоры не достойны Французскаго театра, не достойны артистовъ, любящихъ и уважающихъ свое искусство. Что скажетъ обо всемъ этомъ публика? Благоразумно ли открывать ей всѣ эти закулисныя интриги и сплетни! Въ то время, когда она смотритъ на васъ, когда она слушаетъ васъ, когда она, увлекаясь, прекрасными стихами великихъ поэтовъ, вся предастся драмѣ, воспроизводимой вами предъ ея глазами, вы вдругъ начинаете перебраниваться. Публика хочетъ видѣть Андромаху и Пирра и видитъ г. Бовале и m-lle Рашель, которые говорятъ другъ-другу обидныя колкости.—При каждомъ стихѣ, произносимомъ однимъ изъ актеровъ, другой въ полголоса говоритъ остроты и колкости, со всѣмъ не въ стилѣ Расина. Андромаха кончила свою тираду, и Пирръ говоритъ ей: Поди, ты мнѣ надоѣла, и взбѣшенная Андромаха бѣжитъ за кулисы излить гнѣвъ свой. И все это дѣлается извѣстно публикѣ. — Но какого же мнѣнія должна быть послѣ этого объ васъ публика.

Мы не стали бы и говорить объ этомъ непріятномъ случаѣ, еслибъ онъ не угрожалъ чрезвычайно важными послѣдствіями.— M-lle Рашель требуетъ увольненія. Для Французскаго-театра ничего не можетъ быть непріятнѣе потери m-lle Рашель. Чтобы сохранить m-lle Рашель, Французскій-театръ согласится на всѣ условія; страхъ потерять ее заставилъ его даже требовать директора, — потому что m-lle Рашель расположена сдѣлать для директора то, чего она ни за какую цѣну не хочетъ сдѣлать для сообщниковъ: говорятъ она была уже у министра и объявила ему, что не хочетъ болѣе быть общницею Французскаго-театра.

Понятно, какое сильное волненіе произведетъ рѣшеніе m-lle Рашель въ улицѣ Ришелье. Но теперь еще не время говорить объ этомъ; мы возвратимся къ этому предмету черезъ нѣсколько дней.

Между-тѣмъ выскажемъ откровенно г-ну Бовале, талантъ котораго мы вполнѣ уважаемъ, сожалѣнія наши, что онъ былъ причиною этого непріятнаго случая. Мы любимъ видѣть въ артистѣ уваженія къ саму себѣ, безъ котораго не можетъ и быть истиннаго артиста; и то, что мы скажемъ о господинѣ Бовале, могутъ примѣнить къ себѣ и многіе другіе артисты. Есть, по несчастію, артисты, которые считаютъ не достойнымъ себя заниматься на сценѣ своею ролью. Для этихъ господъ талантъ состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать на сценѣ совсѣмъ не то, зачѣмъ они вышли на нее, шутить во время патетической тирады; отпускать шуточки и остроты, когда первая любовница плачетъ, и преспокойно понюхивать табачокъ, когда она отравляетъ себя.

Эти фантазіи не могутъ быть дозволены никому кромѣ славнаго Бокажа, который однажды едва не уморилъ со смѣху бѣдную г-жу Дорваль, въ ту минуту, когда она закалывалась кинжаломъ. M-me Дорваль тоже разгнѣвалась, какъ и m-lle Рашель,

и m-me Дорваль была не права, потому что Бокажъ совсѣмъ не то, что другіе артисты. Для него театръ средство, а не цѣль. Бокажъ Трибунъ, и когда-нибудь онъ воспользуется этимъ правомъ Трибуна, чтобы сказать рѣчь толпѣ среди своей роли. Бокажъ считаетъ унизительнымъ прятать голову свою въ огромный парикъ, подкрашивать свою прекрасную физіономію и облекаться въ странной формы костюмы. Бокажъ счастливъ будетъ въ тотъ день, когда ему можно будетъ играть трагедію въ обыкновенномъ фракѣ и трехцвѣтномъ шарфѣ. Не всякому можно добиваться этой честолюбивой цѣли. Пусть же Бовале предоставитъ Бокажу исполнять свое назначеніе, а самъ пусть остается простымъ актеромъ, любящимъ свое искусство и полнымъ уваженія къ великимъ поэтамъ, которыхъ онъ служитъ истолкователемъ, и къ публикѣ, которую онъ хочетъ трогать и воодушевлять.

—

ПРЕВРАЩЕНІЕ КОНТРЪ-АЛЬТА ВЪ ТЕНОРЪ.

Во французскихъ газетахъ разсказываютъ за истину слѣдующій анекдотъ: Дня за два до открытія настоящаго сезона парижской Комической-оперы, къ директору ея, г. Вателю, въ то самое время, какъ онъ занимался у себя въ кабинетѣ дѣлами, входитъ вдругъ молодой человѣкъ, довольно скромной наружности и чрезвычайно робкій.

— Я изъ вашей труппы, сударь.

— Ваше имя.

— Mlle Жуана.

— Какъ m-lle! Что это значитъ!

— О, сударь это немножко забавно, съ видимымъ замѣшательствомъ отвѣчаетъ молодой человѣкъ: я не знаю, какъ вамъ объяснить....

— Прошу васъ пожаловать ко мнѣ въ болѣе приличномъ для васъ костюмѣ, сказалъ г. Ватель.

— Но, сударь.... напротивъ....

— Мнѣ кажется, сударыня, что теперь не святки.

— Но, сударь, потому то я и....

— Сударыня, оставьте эту мистификацію, или я вынужденъ буду прибѣгнуть къ штрафу.

— Но, сударь, возразилъ почти со слезами молодой человѣкъ: увѣряю васъ, что я нисколько не виноватъ въ этомъ.... Это такой случай, который.... словомъ, сударь, увѣряю васъ, что я въ надлежащемъ костюмѣ.... и объ этомъ то я пришелъ предупредить васъ.

Это еще болѣе разгнѣвало г-на Вателя; онъ позвонилъ и велѣлъ позвать г. Таріо, главнаго начальника хористовъ и хористокъ. Г. Таріо явился.

— Любезный Таріо, сказалъ ему директоръ: знаете вы этого наглеца!

— Какъ же, помилуйте, это мое первое сопрано.

— Въ такомъ случаѣ кончимте эту пошлую комедію, вскричалъ г. Ватель: извольте выйти, сударыня!

— Умоляю васъ, сударь, возразилъ молодой человѣкъ, падая на колѣни: умоляю васъ, не губите моей будущности.... Клянусь вамъ, сударь, что я болѣе не сопрано.... я сдѣлался теноромъ.... Ради Бога не выгоняйте меня изъ вашей труппы.

Ватель и Таріо съ изумленіемъ посмотрѣли другъ на друга; но такъ, какъ m-lle Жуана плакала горькими слезами, и такъ-какъ, не смотря на ея костюмъ, ее все-таки можно было скорѣе принять за хорошенькую дѣвушку, чѣмъ за мужчину, то растроганный г. Ватель благосклонно поднялъ ее и сказалъ:

— Ну такъ объяснитесь же.

Тогда m-lle Жуана начала объясняться скромно и деликатно; она разсказала, какъ мать ея, которая годъ тому назадъ привезла ее въ Парижъ изъ Пармы, твердила ей безпрестанно, что она сопрано; какъ ее всегда называли m-lle Жуаною; какъ помѣстили ее въ ряды хористокъ, гдѣ она всегда съ такимъ усердіемъ исполняла свое дѣло, какъ въ послѣднія вокаціи съ нею случилось приключеніе.... и какъ, наконецъ, явно стало, какая жестокая ошибка сдѣлана на счетъ ея въ метрическихъ книгахъ—потому что она вдругъ сдѣлалась теноромъ, полнымъ будущности.

— А! вскричалъ удивленный директоръ: но увѣрены ли вы въ этомъ.

— Помилуйте, сударь, спросите хоть у моего семейства.

— Ну въ такомъ случаѣ я очень радъ, отвѣчалъ директоръ.

И послѣ того, получивъ новыя неоспоримыя доказательства истины этого происшествія Ватель охотно согласился удержать, въ труппѣ своего молодаго тенора, котораго онъ принялъ къ себѣ какъ сопрано. Только m-lle Жуана, со всѣмъ багажомъ и оружіемъ перешла, подъ граціознымъ именемъ Жеронимо, въ ряды хористовъ мужескаго пола.

—

ФАКТЫ, ДОКАЗЫВАЮЩІЕ ВЛІЯНІЕ МУЗЫКИ.

Вліяніе музыки на душу и тѣло вмѣстѣ, то есть на одушевленныя тѣла, неоспоримо; множество животныхъ доказываютъ это. Оно видно изъ явнаго удовольствія, съ которыми птицы

слушаютъ и выучиваютъ нѣкоторыя аріи, и изъ криковъ, которые нѣкоторые звуки возбуждаютъ въ собакахъ. Опытами дознано, что звуки флейты привлекаютъ оленей; что ярость льва утихаетъ при барабанномъ боѣ, и что онъ пугается пѣнія пѣтуха; что трубный звукъ ободряетъ лошадей и проч. Что касается до человѣка, то могущество музыки надъ нимъ давно доказано. Въ самой отдаленной древности Спартанцы, Мидійцы и Критяне, не иначе ходили на битву, какъ при ободрительномъ звукѣ флейтъ. Тимотей, играя на лирѣ арію, называемую: «Ортіасъ», приводилъ въ бѣшенство Александра Македонскаго, заставлялъ его хвататься за оружіе, и потомъ укрощалъ его такъ же легко. Терпандръ укротилъ возмущеніе въ Лакедемонѣ посредствомъ сладостнаго пѣнія своего. Киръ ободрялъ свои войска, заставляя ихъ пѣть гимнъ въ честь Кастора и Поллукса. Клитемнестра не прежде уступила преслѣдованіямъ Эгиста, какъ когда онъ убилъ музыканта Демадонуса, которому Агамемнонъ поручилъ жену свою, и котораго пѣніе пробуждало въ ней чувство и поддерживало обязанности. Улиссъ, болѣе счастливый, приставилъ съ тѣмъ же намѣреніемъ музыканта Феміуса къ женѣ своей Пенелопѣ, которая до возвращенія сохранила къ нему вѣрность. Даже бездушные предметы подвергаются могущественному вліянію звуковъ. Плиній упоминаетъ объ одной пещерѣ на Далматскомъ берегу, изъ которой исходилъ шумъ, подобный тому, который производитъ буря, когда въ нее бросали камень. Стеклянный стаканъ, повѣшенный на нитклѣ, падаетъ разбитый на нѣсколько кусковъ при звукѣ голоса, когда звукъ сего послѣдняго похожъ на звукъ стекла стакана. Нынѣ физика открыла еще болѣе фактовъ.

—

АКТЕРЪ ОФМАНЪ И АНГЛІЙСКІЙ МОШЕННИКЪ.

Андре Офманъ (Hoffman), знаменитый комическій актеръ парижскаго театра Variétés, даетъ теперь въ Гаврѣ представленія, на которыя стекается многочисленная публика. Веселый комикъ въ особенности играетъ удачно въ тѣхъ сценахъ, въ которыхъ онъ карикатурно подражаетъ странностямъ Англичанъ. Въ послѣдній разъ Офманъ игралъ въ піесѣ: Les trois dimanches роль Англичанина, въ которой такъ превосходенъ бываетъ Левассоръ на Пале-Роялькомъ театрѣ. Эта роль есть одна изъ самыхъ блестящихъ ролей Офмана, а потому онъ и имѣлъ въ Гаврѣ чрезвычайный успѣхъ. Но въ особенности игра его, повидимому, производила сильное дѣйствіе на одного Англичанина, стоявшаго въ

оркестрѣ. При каждомъ словѣ, произносимомъ парижскимъ актеромъ, онъ приходилъ въ восторгъ и испускалъ восклицанія: Но! и Very well! Артистъ еще болѣе обрадовался, когда послѣ окончанія піесы, милордъ попросилъ у него позволенія войти въ его ложу, для того, чтобы поздравить его. Легко понять, что онъ очень скоро согласился на это.

Послѣ первыхъ поклоновъ и комплиментовъ, милордъ осмѣлился однакожъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія Офману. Потомъ онъ началъ учить его произносить нѣкоторыя англійскія слова и даже дѣлать нѣкоторыя тѣлодвиженія. Офманъ простился съ Англичаниномъ, осыпая его увѣреніями искренней благодарности, потомъ отправился на сцену играть послѣднюю піесу. Только послѣ спектакля, одѣваясь, чтобы выйти изъ театра, онъ замѣтилъ, что у него украли золотые часы и кошелекъ съ пятидесятью франками. Никто кромѣ Англичанина не входилъ въ его ложу. Онъ поспѣшилъ въ тотъ домъ, въ которомъ англійскій милордъ квартировалъ, по его словамъ. Но тамъ никто и не слыхалъ объ такомъ человѣкѣ. Былъ ли учитель англійскаго языка настоящій британскій мошенникъ, или это былъ искусный парижскій воръ, объѣзжавшій департаменты? этого еще никто не могъ объяснить.

—

СБОРЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

Въ одной французской газетѣ напечатано слѣдующее любопытное исчисленіе суммъ, собранныхъ парижскими театрами въ 1811 году, съ замѣчаніемъ, что сборъ этого года превосходилъ почти на милліонъ франковъ сборы годовъ 1809 и 1810, причину этого приписываютъ большому стеченію въ Парижъ иностранцевъ по случаю праздниковъ, происходившихъ по поводу бракосочетанія Императора Наполеона.

Королевская Академія Музыки собрала	643,503	фр.
Французскій-Театръ	867,394	—
Комическая-Опера	950,172	—
Театръ Императрицы	292,536	—
Театръ Водевиля	349,408	—
Variétés	613,673	—
Ambigu-Comique	445,933	—
Gaité	476,483	—
Porte-Saint-Martin	303,137	—
Франкони	281,863	—
Итого . .	5,224,102	фр.

—

КРЕДИТОРЫ И ПУБЛИКА.

Пятое представленіе въ Вѣнѣ оперы les Mousquetaires de la Reine было замедлено слѣдующимъ непредвидѣннымъ и довольно забавнымъ обстоятельствомъ. Въ самый день этого представленія первый басъ М. Б., исполняющій въ этой оперѣ роль капитана Роланда, былъ арестованъ въ слѣдствіе предъявленныхъ на него просроченныхъ векселей. Кредиторы придумали этотъ арестъ въ такое время, въ надеждѣ, что антрепренеръ Балахино заплатитъ имъ немедленно хоть часть долговъ своего артиста; но Балахино рѣшительно отказался отъ всякой сдѣлки. Вечеромъ публика начала съѣзжаться и сходиться въ театръ и, къ изумленію своему нашла его запертымъ. Вокругъ театра собрались толпы, и полиція принуждена была вступиться въ дѣло и объяснить собравшимся зрителямъ причину отмѣны спектакля. Однако жъ г. Балахино приговоренъ къ штрафу въ 500 флор. за то, что не приготовилъ и не далъ другой піесы. Съ публикою шутить нельзя!

—

ФАННИ ЭЛЬСЛЕРЪ ВЪ РИМѢ.

Фанни Эльслеръ, находящаяся теперь въ Римѣ, удостоилась почести быть допущенною къ цѣлованію туфли папы Пія IX-го. Театральная царица явилась къ святому отцу великолѣпно разодѣтая, такъ-сказать осыпанная брилліантами. Конечно въ этомъ не было ничего дурнаго; но многіе присутствовавшіе при этой церемоніи невольно замѣтили, что не далѣе какъ нѣсколько дней передъ тѣмъ, королева настоящая, королева голландская, являлась съ подобною же цѣлію къ святому отцу одѣтою гораздо проще. Впрочемъ почесть, заслуженная m-lle Фанни Эльслеръ, хотя довольно рѣдкая, но отнюдь не безпримѣрная. Сценическіе артисты, отличающіеся талантомъ и доброю нравственностью, пользуются уваженіемъ въ Римѣ болѣе, нежели гдѣ-нибудь. Вотъ замѣчательный примѣръ тому: синьора Этеръ Момбелли, о которой мы уже говорили выше, пользовалась такимъ отеческимъ расположеніемъ папы Пія VII, что не смотря на сопротивленія губернатора римскаго и другихъ членовъ святой коллегіи, получила отъ него позволеніе дать въ пятницу Великаго-Поста концертъ въ пользу вдовы и сиротъ одного скоропостижно-умершаго пѣвца. Пѣвица эта находилась въ сношеніяхъ и съ другими кардиналами, а въ Парижѣ чрезвычайно дружна была съ Нунціемъ Маххи. Въ спальнѣ ея стоялъ образъ Мадонны, подаренный ей Піемъ VII и передъ этимъ образомъ постоянно теплилась лампада.

—

БОЛѢЗНЬ ПО ЗАКАЗУ.

Въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія была въ парижской Италіянской-оперѣ пѣвица, замѣчательная своимъ талантомъ, но еще болѣе замѣчательная по необыкновенной твердости воли, выказанной ею въ слѣдующемъ случаѣ.

Въ 1825 году синьора Эстеръ Момбелли—такъ звали эту пѣвицу, уѣхала на время изъ Парижа въ Италію. Возвратясь, въ слѣдующемъ году въ Парижъ она рѣшительно отказалась являться болѣе на сценѣ, и чтобы имѣть право уничтожить неокончившійся еще контрактъ съ Италіянскою оперою, она прикинулась больною, и цѣлые два мѣсяца *пролежала въ постели*, будучи здорова, какъ нельзя лучше. Едва ли кто другой рѣшится на подобную пытку; тутъ пожалуй и въ самомъ дѣлѣ сдѣлаешься боленъ. Но синьора Момбели ничуть не разстроилась отъ этого, и на другой же день по уничтоженіи контракта, весело уѣхала въ Геную, гдѣ и вышла за-мужъ за графа Гритти. Этотъ-то бракъ и былъ причиною сыгранной ею маленькой комедіи для того, чтобы покинуть сцену. Синьора Момбелли, теперь вдова графиня Гритти, по смерти мужа удалилась въ Стри, прекрасный замокъ на берегу Бренты, между Падуею и Венеціею, и занимается тамъ воспитаніемъ своей дочери. Во время пребыванія своего въ Римѣ, она жила въ короткой дружбѣ съ принцессою Боргезе, сестрою Наполеона.

—

ПОЖАРЪ ГАРРИКОВА ТЕАТРА ВЪ ЛОНДОНѢ.

Въ Лондонѣ сгорѣлъ въ прошломъ мѣсяцѣ театръ, называвшійся театромъ Гаррика. Вотъ подробности этого пожара: часу въ пятомъ утра полицейскіе замѣтили дымъ, выходившій изъ подъ крыши театра. Тотчасъ же ударили тревогу, но почти въ туже минуту показалось сквозь крышу и пламя, и не болѣе какъ черезъ десять минутъ, театръ стоялъ уже весь въ огнѣ. Немедленно явилась пожарная команда, но огонь уже истребилъ почти всю внутренность зданія, и только съ трудомъ успѣли остановить распространеніе пламени, когда оно уже сообщалось прилежащимъ къ театру дому призрѣнія еврейскихъ сиротъ и ружейной фабрикѣ г. Скотта, съ одной стороны, и извѣстной тавернѣ Гаррика съ другой. Однакожъ эти три зданія все-таки потерпѣли значительныя поврежденія. Къ девяти часамъ пожаръ совершенно прекращенъ. Театръ сгорѣлъ до основанія, со всѣми декораціями, костюмами и проч. Причина пожара неизвѣстна, но вообще полагаютъ, что онъ произошелъ отъ пыжа.

—

ВЕНГЕРСКАЯ ПУБЛИКА.

Венгерцы, какъ видно, совсѣмъ иначе поступаютъ съ своими драматическими артистами, чѣмъ въ другихъ земляхъ, и не очень то любятъ льстить имъ. Вотъ, напримѣръ, какъ поступила недавно со своимъ публика города Пешта. Давали Pes Mysteres de Paris, подражаніе новой TaBleau de paris Эженя Сю. Лишь только директоръ театра, г. Форстъ, тоже занимавшій роль въ этой піесѣ появился на сценѣ, со всѣхъ сторонъ послышались свистки и крики. Вонъ, вонъ! намъ не нужно вашего нѣмецкаго театра! Г. Форстъ, артистъ чрезвычайно талантливый, и до-сихъ-поръ, постоянно пользовавшійся благосклонностію этой же самой публики, особенно въ этой роли, подошелъ къ авансценѣ и хотѣлъ объясниться съ публикою. Но свистки и крики усилились. Г. Форстъ настаивалъ, чтобъ его выслушали, но видя, что шумъ не прекращается, сталъ неподвижно у рампы и подавалъ жестами знаки, что дождется окончанія этой бури. Тогда около сотни молодыхъ людей бросились изъ партера на сцену съ криками: Проклятіе нѣмецкому театру! схватили г-на Форста и вытолкали со сцены, а потомъ и изъ театра, и провожали до самой его квартиры ругательствами и палочными ударами, бросая сверхъ того въ него картофелемъ и яйцами. Полиція успѣла арестовать многихъ изъ этихъ негодяевъ. Г-нъ Форстъ опасно заболѣлъ, вслѣдствіе сильнаго потрясенія и побоевъ.

—

МУЖЪ ВОЗМУТИТЕЛЬ ОБЩЕСТВЕННАГО СПОКОЙСТВІЯ.

Сколько разъ мы слыхали и читали жалобы на то, будто бы въ нашихъ театрахъ, такъ называемая у насъ *райская* публика, нарушаетъ наслажденіе истинныхъ дилетантовъ своими не умѣстными и неистовыми изъявленіями восторга въ патетическихъ мѣстахъ піесы. Но что же бы заговорили наши дилетанты, если бы у насъ происходили безпорядки, подобные хотя вотъ слѣдующему: въ одномъ изъ городовъ Департамента Нижней-Сены во Франціи открытъ былъ недавно театръ. Разумѣется, въ первое представленіе зала была набита биткомъ. Вдругъ въ самой патетической сценѣ играемой піесы, раздаются въ одномъ углу партера плачевные крики женщины. Публика взволновалась. Ничего, говорятъ одни: это мужъ колотитъ жену. Чортъ его побери! пустъ идетъ колотить на улицу, отвѣчаютъ другіе. Наконецъ является полиція и учтиво выводитъ деспотическаго супруга изъ залы.

—

БАЛАГАННАЯ ВЫВѢСКА.

Вывѣска одного изъ балагановъ на какой-то провинціальной ярмаркѣ во Франціи гласила слѣдующее. Здѣсь показывается рыба, называющаяся: большой морской тигръ. Рыба эта поймана съ великими трудностями и при помощи многихъ бедуиновъ, близъ береговъ Африки, знаменитымъ натуралистомъ Цезаремъ Массерини. Это животное дикое и огромнаго вѣса, челюсти его снабжены двумя рядами острыхъ зубовъ, тѣло его покрыто шерстью, мягкою подобно бархату, а плавательныя перья похожи на руки. Постояннными усиліями владѣльцу этого животнаго удалось до такой степани сдѣлать его ручнымъ, что по первому знаку приставника, это морское чудовище, столь *странное по природѣ*, поднимается и лижетъ ему руки и *лицо*, и что еще удивительнѣе, что оно, по приказу этого же приставника, довольно ясно произноситъ слова папа и мама. На афишахъ, разосланныхъ по городу прибавлено. Г-нъ Массерини, *ожидаемый съ нетерпѣніемъ въ Парижѣ*, останется въ здѣшнемъ городѣ только самое короткое время, и потому должно спѣшить видѣть это необыкновеное животное, которое питается только одною рыбою и съѣдаетъ ее въ день по 20 килограмовъ. Показывается ежедневно съ 10 часовъ утра до часу по полудни и съ 5 час. до 10 вечера Цѣна: за входъ 25 сант., исключая того времени, когда его кормятъ, а именно съ 7 до 8 час. вечера, тогда платятъ 50 сантим. Это будетъ почище сирены, нѣкогда удивлявшей любознательную петербургскую публику.

ТЕАТРАЛЬНАЯ
ЛѢТОПИСЬ.

НОЯБРЬ.

ИНОСТРАННЫЕ ТЕАТРЫ.

ПАРИЖСКІЕ.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ.

1. Le nœud gordien (Гордіевъ узелъ), комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ.

Зала.—Молодой и богатый дипломатъ, графъ де-Молеонъ попробовалъ бросить свой обворожительный взглядъ на Эмерансу, жену г. Клавье. На дошедшіе до нея вздохи и жалобы, не благоразумная отвѣчала письмомъ, исполненнымъ словъ надежды и покорности, такъ, что это письмо становится какъ бы тайнымъ договоромъ между ею и графомъ. Молеонъ долженъ скоро жениться на племянницѣ г. Клавье, за которою волочится его кузенъ де-Сенъ-Понъ. Этотъ союзъ послужитъ Молеону средствомъ сблизиться съ Эмерансою.

Дѣйствіе 2-е. Г. Клавье назначенъ посланникомъ въ Италію. Графъ Молеонъ, сдѣлавшійся домашнимъ другомъ въ семействѣ Клавье, успѣлъ своимъ льстивымъ языкомъ и прекрасными манерами пріобрѣсть благосклонность матери г-на Клавье. Маркиза сбилась съ толку и обвиняетъ Сенъ-Пона въ намѣ-

реніи нарушить домашнее счастіе ея сына. Когда министръ привозитъ назначеніе г-на Клавье, Эмеранса съ огорченіемъ видитъ, что мѣсто секретаря посольства, на которомъ ей хотѣлось видѣть Сенъ-Пона, отдано графу. Сенъ-Понъ дѣлаетъ возраженія, но тщетно: маркиза, благодаря своему вліянію на министра, успѣваетъ отправить его къ миссіи въ Багдадъ.

Дѣйствіе 3-е. Кабинетъ. — Клавье отправился въ палату. Министерство въ опасности. Молеонъ опасающійся, чтобы не разрушилось подготовляемое имъ зданіе будущаго счастія, упрашиваетъ Эмерансу вызвать письмомъ депутата домой, потому что если онъ будетъ говорить въ палатѣ, то все погибло, и графу придется отказаться отъ своего мѣста секретаря посольства. Эмеранса долго противится; она старается вырваться изъ цѣпей оковавшаго ее чудовища, и падаетъ въ обморокъ. Молеонъ заставляетъ писать къ г. Клавье племянницу его m-lle Генріету. — Поздно! Г. Клавье уже говорилъ. Эмеранса не избѣжала опасности. Тогда г. де-Клавье объявляетъ, что онъ выдаетъ Генріетту за Сенъ-Пона. Молеонъ конфузится и требуетъ объясненія отъ г. де-Клавье, но Эмеранса бросается между ними.

Дѣйствіе 4-е. Залъ. — Сенъ-Понъ постигъ мученія Эмерансы. Во что бы то ни стало, надобно избавить ее отъ графа. Съ такимъ врагомъ Эмеранса никогда не будетъ счастлива и спокойна. Сенъ-Понъ вызываетъ графа. Молеонъ рѣшился побѣдить всѣ окружающія его препятствія. Въ письмѣ, полученномъ имъ нѣкогда отъ Эмерансы, ему назначено было свиданіе въ кіоскѣ, въ полночь. Какое то особенное обстоятельство помѣшало этому свиданію. Теперь Молеонъ предлагаетъ Эмерансѣ обмѣнять это письмо на ключъ отъ кіоска. Эмеранса въ отчаяніи отдаетъ ключъ.

Дѣйствіе 5-е. Кіоскъ. — Эмеранса хочетъ удалиться въ монастырь, и поручаетъ Сенъ-Пону вручить гибельное письмо ея мужу. Маркиза застаетъ ихъ въ этомъ совѣщаніи. Тогда Эмеранса призываетъ мужа и вручаетъ ему это свидѣтельство своей прошедшей слабости. Но голосъ ея достигъ до сердца г. де-Клавье и убѣдилъ его въ ея невинности. Между-тѣмъ Молеонъ и Сенъ-Понъ сбираются рѣзаться. Приходитъ графъ, Клавье даетъ ему понять смѣшную сторону его положенія, заставляетъ ѣхать вмѣсто Италіи, къ посольству въ Англію, отдаетъ ему письмо Эмерансы и получаетъ ключъ отъ кіоска. Сенъ-Понъ женится на Генріеттѣ.—Что вы сдѣлали? спрашиваетъ маркиза. — Другой разрубилъ бы узелъ, а я развязываю его.

Во-первыхъ, это драма, не смотря на то, что афиша даетъ ей имя комедіи, во-вторыхъ, драма прекрасно веденная, полная интереса и разумности до 4-го акта. Она имѣетъ большой успѣхъ. Авторъ ея г-жа Каза-Майоръ. (Casa-Mayor).

TÈATRE PORTE-SAINT-MARTIN.

LA JUIFE DE CONSTANTINE, драма-анекдотъ въ 5 дѣйствіяхъ и 6-ти частяхъ.

Площадь въ Константинополѣ.—Рынокъ. Пестрая толпа шумно волнуется на площади. Всѣ лавки отперты, исключая одной, лавки Еврея Натана, одного изъ богатѣйшихъ торговцевъ въ Константинѣ. Два человѣка съ равнымъ безпокойствомъ наблюдаютъ за этою лавкою. Одинъ африканскій охотникъ, деньщикъ лейтенанта Мориса д'Арвье, который приказалъ ему извѣстить себя, какъ скоро Натанъ появится на площади. Другой — начальникъ племени Кабиловъ, Бенъ-Аиса, страстно влюбленный въ дочь Натана Лею и надѣющійся хоть издали поглядѣть на нее, когда она придетъ съ отцомъ въ лавку. Наконецъ, Натанъ появляется. но противъ обыкновенія своего безъ дочери, а съ одною старою служанкою. Доминикъ, деньщикъ лейтенанта д'Арвы бѣжитъ извѣстить его объ этомъ, а Бенъ-Аисса удаляется опечаленный. Натанъ, видя, что красота его дочери навлечетъ ей много опасностей, рѣшается выдать ее за одного изъ собратовъ. Но уже поздно. Леа влюблена въ лейтенанта д'Арвье, и Натанъ самъ продаетъ ему портфель, въ которомъ вложена записка Леи, назначающей въ тотъ же вечеръ свиданіе Морису. Кадиджа, молодая Кабилка, тайно влюбленная въ лейтенанта, узнаетъ про интригу его съ Леею и клянется отмстить. Завтра отправляется транспортъ военныхъ снарядовъ въ Филлипевилль, и Морису поручено конвоировать его. Второй шефъ племени Кабиловъ, Алибуталебъ, извѣщаетъ Бенъ-Аиссу, что возмущеніе готово вспыхнуть, и мятежники дожидаются только его. Бенъ-Аисса, весь занятый своею любовью, сначала отказывается принять въ этомъ участіе, но узнавъ, что транспортъ будетъ сопровождать лейтенантъ д'Арвье, соглашается.

Дѣйствіе 2-е. Внутренность дома Еврея Натана. — Послѣ свиданія Леи съ Морисомъ, Кадиджа объявляетъ Натану, что дочь его любовница лейтенанта, и доставляетъ ему доказательства этого. Старый Еврей въ отчаяніи. Онъ призываетъ дочь и изъ отца дѣлается судьею. Лея признается въ любви своей къ Морису, и клянется, что она невинна. Въ сердцѣ Натана возраждается надежда; онъ требуетъ, чтобы Лея вышла за назначеннаго ей жениха. Это невозможно, говоритъ дочь. Натанъ беретъ книгу закона и читаетъ бѣдной дочери текстъ, которымъ она осуждается на постыдное изгнаніе изъ племени, и по которому имя ея за-живо будетъ высѣчено на надгробномъ камнѣ. Но Лея возражаетъ, что она не подлежитъ болѣе этому закону, потому что она—христіанка. Бѣшенство Натана выходитъ изъ границъ. Онъ увлекаетъ дочь и хочетъ убить ее. Весь домъ сбѣгается на крикъ Леи. Но въ ту же самую минуту Натанъ появляется на порогѣ ея комнаты, блѣдный и разстроенный..... Лея мертва!

Картина 2-я. Комната Леи. — Раввины собрались для погребальной церемоніи по ихъ закону. Но Натанъ удаляетъ ихъ, говоря, что онъ одинъ займется этимъ. Оставшись одинъ, онъ пробуждаетъ Лею: рука его дрогнула, когда онъ хотѣлъ поразить дочь свою. Натанъ хочетъ услать дочь свою далеко отъ Константины. Разсвѣтаетъ. Являются слуги проститься въ послѣдній разъ съ покойницею. Натанъ усыпляетъ ее наркотическимъ средствомъ. Погребальная церемонія прервана появленіемъ Мориса д'Арвье, обезпокоеннаго услышаннымъ имъ печальнымъ пѣніемъ въ домѣ своей возлюбленной. Морисъ заклинаетъ Натана сказать ему, гдѣ дочь его. Старый Еврей открываетъ занавѣсъ постели и показываетъ Морису бездыханный трупъ Леи. Морисъ въ ужасѣ отступаетъ. Натанъ и самъ полагаетъ, что умертвилъ дочь свою. Взбѣшенный онъ гонитъ Мориса; но Морисъ непремѣнно хочетъ дать послѣдній поцѣлуй своей возлюбленной. Натанъ грозитъ ему кинжаломъ. Рази меня, если смѣешь, говоритъ Морисъ: я умру отъ руки, которая, можетъ-быть, поразила и Лею. Натанъ бросается на Мориса; ихъ разводятъ. Лейтенантъ клянется, что заставитъ отца Леи отвѣчать за убійство дочери передъ правосудіемъ человѣческимъ.

Дѣйствіе 3-е. Лагерь Кабиловъ.—Морисъ съ двумя товарищами попалъ въ плѣнъ къ Кабиламъ. Ему предлагаютъ свободу, но на постыдныхъ условіяхъ, и онъ отказывается. Кадиджа предлагаетъ ему доставить средство къ бѣгству, но Морисъ не хочетъ предать мщенію Кабиловъ двухъ своихъ товарищей. Казнь

плѣнниковъ назначена тотчасъ по окончаніи торжества, которымъ Арабы празднуютъ свою побѣду. Буталебъ, второй шефъ Кабиловъ, замѣчаетъ крадущуюся въ темнотѣ женщину — это Кадиджа. Буталебъ останавливаетъ ее, говоритъ ей о своей любви и обѣщаетъ взять ее въ жены, если она согласится пойти съ нимъ въ его палатку. Кадиджа соглашается и выпытываетъ у него пароль этой ночи. Чтобы уговорить Буталеба, который все еще не рѣшается произнести смертный приговоръ Французамъ, она объявляетъ ему, что лейтенантъ любитъ сестру его. Буталебъ соглашается на все. Но плѣнные уже убѣжали; стража ихъ найдена связанною. Бенъ-Аисса требуетъ выдачи измѣнника. Это я! говоритъ Кадиджа. Бенъ-Аисса упрекаетъ ее, что она спасла его соперника. Успокойся, говоритъ Кадиджа, той, кого онъ любитъ, нѣтъ уже болѣе на свѣтѣ. Бенъ-Аисса хочетъ видѣть Лею живую или мертвую все-равно. Кабилы пускаются преслѣдовать бѣглецовъ.

Дѣйствіе 4-е. Еврейское кладбище.—Натанъ ждетъ пробужденіе дочери, ему слышится вздохъ и онъ сходитъ въ подземелье. Бенъ-Аисса подстерегъ его. Онъ знаетъ, что Лея не умерла. Онъ окружитъ кладбище своими воинами, и тогда Еврей съ дочерью будутъ въ его власти. Натанъ выходитъ изъ могильнаго склепа, ведя съ собою и дочь свою. Лея отправится въ Филиппевиль, въ монастырь Сестеръ Милосердія. Натанъ скоро покинетъ ее, и дочь тщетно умоляетъ его о прощеніи. Оставшись одна, Лея срываетъ нѣсколько цвѣтковъ и бросаетъ ихъ на могилу матери своей. Морисъ, преслѣдуемый Кабилами, вбѣгаетъ на кладбище и видитъ Лею. Они скоро узнаютъ другъ друга. Бенъ-Аисса возвращается и застаетъ ихъ вмѣстѣ. Онъ прячется за кустъ. Лея примѣчаетъ его и вскрикиваетъ отъ ужаса. Лейтенантъ идетъ въ кустарникъ. Бенъ-Аисса выбѣгаетъ, накидываетъ на Лею свой бурнусъ и хочетъ задушить ея вопли. Является Натанъ, закалываетъ его кинжаломъ и уходитъ. Морисъ и Лея хотятъ удалиться изъ этого печальнаго мѣста, но Бенъ Аисса, еще не совсѣмъ умершій, кричитъ: На помощь! Является патруль спаговъ. Бенъ-Аисса называетъ Мориса своимъ убійцею. Лея хочетъ оправдать его. — Молчи! говоритъ Морисъ: ты не можешь обвинить отца своего.

Дѣйствіе 5-е. Пропасть Константинская. — Натанъ оставилъ Константину. Но возвратится ли онъ, чтобы спасти Мориса! Одно средство спасти Мориса представляется теперь Леѣ—средство это предлагаетъ ей Кадиджа. Надобно согласится принад-

лежать Бенъ-Аиссу. Лея съ негодованіемъ отвергаетъ это предложеніе. Что теперь дѣлать? Оставить ли погибнуть Мориса! Предать ли отца? Но вотъ сердце заговорило въ старомъ Евреѣ; онъ возвращается, чтобы спасти Мориса отъ казни. Бенъ-Аисса останавливаетъ его, говоря, что Лея въ его власти. Съ другой стороны раввины предадутъ его проклятію человѣческому, если онъ солжетъ. Натанъ рѣшается сказать истину. Бенъ-Аисса подаетъ знакъ. Женщина падаетъ въ пропасть. Отчаяніе овладѣваетъ Натаномъ, который не страшится болѣе сознаться, что это дочь его. Бенъ-Аисса радуется погибели Леи, но Лея съ Морисомъ бросаются въ объятія Натана. Кадиджа, лишившаяся всякой надежды на любовь Мориса, рѣшилась пожертвовать собою и заняла мѣсто Леи.

Авторы этой піесы, Теофилъ Готье и Ноэль Парфе, строго держались условій мѣстности, и въ этомъ отношеніи піеса ихъ имѣла большой успѣхъ, чему особенно споспѣшествовала также и превосходно согласованная съ этими условіями обстановка піесы.

THÉATRE DE LA GAITÉ.

3) L'Angelus, драма въ пяти дѣйствіяхъ и шести картинахъ.

Дѣйствіе I. — Хижина. — Графъ Торіани, измѣнникъ и бѣглецъ, приходитъ искать убѣжища отъ преслѣдованія великаго герцога, въ хижину Браччи. Браччи часто ссорится съ женою своею Луиджиною, которая не хочетъ открыть ему секретъ, хранимый ею цѣлыя двадцать лѣтъ. Слѣдуетъ бурная сцена. Дженнаро, сынъ ихъ, вступается въ нее. Луиджина удаляетъ всѣхъ присутствующихъ и объявляетъ Дженнаро, что братъ властвующаго герцога оставилъ сына, что сынъ этотъ живъ, и что онъ, Дженнаро, можетъ овладѣть важнымъ доказательствомъ этого, поднявъ камень подъ четвертымъ изъ семи стоящихъ рядомъ въ лѣсу дубовъ. Торіани и Браччи, спрятавшись, слышали весь этотъ разговоръ, и рѣшились прежде Дженнаро овладѣть сокровищемъ.

Дѣйствіе II. — Картина 1-я. — Монастырь. — Великій герцогъ хочетъ запереть въ него герцогиню. Молодая дѣвушка, любимая Дженнаро, помогаетъ бѣгству герцогини, ссужая ей военный костюмъ Дженнаро.

Картина 2 я. — Лѣсъ. — Дженнаро увозитъ въ своей лодкѣ герцогиню, которая должна явиться въ часовню Палавичини, какъ скоро прозвонятъ Angelus. Въ эту минуту совершится ровно двадцать лѣтъ ея вдовству, и два лица, назначившія ей свиданіе, будутъ ожидать ее тамъ. Первое изъ этихъ лицъ хранитель завѣщанія покойнаго ея мужа, а второе — сынъ ея. Торіани и Браччи встрѣчаются подъ дубомъ, куда оба явились за бумагами. Торіани измѣнническимъ образомъ умерщвляетъ Браччи и овладѣваетъ сокровищемъ.

Дѣйствіе III — Комната. — Слухъ объ убійствѣ распространяется. По нѣкоторымъ неяснымъ догадкамъ обвиняютъ въ немъ Дженнаро; ружье его, найденное и принесенное однимъ изъ пріятелей его, Флавіеномъ, еще болѣе усиливаетъ подозрѣніе. Дженнаро могъ бы оправдаться однимъ словомъ, но онъ поклялся герцогинѣ не измѣнять ей.

Дѣйствіе IV. — На берегу озера. — Торіани, опасаясь, чтобъ герцогъ не задержалъ его, ввѣряетъ украденное имъ завѣщаніе одному офицеру, а самъ является къ своему врагу. Судьба графа измѣнилась: герцогъ, опасающійся теперь его, возвращаетъ ему всю свою милость. Является дама въ костюмѣ сестеръ Св. Розаліи. Герцогъ, думая, что это герцогиня, хочетъ сдернуть съ нея покрывало. Флавіенъ не допускаетъ его до этой грубости. Луиджина является просить герцогиню, чтобы она оправдала ея сына; но герцогиня не можетъ явиться въ судъ, она должна быть въ часовнѣ Палавичини. Звонятъ Angelus. Флавіенъ хочетъ идти. Онъ говоритъ, что ему тоже надобно быть на свиданіи. Сынъ Андреа, обнимите вашу мать! Герцогиня, это сынъ вашъ! говоритъ имъ Луиджина. Черезъ часъ я доставлю вамъ завѣщаніе.

Дѣйствіе V. — Зала. — Дженнаро приговоренъ къ смерти. Но Луиджина обвиняетъ въ убійствѣ графа Торіани. Герцогъ приказываетъ арестовать графа. Флавіенъ и герцогиня доказываютъ невинность Дженнаро, но не могутъ доказать законности сына покойнаго герцога. Какъ вдругъ офицеръ вручаетъ главному сенатору бумаги, украденныя графомъ Торіани въ лѣсу, и народъ кричитъ: да здравствуетъ Андреа, да здравствуетъ новый великій герцогъ!

Успѣхъ. — Авторы: гг. Деннери и Лафиттъ.

THÉATRE DU VAUDEVILLE.

4) Le bonhomme Job, комедія-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ.

Дѣйствіе I. — Мельница. — M-me Люксейль условливается съ сыномъ своимъ Артуромъ, молодымъ львомъ, финансовыя обстоятельства котораго въ весьма плохомъ положеніи, на счетъ брака, который долженъ привести ихъ опять въ положеніе самое цвѣтущее. Особа, назначаемая съ этою прекрасною цѣлью въ супруги г-ну Артуру, никто иная, какъ милая, прелестная Онорина де-Сануа, воспитанница г-жи Люксейль. Незнакомецъ, съ изящными манерами, съ бѣлыми нѣжными руками, явился въ хижину мельника. Мельникъ Іовъ, добрякъ, любимый всѣми, узнаетъ тайну этого незнакомца: незнакомецъ никто иной, какъ графъ Рестуль, и забрался къ мельнику за тѣмъ, чтобы найти случай увидѣться съ Онориною. Мельникъ зоветъ его съ собою въ замокъ г-жи Люксейль.

Дѣйствіе II. — Галерея. — Артуръ, встрѣтившись съ графомъ де-Рестуль во время бури, предложилъ ему укрыться въ замкѣ своей матери. Г-жа де-Люксейль принимаетъ гостя въ портретной галереѣ своихъ предковъ. Начинаются танцы. Между тѣмъ, какъ гости веселятся, г-жа де-Люксейль объявляетъ Оноринѣ о предположенномъ ею бракѣ. Онорина отказывается. Взбѣшенная старуха клянется принудить ее силою. Оставшись одна, Онорина преклоняетъ колѣни передъ портретомъ своей матери, закрытымъ другою картиною. Мельникъ Іовъ, вошедшій въ эту минуту, вскрикиваетъ, увидавъ этотъ портретъ. Волненіе его измѣнило бы ему, если бы не явилась г-жа де-Люксейль. Г-жа де Люксейль осыпаетъ Онорину упреками и объявляетъ ей между прочимъ, что мать ея, г-жа де-Сануа, умерла обезчещенною и что доказательства этого въ рукахъ у нея, г-жи де-Люксейль. Итакъ Онорина не родственница ея, и если Онорина не согласится на бракъ съ ея сынымъ, то она, г-жа де Люксейль, объявитъ публично о безчестіи ея матери. Бѣдная Онорина, желая спасти честь матери, соглашается выйти за Артура. Графъ де-Рестуль въ отчаяніи и хочетъ удалиться изъ замка. Мельникъ Іовъ велитъ ему надѣяться, и назначаетъ свиданіе на утро въ овчарнѣ.

Дѣйствіе III. — Овчарня. — Іовъ устроилъ свиданіе графа де-Рестуль съ Онориною. Появленіе старой маркизы де-Люксейль заставляетъ воспитанницу ея спастись бѣгствомъ. Артуръ узнаетъ

объ этомъ свиданіи и вызываетъ графа де-Рестуль на поединокъ. Поединокъ назначенъ черезъ часъ. Но Іовъ, все видѣвшій и все слышавшій, не допуститъ этого. Онъ посылаетъ Онориѣ кольцо и проситъ ее придти опять въ овчарню. Наконецъ, онъ открываетъ свой секретъ. Онорина дочь его, а онъ никто иной, какъ бывшій лѣсничій Ришаръ, которому г-жа де-Сануа отдала свою руку въ благодарность за его безграничную къ ней преданность и любовь. Іовъ однакоже не скажетъ объ этомъ ни полслова, если Онорина сдѣлается графинею де-Рестуль. Г-жа де-Люксейль соглашается на эти условія, видя, что старикъ готовъ измѣнить себѣ, когда дочь его спросила у него, откуда ему досталось это кольцо. Отецъ вашъ умеръ, сударыня, отвѣчаетъ ей Іовъ: а я прошу только какого нибудь мѣстечка при васъ. Арттру пришлось платить долги и искать другой партіи.

Заслуженный успѣхъ. — Авторъ Эмиль Сувестръ.

=

ТЕАТРЪ ПАЛЕ-РОЯЛЯ.

5) КОМНАТА СЪ ДВУМЯ КРОВАТЯМИ, шутка съ куплетами.

Дѣйствіе происходитъ въ гостинницѣ Стъ-Манде. Эперланъ приходитъ въ нумеръ, усталый и полусонный, ложится и вдругъ слышитъ, что кто-то нестерпимо храпитъ. Оказывается, что Эперлану отвели нумеръ съ двумя кроватями, и на одной изъ нихъ расположился уже другой путешественникъ и храпитъ во всю мочь. Эперланъ будитъ его холодной водою. Храпуна этого зовутъ Пипсъ-Менъ. Поссорившись немного, новые знакомцы дружатся, и Эперланъ разсказываетъ свою исторію: по словамъ его онъ ни холостъ, ни женатъ, ни вдовъ, а вотъ почему именно: пожилая дама, по имени Вероника, купила за него рекрута, съ условіемъ, чтобы онъ женился на ней за это. Эперланъ едва могъ ужиться съ полгода съ этою брюзгливою и злою старухою, и бѣжалъ отъ нее, оставивъ письмо, въ которомъ написалъ, что намѣренъ лишить себя жизни. Разсказъ этотъ чрезвычайно заинтересовалъ Пипсъ-Мена, потому что онъ именно женился на самой этой Вероникѣ, которая, считая себя вдовою, поспѣшила выйти опять замужъ и соорудила монументъ милому покойнику. У-

знавши секретъ Эперлана и тоже будучи не совсѣмъ доволенъ своею супругою, Пинсъ-Менъ хочетъ возвратить ее первому мужу. Начинается ссора, доходитъ до драки; одинъ хватаетъ пистолетъ, другой вертелъ; наконецъ, рѣшаются лучше рѣшить дѣло картами. Садятся играть; одинъ думаетъ, что, проигравши партію, онъ проигрываетъ и жену, а другой, что выигрышъ на вѣки избавитъ его отъ любезной Вероники. Опять ссора. Вдругъ является кондукторъ дилижанса, въ которомъ должна была пріѣхать эта почтенная двумужница, и объявляетъ, что она померла отъ припадки злости. Судите о радости вдовцовъ. Но вотъ опять ссора: покойница назначила своего супруга полнымъ наслѣдникомъ своего имущества, и вотъ оба начинаютъ расхваливать ее и каждый претендуетъ на оставшееся наслѣдство. Напослѣдокъ, чтобы не затѣвать процесса, рѣшаются по-братски раздѣлить это наслѣдство.

Успѣхъ. — Авторы гг. Варенъ и Левевръ.

ТЕАТРЪ ОДЕОНА.

6) L'UNIVERS ET LA MAISON, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ.

Рабочій кабинетъ. Доріа, богатый спекулянтъ, считаетъ свои милльоны сотнями и раскинулъ сѣть своихъ спекуляцій даже на берегахъ Ганга. Молодой сынъ его, Людовикъ, которому онъ поручилъ сдѣлать какую-то значительную покупку въ Піемонтѣ, познакомился тамъ съ одною примадонною. Со-временемъ Доріа намѣренъ сдать сыну всѣ дѣла свои, а покуда вводитъ къ себѣ въ домъ г. Божона, интригана и игрока, съ которымъ хочетъ заводить колоніи въ Алжирѣ. Доріа отправляется въ Медонъ, повидаться съ женою и дочерью.

Актъ второй. Садъ. М-me Доріа и Марія бесѣдуютъ съ Эдгаромъ и графомъ Доривъ и между прочимъ изъявляютъ намѣреніе съѣздить на будущей же недѣлѣ въ Итальянскую-Оперу. Графъ предлагаетъ свою ложу. За завтракомъ спекулянтъ объявляетъ, что намѣренъ отдать руку своей дочери Божону, и Божонъ съ радостію предвидитъ осуществленіе своихъ честолюбивыхъ за-

мысловъ. Что̀ касается до Людовика — онъ внѣ себя отъ восторга, потому что встрѣтился въ Парижѣ съ своею примадонною.

Актъ третій. Ложа въ оперѣ. Графъ Дориви объясняется въ любви m-me Доріи, мужъ которой между-тѣмъ разсуждаетъ о свободѣ торговли. Людовикъ, уходившій изъ ложи, возвращается въ бѣшенствѣ: примадонна, восхитительно пѣвшая свою партію, жестоко мистифировала его. Людовикъ непремѣнно дерется съ своимъ соперникомъ. Доріа объявляетъ, что онъ завтра даетъ великолѣпный балъ, для того, чтобы представить многочисленнымъ друзьямъ своимъ будущаго зятя своего.

Актъ четвертый. Залъ. Во время бала m-me Доріа тщетно старается отвратить несчастіе своей дочери. Она не хочетъ имѣть другаго зятя, кромѣ Эдгара, но Доріа крѣпко стоитъ на своемъ. Вдругъ залы пустѣютъ. Божонъ, выгнанный г-жою Доріа, говоритъ спекулянту: «У вашей жены есть любовникъ; она уѣхала изъ вашего дома и съ дочерью». Честный слуга наноситъ послѣдній ударъ родительской любви Доріи, объявляя, что сынъ его дерется на дуэли. Доріа въ отчаяніи, онъ хочетъ видѣть, и непремѣнно увидитъ дѣтей своихъ.

Актъ пятый. Садъ. Людовикъ раненъ. Является Доріа и упрекаетъ жену свою за ея поведеніе. Та безъ труда оправдывается. Старый прикащикъ приноситъ журналъ, открывающій обманъ Божона. Журналъ не щадитъ этого ловкаго плута, въ ожиданіи покуда за него примется правосудіе. Графу Дориву отказываютъ отъ дома, и Эдгаръ сдѣлается счастливымъ супругомъ сестры юнаго храбреца Людовика. Доріа навсегда отказывается отъ спекуляцій и со слезами на глазахъ произноситъ:

Je quitte l'univers et garde la maison.

Плохой успѣхъ! Авторъ — г-нъ Мери.

Кромѣ этихъ піесъ или совершенно упали или имѣли плохой успѣхъ слѣдующія піесы:

1) Un souvenir, комедія; на театрѣ Varietés.

2) Nicolas Poulet, водевиль; на театрѣ Varietés.

3) Les demoiselles de noces, гг. Баяра и Лайя; на театрѣ Gymnase.

4) Georges d'Alton, драма; на театрѣ Одеонъ.

О которыхъ мы доводимъ только до свѣдѣнія читателей.

=

РУССКІЕ ТЕАТРЫ.

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЕ.

I.

АЛЕКСАНДРЫНСКІЙ ТЕАТРЪ.

СМЕРТЬ ИЛИ ЧЕСТЬ. — КРЕМНЕВЪ. — ДЕБЮТЫ Г-ЖИ ЛАВРОВОЙ. — БЕНЕФИСЪ Г. МАРТЫНОВА — Г. КАРАТЫГИНЪ ВЪ ИГОЛКИНѢ. — БЕНЕФИСЪ Г-ЖИ ВАЛБЕРХОВОЙ И ULTIMATUM О Г. СЛАВИНѢ. — Д-ЦЫ ЖУЛЕВА И РОЗАНОВА. — СЦЕНА И РЕЦЕНЗЕНТЫ. — УГОЛИНО.

1) Ноября 1-го.—СМЕРТЬ ИЛИ ЧЕСТЬ, драма *Н. А. Полеваго. Смерть или честь*, безспорно, лучшая піеса покойнаго Николая Алексѣевича—и хотя канва ея взята изъ *Contes de l'atelier*, но вся обдѣлка принадлежитъ Полевому; кромѣ чрезвычайнаго интереса положеній, драма эта отличается особеннымъ благородствомъ воззрѣнія и грустною горечью намековъ: даже самыя романтическія восклицанія, которыми изобилуютъ драмы Полеваго, здѣсь совершенно умѣстны, и многія изъ нихъ почти обратились въ пословицы,—мерзость *дѣлъ и рѣчей человѣческихъ*, на которую такъ горько жалуются всѣ романтики, слишкомъ хорошо выставлена въ дѣйствіи, для того, чтобы не простить благородному драматургу многихъ эксцентрическихъ восклицаній — ибо они, эти немного фразистыя восклицанія, вырвались изъ души, страдавшей, облитой желчью негодованія. И — Боже правый, какъ ядовиты были эти восклицаціи въ устахъ Мочалова, который отъ перваго до послѣдняго слова былъ великъ въ этой драмѣ, не смотря на то, что не понималъ, можетъ быть, характера Гюга такъ глубоко, какъ понялъ и обдумалъ его В. А. Каратыгинъ. Мы не хотимъ и не умѣемъ сравнивать этихъ двухъ равно

великихъ артистовъ — и если приводимъ здѣсь на память игру Мочалова, то потому только, что воспоминаніе дѣйствуетъ на насъ самихъ слишкомъ сильно, что въ нашихъ ушахъ еще раздаются какъ будто эти горькія восклицанія, что передъ нашими глазами еще стоитъ какъ будто геніальный уродъ, съ молніей во взглядѣ, съ его до безконечности подвижнымъ лицомъ, съ его мелодическимъ голосомъ, съ его шепотомъ, разрывающимъ душу.... Но все-таки, не-смотря на силу этихъ воспоминаній — искренняя дань удивленія В. А. Каратыгину — честь и слава великому художнику, который никогда столько, можетъ быть, какъ теперь, не стоялъ высоко надъ толпою, никогда менѣе не жертвовалъ ей — В. А. Каратыгинъ нынѣшній годъ пересоздалъ всѣ свои роли, и только нынѣшній годъ явился истиннымъ жрецомъ искусства, величайшимъ изъ современныхъ трагиковъ, и теперь онъ съ полнымъ правомъ можетъ сказать себѣ:

Ты самъ свой высшій судъ:
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ:
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?
Доволенъ—такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ!...

Въ прошлый мѣсяцъ мы говорили о той могучей, почти дерзкой смѣлости концепціи, съ которою передана была имъ роль Короля Лира. Не всѣ понимаютъ, что такими созданіями ролей Каратыгинъ дѣлаетъ реформу въ искусствѣ; примирить до такой степени высочайшій трагизмъ съ простотою, доходящею иногда до комизма, могли слишкомъ немногіе артисты—Гаррикъ да Кинъ развѣ, игравшіе вмѣстѣ Гамлета и Фальстафа — и если бы теперь Каратыгинъ сыгралъ Фальстафа, мы пошли бы въ театръ, увѣренные заранѣе, что великій трагикъ можетъ быть и величайшимъ комикомъ. В. А. Каратыгинъ дошелъ до крайнихъ трагическихъ граней; — единственный смѣлый шагъ, который ему возможенъ — это — роль Фальстафа.

Взгляните на него въ *Гюгѣ Бидерманѣ*. Можно ли быть проще, даже веселѣе его въ обыкновенныхъ сценахъ этой піесы— самые драматическіе порывы такъ естественны, что вы нисколько не удивляетесь, когда передъ вами простой, честный ремесленникъ, съ его простодушіемъ, съ его неловкими поклонами, встаетъ великимъ человѣкомъ, по словамъ графа Оттона, — вы поймете

только, что все великое просто, что на свѣтѣ нѣтъ героевъ съ трагической выступкой, что самыя сильныя движенія души обусловлены все-таки личностью человѣка.

И фактъ, грустный фактъ, что толпа не поняла возвышенности этой простоты, т. е. еще не привыкла къ ней. Но—теперь Каратыгинъ играетъ не для нея, а для себя, и повторяемъ опять, только теперь долженъ быть ему не страшенъ лай посредственности; и еще не давно исповѣдь Кина прочтена была имъ не съ ожесточенною досадою, а съ величіемъ достоинства, хотя съ глубокою грустью художника. Пересозданіе роли Гюга Бидермана должно исполнить уваженіемъ къ великому артисту всякаго, кто ищетъ въ искусствѣ не однихъ увлеченій и криковъ, а строгой истины и натуры. Одна уже эта роль есть подвигъ, а нынѣшній годъ В. А. подарилъ насъ *Велизаріемъ*, *Лиромъ*, *Заревскимъ* и проч. Есть одна только роль, которую онъ не пересоздалъ — это Гамлетъ. Да проститъ намъ артистъ, если мы упорно держимся своихъ старыхъ мнѣній. *Гамлетъ* внѣ его средствъ, въ Гамлетѣ равно дурны и онъ и Мочаловъ, не смотря на восторги Москвы и на статьи «Наблюдателя» — къ идеалу Гамлета подходилъ немного только Эмиль Девріэнтъ, да и то — съ грѣхомъ пополамъ.

Теперь мы въ-правѣ ждать отъ нашего великаго трагика — Коріолана—совершенно прежняго, и Отелло, пересозданнаго. Не мѣшало бы только въ отношеніи къ Коріолану, не поступать такъ безбожно съ остальными лицами этой великой драмы, а прозаическій переводъ Отелло замѣнить хоть переводомъ г. Лазаревскаго, весьма вѣрнымъ и духу и буквѣ подлинника..... Скажемъ еще болѣе: теперь отъ Каратыгина, созрѣвшаго до апогея своей славы, мы въ-правѣ ждать новыхъ и все новыхъ типовъ стараго Шекспира: мы еще не видѣли его ни *Антоніемъ* (Антоній и Клеопатра), ни *Анджело* (Measure of measure), ни Тимономъ (Тимонъ Афинянинъ), ни *Просперо* (Буря). Это — все его область, равно какъ *Филиппъ II* въ Донъ-Карлосѣ Шиллера, или Маркизъ Поза — ибо онъ будетъ равно великъ въ обоихъ лицахъ, равно какъ... но развѣ можно исчислить роли, въ которыхъ былъ или будетъ или можетъ быть превосходенъ нашъ великій трагикъ?

2) кремневъ, русскій солдатъ (по возобновленіи въ 1-й разъ). Мы не любимъ псевдопатріотическихъ драмъ съ апотеозою кислыхъ щей, горѣлки и русскаго кулака, не любимъ эллегій со стономъ о жирныхъ пирахъ добраго стараго времени — но всегда рады отъ всей русской души появленію такихъ піесъ, какъ

Кремневъ. Такихъ піесъ, къ сожалѣнію, весьма немного: *Смерть Ляпунова*, *Кремневъ*, *Рука Всевышняго отечество спасла*. *Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій*—и только: все остальное—клевещетъ на русскую народность, оскорбляетъ чувство благороднаго патріотизма, гуманитарнаго патріотизма. Но Кремневъ, кромѣ высокаго народнаго значенія, имѣетъ значеніе и художественное: это типъ, созданный солдатскимъ сердцемъ, приправленный бойкимъ русскимъ юморомъ, типъ могучій и здоровый, какъ сама Россія Въ драмѣ *Кремневъ* двѣ стороны, — одна чисто внѣшняя, драматическая—и она очень слаба, другая типическая, и она—превосходна. Характеръ Кремнева, сцены въ лагерѣ—начертаны перомъ мастера: русская рѣчь, русскій юморъ бьютъ живымъ ключомъ въ этихъ сценахъ,—вы невольно сочувствуете и этимъ бойкимъ шуткамъ, и этому спокойствію русскихъ людей, идущихъ умирать за родину, вы понимаете этихъ героевъ, которые съ пѣснями штурмовали Варшаву, вы понимаете солдатскую гордость Кремнева, вы трогаетесь его слезами—ибо въ самой односторонности видите вы невольно русскую силу, русскую волю. Но вся остальная, вся сантиментальная часть драмы, какъ-то не клеится съ этимъ русскимъ молодечествомъ. *Владиміръ Русовъ*—славный малый, но въ немъ мало мужеской силы; идея государственная ясно побѣждаетъ въ его лицѣ идею семейственную — но есть мѣсто въ драмѣ, гдѣ матушка его грозится его наказать: вы такъ и ждете, что онъ разразится громовымъ, полнымъ сознанія мужескаго отвѣтомъ — *я принадлежу Богу и Государю*! Не тутъ то было! А жаль, истинно жаль, что идея семейственная не совсѣмъ принесена въ жертву государственной!

Говорить объ исполненіи Кремнева — значитъ говорить объ игрѣ *г. Григорьева* 1. Что игра этого артиста умна вездѣ, даже въ роляхъ, которыя къ нему не идутъ, объ этомъ и говорить нечего; — но въ Кремневѣ *г. Григорьевъ* 1-й не только заставляетъ восхищаться своей обдуманной, типической игрою, но исторгаетъ даже невольныя слезы. Съ начала до конца — онъ превосходенъ въ этой драмѣ. Послѣ него, всѣхъ лучше были г-жа *Самойлова* 1-я, не смотря на незначительность и неестественность своей роли, и г. *Марковецкій*, въ роли лихаго русскаго солдата. Г-жа Дюръ и г. Максимовъ были очень хороши.

3) *Дебюты г-жи Лавровой*.—Для г-жи *Лавровой* — хотя и воспитанницы — сцена и театральныя подмостки вещи не новыя. Она дебютировала еще въ Москвѣ, гдѣ была принята блистательно, благодаря всего болѣе памяти ея незабвеннаго отца,

такъ рано окончившаго свое земное поприще, къ сожалѣнію всѣхъ друзей искусства... Блистательный пріемъ ея публикой московской — вещь въ высшей степени понятная; но пріемъ, сдѣланный ей публикой петербургской, явленіе необыкновенное, ибо, признаемся откровенно, мы не вѣримъ какъ-то въ единство жизни Петербурга и Москвы. Всѣмъ, чѣмъ восхищается Петербургъ, восхищается также и Москва, но Петербургъ, кромѣ того, имѣетъ претензіи не восхищаться тѣмъ, чѣмъ восхищаются коренные Москвичи. Лучшій примѣръ Мочаловъ, котораго Петербургъ не оцѣнилъ и не понялъ, тогда, какъ Москва и поняла и оцѣнила В. А. Каратыгина. Но не въ этомъ дѣло: маленькій *furore*, сдѣланный г-жой Лавровой, основанъ на ея прекрасной наружности, ловкости и извѣстной степени таланта. *Извѣстной степени* — говоримъ мы, ибо, къ величайшему нашему сожалѣнію, истиннаго таланта мы въ ней не видали, хотя слишкомъ внимательно слѣдили ея игру и въ *Мирандолинѣ* и въ *Полюбовной сдѣлкѣ*. Въ той и другой піесѣ она, во-первыхъ, прекрасно знала роль и придавала каждому слову надлежащую интонацію; во-вторыхъ, чрезвычайно ловко держалась на сценѣ, и въ третьихъ (это относится къ *Полюбовной сдѣлкѣ*) очень мило пѣла. Кажется, все это похвалы — но странное дѣло, что эта интонація звучала намъ чѣмъ-то заученнымъ, напоминала довольно непріятно что-то давно слышанное, — что мы желали бы менѣе ловкости съ перваго появленія на сцену: причины этихъ двухъ странныхъ желаній мы объяснили себѣ вотъ какимъ образомъ: — въ заученныхъ интонаціяхъ отозвалась несчастная школа московской артистки г-жи Орловой, школа холодной, искусственной и манерной граціозности; — а желаніе видѣть въ молодой артисткѣ менѣе ловкости происходило отъ очень понятнаго желанія прогресса во всемъ: намъ кажется почему-то, что г-жа Лаврова такъ и застынетъ въ этихъ условно-граціозныхъ формахъ, что въ игрѣ ея не будетъ никогда индивидуальности — той индивидуальности, которой живые примѣры — для Москвичей — Н. В. Рѣпина, для Петербургцевъ покойная Асенкова и Н. В. Самойлова 1-я. Г-жа Лаврова, впрочемъ, не ограничилась методой г-жи Орловой, — она подражаетъ и Плесси; но, къ сожалѣнію, не имѣетъ страстной натуры послѣдней.

Что сказать о самыхъ комедіяхъ, въ которыхъ дебютировала молодая артистка? Мирандолина — вещь сильно старая и писанная, кажется, человѣкомъ, не совсѣмъ благопріятно смотрѣвшимъ на такъ называемый прекрасный полъ, человѣкомъ съ Мольеров-

скимъ воззрѣніемъ на женщину, воззрѣніемъ, которое ничего не видитъ въ женщинѣ, кромѣ кокетства и хитрости — этихъ лучшихъ орудій слабости. Воззрѣніе это, пожалуй, и справедливо съ одной стороны, да спрашивается, кто же виноватъ въ томъ, что женщина, благодаря пустымъ и ложнымъ понятіямъ общества, принуждена прибѣгать къ подобнымъ орудіямъ — не сами ли мужчины виноваты, и виноваты именно неумѣстными требованіями, въ томъ, что женщина любитъ, такъ сказать, хоть чѣмъ нибудь да показать свое вліяніе. Нашъ вѣкъ дошелъ до лучшаго понятія о женщинѣ. — Посмотрите, чѣмъ является женщина, хоть въ незатѣйливой, но миленькой піессѣ La belle et la bete, которую читатели, вѣроятно, видали на Михайловской сценѣ. Женщина должна быть спасающимъ, умягчающимъ элементомъ — тѣмъ, чѣмъ воображала ее себѣ благородная, дѣвственная душа Шиллера и не менѣе чистая душа величайшаго изъ современныхъ поэтовъ — г-жи Дюдеванъ. Что́ это за женщины — эта слабая Индіана, эта любящая Жюльета, эта благородная Діана, эта нѣжная Валентина!.... Справедливость требуетъ однако сказать, что старая комедія Мирандолина — очень умна; мы были рады ея появленію, въ особенности потому, что видѣли въ ней г. *Сосницкаго* превосходнымъ такъ, какъ давно его не видали.

4) *Бенефисъ г. Мартынова*. —КОЩЕЙ ИЛИ ПРОПАВШІЙ ПЕРСТЕНЬ, драма въ двухъ дѣйствіяхъ. — КРАСНОЯРСКІЙ КУПЕЦЪ, водевиль въ одномъ дѣйствіи. — УДРУЖИЛЪ СОСѢДЪ СОСѢДУ.

Новая драма талантливаго автора *Музыканта и княгини* не понравилась публикѣ, и въ этомъ случаѣ мы совершенно съ нею согласны; только совсѣмъ не потому, чтобы намъ не нравился сюжетъ драмы. Нѣтъ — зло физическое и зло нравственное могутъ и должны быть предметомъ анализа; но скальпель должно опускать поглубже, дорываясь до причинъ этого зла. Скупость съ своей смѣшной стороны превосходно выставлена Плавтомъ въ его *Aulularius* и Мольеромъ въ его *Скупомъ*; но ни Плавтъ, ни Мольеръ не имѣли въ виду искать корней этого зла, которое можно назвать и нравственнымъ и физическимъ вмѣстѣ, — нравственнымъ потому, что его причины бываютъ всегда тонко-духовныя, часто неуловимо-тонкія; физическимъ, потому что привязанность къ отвлеченной идеѣ цѣнности переходитъ наконецъ въ привязанность къ кружкамъ золота и проч. Причинъ этого страшнаго зла коснулись только два поэта, сколько мы, по крайней мѣрѣ, знаемъ —*Пушкинъ* и *Гоголь*, тотъ и другой, различно по различію своихъ воззрѣній на жизнь. Орлиное око рано по-

гибшаго поэта прозрѣло процессъ огрубѣнія, такъ сказать, самой благородной изъ потребностей—жажды власти, и помните ли, какъ страшно и величаво вмѣстѣ звучатъ слова скупаго рыцаря — Скальпель Гоголя коснулся одного изъ повседневныхъ характеровъ, и въ образѣ Плюшкина представилъ страшное паденіе человѣка.... Отъ всякаго новаго аналитика этой болѣзни мы, слѣдовательно, въ-правѣ требовать новыхъ открытій. Что же новаго сказалъ намъ авторъ *Кащея?* Кащей его, какъ Плюшкинъ, подбираетъ иголки, какъ скупой баронъ, сознаетъ свою власть надъ людьми посредствомъ золота, какъ Гарпагонъ, чуждъ всякой любви и привязанности — но вѣдь и только. Мы не знаемъ, какъ дошелъ этотъ человѣкъ до состоянія чисто-животненнаго съ одной стороны, ибо онъ живетъ инстинктуальной привязанностью къ деньгамъ, и до состоянія мертвеннаго съ другой — мы только видимъ передъ собою отвратительный трупъ, даже неразъятый анатомическимъ ножемъ. Есть правда попытка на одну новую мысль, есть намекъ на новый феноменъ болѣзни: это — вопросъ Кащея своей племянницѣ — *почему ей не все равно онъ или ея отецъ;* но мысль эта, мысль о забвеніи всего человѣческаго, о непонятіи даже всего человѣческаго, высказана какъ-то не смѣло и не рѣзко. Многіе жаловались на отвратительность картины, представленной авторомъ, мы же, напротивъ, жалѣемъ, что онъ не повелъ своей мысли до самыхъ крайнихъ граней, ибо только на крайнихъ граняхъ, всегда расширяющихся вмѣстѣ съ вѣкомъ, не сойдешься съ другими.

Г. Мартыновъ явился истинно-великимъ трагическимъ артистомъ въ этой роли: ни одного жеста, ни одной интонаціи, которыя бы измѣнили образу, имъ созданному, и потому замѣчательно, что въ продолженіе перваго дѣйствія не было ни одного аплодисмана: такъ изумило всѣхъ подобное выполненіе роли. Все — отъ принятаго и постоянно-хранимаго тона, до жеста поднятія платка въ сценѣ съ племянницей, было обдумано истинно-художнически,—но впечатлѣнія послѣдней сцены нельзя даже передать словами: волосы встанутъ дыбомъ отъ страшной истины игры артиста. Больше, право, мы не умѣемъ ничего сказать въ похвалу ему — въ продолженіе всей драмы, отъ этой игры становится гадко на душѣ. Всѣ остальныя лица драмы, по безцвѣтности ли ролей, по другому ли чему либо, были не хороши, безъ исключенія даже г-жи Самойловой 2-й; они впрочемъ не виноваты: всѣ роли принесены авторомъ въ жертву одной, и кромѣ того, по извѣстной методѣ романтиковъ, нашпигованы самою не натураль-

пою добродѣтелью. Мы смѣемъ думать, что такая добродѣтель и повредила въ особенности піесѣ.—Окружите этого страшнаго живаго мертвеца не лицами безъ образовъ, но живыми личностями, въ драмѣ будетъ примиреніе, т. е. гармонія: дайте имъ хоть мелкія страстишки, вы поймете тогда, что всякая страсть можетъ въ душѣ человѣка дойти до того, чтобы опутать сѣтями всю ее, а то вѣдь этотъ ходячій трупъ непонятное явленіе среди людей абстрактно-добрыхъ и абстрактно-честныхъ.

Водевиль — *Красноярскій купецъ* — французскій вздоръ, переложенный нелѣпо на русскіе нравы. Все дѣло въ томъ, что одна молодая дѣвушка, достающая себѣ пропитаніе живописью, (какъ это по-русски!) ждетъ изъ Сибири дядю, который пропалъ безъ вѣсти и не хочетъ отдать руки и сердца, богатому барину, именно за то, что онъ богатъ. Сей послѣдній подговариваетъ Красноярскаго прикащика назваться ея дядей и выдать себя за милліонщика и т. д. Мартыновъ игралъ роль прикащика и былъ, разумѣется, очень хорошъ, только самая роль, къ несчастію, не въ его родѣ и потому какъ то не шла къ нему. Г. Марковецкій былъ удивительно наивенъ и смѣшенъ въ этой піесѣ.

Удружилъ сосѣдъ сосѣду—пустѣйшій фарсъ, въ которомъ есть однако типическое лицо хохла-половаго, художнически-вѣрно представленное г. *Григорьевымъ* 2-мъ. Игра Мартынова была превосходна и въ этой піесѣ; мы дивились разнообразію таланта геніальнаго артиста и душевно радовались тому, что онъ, не уставая, идетъ все впередъ и впередъ.

5) Г. *Каратыгинъ* 1-й въ роли Иголкина. Превосходный характеръ Иголкина, къ сожалѣнію, окруженный самыми пошлыми лицами по методѣ романтиковъ, какъ будто нарочно написанъ для Каратыгина. Съ перваго до послѣдняго слова мы были въ благоговѣйномъ изумленіи отъ нашего трагика; въ особенности же игра его поражала насъ съ той сцены, когда онъ садится читать библію: видъ, посадка, поправленіе очковъ—все это было верхъ совершенства. — А сцена съ солдатами? а торжество человѣка, исполнившаго свой долгъ? а приготовленіе къ смерти, и замирающія тихомъ шепотомъ слова: *готово сердце мое, готово, Боже?* а чтеніе письма отъ родныхъ и, наконецъ, простота тона въ отвѣтѣ *Карлу XII*: *Русская*, *Ваше Величество*.... Все исполненіе было вполнѣ достойно нашего великаго В. А.

6) *Бенефисъ* г-жи *Вальберховой*. МАТЕРИНСКОЕ БЛАГОСЛОВЕНІЕ. драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. La Nouvelle Fanchon дѣлала фуроръ и въ Парижѣ и въ Петербургѣ, при игрѣ г-жи Альберъ

и въ Москвѣ даже, при игрѣ г-жи Шамбери. Автору этой статьи удалось видѣть только М-me Шамбери въ этой драмѣ, и хотя она произвела на него очень сильное впечатлѣніе, но онъ ожидалъ однако, что г-жа Самойлова 1-я сгладитъ это впечатлѣніе. Къ сожалѣнію, этого не случилось; роль не шла нашей даровитой артисткѣ, — она была очень мила въ первомъ актѣ, но въ сценѣ съ Андре, во второмъ, была она холодна; — самая молитва выдалась какъ то слишкомъ эффектно. Савойскія пѣсни, въ третьемъ отдѣленіи, не произвели даже и впечатлѣнія, именно отъ того, что въ нихъ не было ничего Савойскаго. Сцены безумія, въ четвертомъ, тоже были слишкомъ форсированы: превосходная баллада Варламова — *безумная*, разумѣется, произвела фуроре, но она какъ-то не клеилась къ положенію, и, да проститъ намъ — милая артистка — была спѣта опять черезъ-чуръ эффектно.... Г. Григорьевъ 1-й былъ очень дуренъ въ роли отца, г. Марковецкій еще хуже въ роли Пьерро, изъ котораго онъ сдѣлалъ чуть не идіота.

Сынъ Венеціанскаго разбойника — нелѣпѣйшій изъ водевилей, который по всякому здравому смыслу долженъ бы кончиться смертной казнью одного изъ лицъ — ибо авторъ не умѣлъ выпутать этого лица изъ его довольно труднаго положенія. Мартыновъ, разумѣется, смѣшилъ до упаду; гг. Григорьевъ 1-й и Смирновъ 1-й, были очень хороши.

Семейство Старичковыхъ, старая возобновленная драма, прошла очень тихо, не смотря на высоко-художественную игру г. Каратыгина 1-го. О прочихъ лицахъ право сказать нечего. Замѣтимъ только, что въ этой старой слезной штукѣ участвовалъ также и г. *Славинъ*, о которомъ мы въ послѣдній разъ хотимъ поговорить съ публикою. Вѣроятно, никто еще не забылъ первыхъ блистательныхъ дебютовъ этого артиста, восторженныхъ статей «Сѣверной Пчелы» и слишкомъ благосклоннаго пріема, сдѣланнаго ему петербургскою публикою. Не странно ли послѣ этого, что артистъ, имѣвшій огромный успѣхъ въ Гамлетѣ и Кинѣ, играетъ роли резонеровъ и благородныхъ людей, не многимъ право отличающіяся отъ такъ называемыхъ ролей на *выходъ;* не вдвое ли страннѣе то, что таже самая Сѣверная Пчела, восторгавшаяся г. Славинымъ, нынѣ упрекаетъ насъ за какое то пристрастіе къ артисту, подававшему такія блистательныя надежды, взводитъ на насъ уже что-то въ родѣ кумовства — ибо кумовство, по понятіямъ этой газеты, заходитъ даже и въ литературу. Напоминаемъ ей ея собственныя рецензіи. — Мы

никогда не находили г. Славина выше г. Каратыгина, мы видѣли въ немъ всегда и постоянно только талантливаго артиста, владѣющаго прекрасными средствами успѣха, и намъ было всегда искренно жаль, что мы не можемъ отъ него даже требовать прогресса, ибо видимъ его въ роляхъ, недостойныхъ его таланта. Сыграй онъ теперь Гамлета или Кина, мы бы первые требовали отъ него бо́льше, несравненно больше того, что̀ нравилось Сѣверной Пчелѣ, отъ чего приходила въ восторгъ провинція — но все-таки скажемъ искренно и прямо, что признаемъ въ г. Славинѣ большой и даже очень большой талантъ.

7) Въ возобновленномъ водевилѣ: влюбленный рекрутъ или поддѣльная швейцарія, являлись двѣ милыя надежды нашего театра г-жа *Жулева* (въ роли *Рутли*) и г-жа *Розанова* (въ роли *Гритли*). Всего труднѣе произносить мнѣніе о талантахъ, не только еще несозрѣвшихъ но даже нераспустившихся, — но между тѣмъ, какъ ни ошибочно, можетъ быть, первое впечатлѣніе, мы поневолѣ должны къ нему прибѣгнуть и на основаніи его сказать вотъ что̀: — г-жѣ Розановой мы осмѣливаемся пророчить слишкомъ блестящую будущность, которой порукою служитъ даже ея граціозная застѣнчивость, за г-жу Жулеву — мы боимся... впрочемъ разумѣется, это — только наше мнѣніе.

8) Въ числѣ событій, относящихся къ театральной области, мы должны отмѣтить появленіе съ нѣкотораго времени въ *Иллюстраціи* рецензій о театрѣ, рецензій слишкомъ замѣчательныхъ, чтобы можно было умолчать о нихъ. Съ перваго взгляда видно, что статьи эти пишутся не однимъ изъ литературныхъ гайдамаковъ и наѣздниковъ, которые бьются изо всѣхъ силъ для того только, чтобы, ради казацкой удали, сказать что нибудь новое, хотя бы новое это было страшнымъ абсурдомъ, которые лаютъ на всякій авторитетъ, и такъ же скоро разрушаютъ, какъ и создаютъ новые авторитеты. Статьи Иллюстраціи не таковы; они не щеголяютъ бранью на г. Каратыгина, не испещряются площадными и направленными на личность каламбурами, — видно, напротивъ, что онѣ пишутся съ чистой любовью къ дѣлу, и больше еще —съ знаніемъ дѣла, слишкомъ фундаментальнымъ, хотя и одностороннимъ — Односторонность увлекаетъ часто рецензента Иллюстраціи къ парадоксамъ, но съ этими парадоксами стоитъ, по крайней мѣрѣ, спорить, — хотя иногда они слишкомъ рѣзки. Въ числѣ этихъ парадоксовъ замѣчательны въ особенности: 1) мнѣніе рецензента о г-жѣ Плессн; —2) взглядъ его на Шекспировскаго Гамлета, и 3) желаніе, чтобы г. Самой-

ловъ игралъ Хлестакова и Фамусова. Соглашаясь съ почтеннымъ рецензентомъ очень во многомъ, мы считаемъ обязанностью устранить себя передъ публикою отъ всякаго сходства въ его литературныхъ и сценическихъ ересяхъ. О г жѣ Плесси мы не скажемъ ни слова — талантъ артистки этой такъ громаденъ, что не требуетъ защиты, впечатлѣніе, производимое ея игрою, почти равно съ впечатлѣніемъ отъ пѣнія Рубини. Г. *Самойлова* мы цѣнимъ слишкомъ высоко сами, но тѣмъ не менѣе, даже прося его играть *Ричарда* III-го скажемъ, что амплуа его — роли поддѣлки, типы *исключительные*, а не общіе, каковъ Хлестаковъ, котораго частица найдется, можетъ быть, въ каждомъ изъ насъ грѣшныхъ, каковъ Фамусовъ — представитель идеи московскаго барства. Г. Самойловъ въ высшей степени способенъ воспроизвести *историческій* образъ, образъ, напримѣръ, Ришелье, Ричарда III-го, юродиваго (въ Ляпуновѣ), но въ самомъ историческомъ этомъ образѣ — онъ не выставитъ общечеловѣческой идеи, онъ будетъ *копіей*, но не *воспроизведеніемъ*. Сравните только игру его и игру г. Мартынова въ роляхъ, почти одинаковыхъ — въ роляхъ стариковъ напримѣръ: старики, создаваемые г. Самойловымъ *могли* существовать, даже, можетъ быть, вы когда нибудь ихъ и *видѣли*, — стариковъ, воспроизводимыхъ геніальнымъ Мартыновымъ вы *видали*, они существуютъ — вотъ и вся разница игры обоихъ артистовъ, разница, какъ вы видите, не большая во времени глагола, — но въ-слѣдствіе этой то разницы, вы холодно удивляетесь рыданіямъ стараго музыканта (въ драмѣ Музыкантъ и Княгиня) и плачете съ гадкимъ, разрюмившимся старикомъ въ водевилѣ: *Что имѣлъ не хранимъ*; — вы будете въ восторгѣ отъ вѣрности историческаго образа Сенъ-Валье, — но вы вздрогнете, если только не вскочите съ мѣста отъ послѣдней сцены *Кащея*.... Теперь, обратимся къ третьей ереси рецензента Иллюстраціи, къ его взгляду на Гамлета, въ которомъ особенно ярко выдвигаются слѣдующія два предположенія: 1) что Шекспиръ имѣлъ въ виду сдѣлать Гамлета дѣйствительно-сумасшедшимъ, и что въ противномъ случаѣ, драма была бы недостойна Шекспира, — 2) что Офелія гибнетъ жертвою собственнаго проступка.... Въ отношеніи къ первому предположенію, замѣтимъ мы только то, что сумасшедшіе — суть лица *невмѣняемыя* по выраженію криминалистики, — а что у Шекспира люди всегда гибнутъ сами отъ себя, а не отъ судьбы. Безвольный, умѣющій только притвориться сумасшедшимъ, да и то не всегда, — Гамлетъ,

гораздо болѣе носитъ въ себѣ зачатковъ собственной гибели, нежели Гамлетъ сумасшедшій; совершенное безсиліе воли и составляетъ причину того, что Гамлетъ по преимуществу драма XIX вѣка. — Чтобы понять Гамлета Шекспировскаго, надобно только прочесть Гамлета XIX вѣка — Сенанкурова *Оберманна*. Что́ касается до Офеліи, то рѣшительно нигдѣ не видать, чтобы она страдала за проступокъ, т. е. за чувственную связь съ Гамлетомъ, — напротивъ, въ ней видна вездѣ и повсюду чистота и невинность такія, что вы невольно удивляетесь вѣрности заключенія Жоржа Санда — *que l'extreme innocence ressemble à une extreme depravation*. Лаэртъ ей говоритъ, что́ говорится на прямки, объ опасностяхъ любви Гамлета, а она ему отвѣчаетъ милою шуткою:

Совѣтъ хорошъ — я вѣрю, но любезный братъ
и т. д.

Гамлетъ обращается къ ней съ просьбою прикоснуться къ ея колѣнамъ (выраженіе подлинника гораздо погрубѣе), а она ему отвѣчаетъ: «*Можно, Принцъ!*» Согласитесь, что такъ отвѣчать можетъ только или самая дѣвственная чистота, или самый опытный развратъ; но Шекспиръ, по-крайней мѣрѣ не снабдилъ мѣднымъ лбомъ своей слабой, эпирной Офеліи, Почтеннѣйшій г. рецензентъ возразитъ намъ на это непристойными пѣснями, которыя поетъ безумная Офелія въ оригиналѣ. А знаете ли, какъ достались ей эти пѣсни? Когда то она ихъ слышала на улицѣ, можетъ быть, не понимая ихъ значенія, онѣ ударяли, такъ сказать, въ ея слухъ и отдались во время безумія. Эти пѣсни — ореола вокругъ ея молодаго, дѣвственнаго чела, — еслибы онѣ выходили изъ устъ ея съ сознаніемъ, то были ли бы въ ней безуміе и страсть такъ очаровательны, какъ говоритъ Лаэртъ?... На основаніи такихъ понятій о женщинѣ, вѣдь точно также можно заключить, пожалуй, что Дездемона кокетка, потому что со всею чистотой души безъ упрека, души, полной любви къ суровому Отелло, пристаетъ къ нему съ просьбами за Кассіо; — но заключать можно все, что́ угодно, а Шекспировскія женщины все-таки останутся тѣмъ, что́ онѣ у Шекспира, что́ онѣ у матери природы, т. е. или чудовищами, болѣе мужчинъ не знающими предѣловъ, или легкими, воздушными, чистыми тѣнями, образами, слегка начертанными въ воздухѣ, окруженными ореолою свѣта и благоуханія. Dixi. Мнѣніе автора этой

статьи о характерѣ самаго Гамлета, хотя вовсе не новое, извѣстно (онъ осмѣливается льстить себя этой надеждою) читателямъ »Репертуара» по небольшой этюдѣ — *Гамлетъ на одномъ провинціальномъ театрѣ*; здѣсь онъ счелъ своей обязанностью высказать то только, на что намекнулъ довольно неясно въ своей прежней статьѣ.

9) уголино. Тяжкая и непріятная для насъ всегда обязанность, говорить о большей части піесъ покойнаго Н. А. Полеваго, котораго заслуги и талантъ цѣнимъ мы слишкомъ высоко, котораго «Телеграфъ» толкалъ впередъ все молодое, благородное, человѣческое — обязанность эта въ настоящую минуту вдвое тяжелѣе, потому что мы недовольны были В. А. Каратыгинымъ. Избавляемъ себя отъ этой обязаности, замѣтивши только, что г-жа Самойлова 2-я была дивно-хороша въ Вероникѣ.

10) *Бенефисъ* г-жи *Самойловой* 1-й. дочь втораго полка, оперетка, музыка Доницзетти. Марія—г-жа *Самойлова* 1-я, Трульонъ—г. Григорьевъ 1-й, — Антуанъ — г. *Самойловъ*, — Управитель г. Мартыновъ.—Опера Доницзетти, обращенная въ маленькую оперетку и естественно приспособленная къ условіямъ Александрынской сцены, вовсе ничего не потеряла отъ этого. Еще наканунѣ этого спектакля, мы видѣли *Figlia del regimento* у Итальянцевъ, и признаемся откровенно, за исключеніемъ Тамбурини, остались весма недовольны ея исполненіемъ. Г-жа Самойлова 1-я, не только игрой, но даже и пѣніемъ своимъ, произвела на насъ больше впечатлѣнія, чѣмъ г жа Марра; отъ начала до конца, она была истинно прекрасна: рѣзкій тонъ, грубыя, но нелишенныя граціозности ухватки, наивность дѣвочки—все это было передано такъ, какъ только одна г-жа Самойлова 1-я можетъ это передать. Особенное впечатлѣніе произвели на публику—дуэтъ съ Антуанемъ и полковая пѣсня въ 1-мъ актѣ, — и романсъ, переходящій въ туже полковую пѣсню, во 2-мъ.... Движеніе г-жи Самойловой 1-й при звукахъ военнаго марша ея полка — было nec plus ultra естественности. Гг. Григорьевъ, Самойловъ и неподражаемый Мартыновъ были чрезвычайно хороши; благодаря игрѣ г-жи Самойловой 1-й и участію этихъ трехъ артистовъ, миленькая оперетка удержится, кажется, на нашей сценѣ.

Передъ опереткою шелъ нелѣпый фарсъ *Притягательная сила* (La femme electrique), почти ошиканный публикою, не смотря на то, что гг. Мартыновъ и Марковецкій были въ немъ превосходны. — Послѣ же оперетки тянулась комедія: «20-лѣтній опекунъ», въ которомъ г-жа Самойлова 1-я явилась совершенно въ

другой роли и была граціозна, наивна, бладородна.... Къ-сожалѣнію, всѣ другія роли, за исключеніемъ роли Мартынова, разыгрывались какъ-то вяло, и образцовая игра двухъ лицъ не спасла хорошенькой, но дурно обставленной комедіи.

11) *Велизарій.* Упоминаемъ объ этомъ представленіи не для того, чтобы восхищаться снова нашимъ великимъ трагикомъ, которымъ роль Велизарія исполняется всегда съ изумительнымъ совершенствомъ, — но для того, чтобы сказать нѣсколько словъ о г. *Славинѣ*, тѣмъ съ бо́льшимъ правомъ, что единодушныя рукоплесканія всей публики и двукратный вызовъ его могутъ служить лучшимъ потвержденіемъ нашего мнѣнія объ этомъ даровитомъ артистѣ. И дѣйствительно, въ роли *Аламира*, въ которой умѣлъ быть нестерпимо-дурнымъ г. *Александровъ*, въ этой роли, выступающей изъ ряда обыкновенныхъ *благородныхъ* ролей выпадающихъ почему-то, къ-сожалѣнію, на долю талантливаго артиста Славина, онъ выказалъ тѣже самыя, смѣло скажемъ, блестящія средства, которыя въ прошломъ году возбудили такъ сильно общее участіе и завидное расположеніе къ нему петербургской публики. *Средства*, говорцмъ мы, ибо что́ же инаго можетъ выказать артистъ въ роли, которая ниже его таланта.... Только игра его и г-жи Дюръ и соотвѣтствовала игрѣ г. Каратыгина.

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

II.

МИХАЙЛОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

а) *Французскіе спектакли.*

1) LE DÉPIT AMOUREUX (Любовная досада); LÉCOLE DES FEMMES школа женщинъ); LES PRÉCIEUSES RIDICULES, comedies de ***Moliere***.

Собирать разсѣянныя по міру мысли и давать имъ форму—есть назначеніе геніевъ. Что̀ Гомеръ сдѣлалъ для героическихъ пѣсенъ Греціи, а Данте для католическихъ преданій среднихъ вѣковъ, то̀ сдѣлалъ Мольеръ для для всемірнаго разума: онъ собралъ все, что̀ могло составить полную картину жизни человѣческой. Не одинъ законодатель не очерчивалъ съ такою психологическою вѣрностію обязанности супруговъ, отцовъ семейства и дѣтей; никогда, ни однимъ словомъ, не противорѣчилъ онъ тѣмъ законамъ, на которыхъ должны основываться общественный порядокъ и общественное счастіе. Заслуги Мольера, какъ моралиста, достойны Пантеона. Не мѣсто здѣсь говорить объ заслугахъ этихъ, но мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи сказать о немъ хотя нѣсколько словъ. Да простятъ намъ читатели слишкомъ частое возвращеніе къ Мольеру, но мы такъ истомлены эфемерными водевилями, эффектными мелодрамами, что ради встрѣчѣ съ комедіей великаго мастера, какъ путникъ, свѣтлому оазису.

Три поименованныя піесы даны были не вмѣстѣ, но мы соединили ихъ подъ одну рубрику, потому что прочія, дававшіяся съ ними, были уже разбираемы въ нашемъ журналѣ.

Въ Dépit amoureux Мольеръ въ первый разъ попробовалъ коснуться сердца человѣческаго, и эта попытка вполнѣ удалась ему. Любовь не имѣла тайнъ для Мольера; онъ прочелъ всѣ страницы этой книги. Le Dépit amoreux представляетъ намъ любовь со всѣми ея причудами и странностями, сладкими несчастіями и милыми ссорами, главнымъ же основаніемъ комедіи служитъ ревность. Комедія эта состоитъ изъ пяти актовъ и игралась въ первый разъ въ 1654 году, въ Безьерѣ, у князя Конти, друга и

школьнаго товарища Мольера; теперь рѣдко даютъ ее вполнѣ. На Французскомъ-Театрѣ (Comedie Francaise) въ Парижѣ играютъ только два акта, а у насъ одинъ. Говорятъ, что Мольеръ заимствовалъ содержаніе ея у Итальянцевъ, и даже цитируютъ сочиненія, служившія ему образцами: La creduto maschio (Подложная дѣвушка) и Gli segni amorosi (Любовныя досады).

Les prècieuses ridicules есть первый шагъ Мольера на блестящемъ поприщѣ, усыпанномъ, такъ сказать, образцовыми произведеніями, въ которыхъ онъ достигъ, если не до предѣловъ искусства, потому что искусство безконечно, то, по крайней мѣрѣ, до возможныхъ граней его. Комедія эта осмѣиваетъ странности и претензіи современныхъ Мольеру женщинъ; она возстановила противъ своего автора многихъ современниковъ, между которыми были литераторы. — У насъ Les Précieuses ridicules давались въ бенефисъ Г-на Варле, и бенефиціантъ выполненіемъ своей роли заслужилъ всеобщее одобреніе.

L'école des femmes недавно переведена на русскій языкъ и, вѣроятно, будетъ даваться на нашей русской сценѣ. Въ этой комедіи моралистъ хотѣлъ доказать, что для того, чтобы сохранить любовь женщины, не только умной и опытной, но даже простоватой и невинной, не надо держать ее въ заперти, ибо рано или поздно любовь отопретъ замки, отодвинетъ засовы,

«Et donneras de l'esprit à la plus innocente.»

Мы должны отдать справедливость нашей французской труппѣ; Мольеровскія комедіи выполняются ею прекрасно. Не говоря уже о г жѣ *Плесси*, для которой доступны всѣ самыя сокровенныя тайны искусства, мы должны упомянуть о г-нѣ Варле и особенно о г-жѣ *Варле*.

Г-жа *Варле* до сихъ поръ еще не оцѣнена нашею публикою, а между тѣмъ она владѣетъ весьма замѣчательнымъ дарованіемъ. Лучшимъ доказательствомъ ея дарованія можетъ служить то, что она была *Societaire du I-r Theatre Français* въ Парижѣ. Чтобы достигнуть этой чести, надо выйти изъ ряда обыкновенныхъ сценическихъ дарованій, создать нѣсколько ролей, заслужить любовь публики и одобреніе журналовъ; согласитесь, что это не легко. Г-жа *Варле* особенно хороша въ роляхъ субретокъ старинныхъ французскихъ комедій. Можетъ быть, типъ этотъ не совсѣмъ понятенъ нашей публикѣ, но кто-же виноватъ въ этомъ?... Есть даже такіе люди, которые не понимаютъ, *что́ находятъ въ Мольерѣ... такого особеннаго*? (!).... Неудивительно послѣ этого, что для нихъ непонятенъ типъ Мольеровской субретки.

БЕНЕФИСЪ Г-НА А. РУЖЕ

и первый дебютъ дѣв. Ирмы Обри (M-lle Irma-Aubry), *бывшей артистки Парижскаго Театра Gymnase-Dramatique.*

LE VICOMTE DE LÉTORIERE (Виконтъ де Леторьеръ), vaudeville en 3 actes. — CLEMENCE OU LA FILLE DE L'AVOCAT (Дочь адвоката), comédie en 2 actes.

«Виконтъ де-Леторьеръ» очень веселый и забавный водевиль; вотъ вамъ его содержаніе:

Виконтъ де-Леторьеръ хорошъ, какъ пажъ Херубинъ, уменъ, какъ Пико де-ла-Мирандола, и благороденъ, какъ Монморанси, но не смотря на столько преимуществъ, онъ бѣденъ, какъ Лазарь, и принужденъ жить на чердакѣ, вмѣстѣ съ старикомъ учителемъ своимъ, который любитъ его безъ памяти и продаетъ свой праздничный кафтанъ, чтобы купить завтракъ своему воспитаннику. У Виконта есть тяжба съ однимъ изъ его кузеновъ, глупымъ и самодовольнымъ человѣкомъ, который не только что хочетъ отнять у героя нашего наслѣдство въ два милліона, но старается отбить у него и невѣсту. Чтобы одержать верхъ надъ соперникомъ своимъ, Виконту надо преодолѣть много трудностей: во 1-хъ добытъ себѣ новое платье, безъ котораго ему нельзя явиться въ парламентъ; во 2-хъ склонить на свою сторону того изъ совѣтниковъ парламента, которому поручена тяжба; въ 3-хъ понравится маршалу Субизу, дядѣ своей возлюбленной. Первый подвигъ герой нашъ совершилъ безъ труда; вмѣсто того, чтобы обратиться къ портному, онъ обратился къ хорошенькой женѣ его, и добылъ себѣ великолѣпнѣйшій костюмъ. Совершить второй подвигъ было не такъ легко, потому что совѣтникъ парламента былъ преданъ его сопернику и слылъ неподкупнымъ и правдивымъ человѣкомъ.

Къ счастію Виконта, у парламентскаго совѣтника есть горбатая племянница и библіотека древнихъ классиковъ; герой нашъ употребляетъ оба обстоятельства въ свою пользу. Это можетъ показаться вамъ удивительнымъ, но слушайте далѣе, и вы увидите, что ничего нѣтъ проще. Мать горбатой племянницы совѣтника, т. е. сестра его, по врожденной всѣмъ матерямъ страсти выдавать за мужъ уродливыхъ дочерей, беретъ подъ свое покровительство молодаго Виконта, какъ единственнаго человѣка, восхищающагося красотою ея дочери. Благодаря этому покровительству, Виконту удается добраться и до библіотеки и открыть,

что въ переплетахъ ея, вмѣсто глубокомысленныхъ изреченій старыхъ мудрецовъ, заключены фляги со старымъ виномъ и что имена Цицероновъ, Требоніановъ, Плиніевъ и Платоновъ прикрываютъ собою мадеру, ромъ, кипрское и французскую водку. Узнавъ, что совѣтникъ по ночамъ занимается въ своей библіотекѣ, Виконтъ является туда въ полночь, и застаетъ его за четвертой главой Требоніана, т. е. за четвертою чаркою рома. Застигнутый въ расплохъ, совѣтникъ поневолѣ признаётся во всемъ молодому Виконту, который съ помощію жены портнаго, имѣющей, по неизвѣстнымъ причинамъ, большую власть надъ совѣтникомъ, до того наполняетъ его всякою мудростію, что онъ совершенно пьянѣетъ отъ нея и соглашается рѣшить тяжбу въ его пользу. Итакъ, остается склонить на свою сторону маршала Субиза, и торжество Виконта будетъ полное. Для этого онъ вызываетъ на дуэль своего кузена и позволяетъ ранить себя. Супруга маршала проѣзжаетъ мимо мѣста битвы и находитъ героя нашего плавающимъ въ крови. Тронутая несчастіемъ и красотою Виконта, она привозитъ его въ свою отель и расточаетъ ему ласки и попеченія; герой нашъ приходитъ въ себя, но явившійся очень некстати кузенъ, разсказываетъ о дуэли, и ихъ обоихъ требуютъ на судъ маршаловъ. Чтобы выпутаться изъ этого новаго затрудненія, Виконтъ льститъ маршалу, говоря съ нимъ о его военныхъ подвигахъ. Судъ кончается арестованіемъ кузена, который проигрываетъ сверхъ того тяжбу и невѣсту.

Піеса была разыграна прекрасно; особенно хороши были: г-нъ Додель, въ роли совѣтника и г-жа Алланъ, въ роли жены портнаго. Въ первый разъ случилось намъ видѣть г-жу Алланъ въ такой роли, и признаемся, мы не ожидали, чтобы герцогиня Мальборо могла такъ удачно травестироваться. Дебютанка исполнила роль Виконта, которую она играла уже въ Парижѣ; мы не рѣшаемся высказать мнѣніе наше о ней теперь и подождемъ слѣдующихъ дебютовъ. Бенефиціантъ занималъ довольно незначительную роль, но не смотря, на это былъ прекрасно принятъ публикою.

Дочь Адвоката давно уже извѣстна публикѣ. Піеса эта принадлежитъ перу г-жи Ансло (Ancelot) и по нашему мнѣнію, это одна изъ неудачнѣйшихъ ея піесъ. Лице адвоката очерчено мастерски, но за то всѣ прочія лица пожертвованы главному, піеса растянута, наполнена неизмѣримо-длинными монологами, что дѣлаетъ ее утомительною, не смотря на интересъ интриги.

Г-нъ *Алланъ* въ роли адвоката былъ очень хорошъ. Г-жа *Плесси* занимала неблагодарную роль.

БЕНЕФИСЪ Г-НА Г. ВАРЛЕ.

LE NAUFRAGE DE LA MÉDUSE (Кораблекрушеніе фрегата Медузы), melodrame en cinq actes. — LES PRÉCIEUSES RIDICULES, comedie de *Molière*.

Вѣроятно всѣ читатели наши знаютъ страшную исторію гибели французскаго фрегата Медузы, которую обезсмертила кисть одного изъ лучшихъ французскихъ живописцевъ и о которой говорили всѣ современныя газеты и журналы. Изъ этой то исторіи вздумалось двумъ драматургамъ сдѣлать мелодраму, и мелодрама вышла вполнѣ эффектная; въ ней есть и абордажи, и брандскугели, и бури, и даже кораблекрушеніе! Драма поставлена прекрасно, а сцена кораблекрушенія, снятая съ упомянутой уже нами картины, такъ близка къ природѣ, какъ только можетъ быть близка къ ней подобная сцена.

О литературныхъ достоинствахъ этой піесы мы умолчимъ, et pour cause, что же касается исполненія, то мы особенно должны благодарить Гг. Руже и Готи, за вѣрное и отчетливое выполненіе занимаемыхъ ими ролей.

О комедіи Мольера *les Précieuses ridicules* мы говорили выше.

БЕНЕФИСЪ ГЛАВНАГО РЕЖИССЕРА ФРАНЦУЗСКОЙ ТРУППЫ, Г-НА ПЕЙСАРА.

1) L'HONNEUR CASTILLAN (Кастильская честь), drame. 2) L'ENFANT DU CARNAVAL (Дитя масляницы), vaudeville en deux actes avec un prologue. 3) LES TROIS SULTANES (Три султанши), comedie en trois actes, entremélé de danses.

L'honneur Castillan, есть ничто иное, какъ пятый актъ знаменитой драмы Виктора Гюго — *Hernani*. Драма эта изобилуетъ горячими возвышенными лирическими чувствами, но, къ несчастію, зиждится на чисто-фантастическомъ данномъ, и потому походитъ скорѣе на балладу, нежели на драму. Фанатически-религіозное вѣрованіе въ клятву, заставляющее Гернани отравиться въ самую счастливую минуту его жизни, конечно, очень странно; но какъ бы то ни было, однако же піеса имѣетъ много достоинствъ; характеры обаятельны даже въ самой ихъ идеализаціи. Драма Виктора Гюго есть драма воображенія; онъ занялъ ее у испан-

скихъ романсеросовъ, точно также, какъ нѣкогда отецъ новой драмы, Шекспиръ, занялъ у итальянскихъ хроникъ трогательную исторію Веронскихъ любовниковъ.

Образъ доньи Соль, нѣжнаго, любящаго и преданнаго созданія, дышитъ непреодолимою прелестью.... будитъ первые сны нашего сердца. Эта роль, лучше другихъ выдержанная, оттѣняетъ всю піесу г-на Гюго, какъ бѣлая гирлянда, лежащая на черной зелени кипорисовъ. Гернани и донъ-Рюи де-Сильва, олицетвореніе юношеской страсти и страсти шестидесятилѣтняго старика, соединяютъ въ себѣ всѣ желанія и сожалѣнія, всѣ радости и печали, всѣ порывы гнѣва и бѣшенства, этихъ двухъ противуположныхъ возрастовъ. Характеръ Карла V довольно вѣренъ, въ немъ легко узнать юношу, промѣнявшаго свою молодую, полную любви и предпріятій жизнь, на честолюбіе и корону, сердце на холодный гербъ, любимыхъ женщинъ на Германію, Францію и Испанію.

Роль Гернани занималъ г. Бертонъ, роль донъ Рюи Гомеза г. Удино, роль доны Соль г-жа Плесси. Г-нъ Бертонъ былъ недуренъ, г. Удино слабъ, г-жа Плесси прекрасна по обыкновенію. Сцена отравленія, трудная по длинотѣ своей, была исполнена г-жою Плесси съ возможнымъ совершенствомъ; наше удивленіе къ этой артисткѣ возрастаетъ съ каждой новою ея ролью. Упомянутая нами сцена была сыграна съ увлеченіемъ и притомъ съ полнымъ сознаніемъ роли — вещь для насъ необъяснимая!

L'enfant du carnaval чрезвычайно-забавный фарсъ, въ которомъ Гг. Додель и Верне смѣшатъ до слезъ; мы увѣрены, что эта піеса сдѣлается одной изъ любимѣйшихъ піесъ нашей публики.

Les trois Sultanes старая піеса, писанная, вѣроятно, для какой нибудь актрисы. Г-жа Плесси въ роли Француженки была настоящей Француженкой, г-жа Алланъ въ роли Испанки сдѣлала для нея все, что могла; г-жа Пажъ занимала незначительную роль и довольно неудачно спѣла какую то итальянскую арію Каррафы.

Театръ былъ полнехонекъ!

В. ПЕТРОВЪ.

---

b) *Русскіе спектакли.*

(Сообщено).

22-го ноября.

ДѢВИЦА ОТШЕЛЬНИЦА (роль Габріели занимала г-жа *Лаврова*); ВЛЮБЛЕННЫЙ РЕКРУТЪ (роль Рутли занимала восп. *Жулева*, роль Кетли г-жа *Розанова).*

Мы видѣли г-жу *Лаврову* въ первыхъ двухъ ея дебютахъ, въ роляхъ Мирандолины (Мирандолина) и Александры Егоровны (Русскіе въ Баденѣ). Небольшая еще непривычка къ сценѣ, какъ бы нѣкоторая неловкость, мѣшали ей нѣсколько; въ игрѣ ея видна была заученность и аффектація, было мало простоты, вообще замѣтна было натянутость разговора и жестовъ. Но все это истребилось при третьемъ ея дебютѣ. Роль Дѣвицы Отшельницы сыграла она *прекрасно*, такъ что даже опасное соперничество въ этой роли съ несравненной *Н. В. Самойловой* не только ни мало ей не повредило, но даже смѣлая и обдуманная игра ея послѣ такой даровитой артистки, много говорила въ ея пользу. Куплеты были спѣты очень мило, и многіе изъ нихъ были даже повторены единодушнымъ требованіемъ публики. Вообще теперь о г-жѣ *Лавровой* можно произнести рѣшительное и точное сужденіе: талантъ въ ней несомнѣнно есть, отъ нея зависитъ быть украшеніемъ нашей сцены и не переставать ревностно идти тѣмъ же путемъ, который несомнѣнно приведетъ ее въ храмъ извѣстности и — славы.

Влюбленный рекрутъ. То-же, что сказали о г-жѣ *Лавровой*, можно повторить и о *Жулевой*, игравшей тутъ мужскую роль рекрута Рутли, съ тѣмъ только измѣненіемъ, что у г-жи Лавровой уже видѣнъ талантъ и дарованіе, а отъ г-жи Жулевой еще зависитъ пріобрѣсти ихъ. Она имѣетъ всѣ средства, чтобы быть хорошей актрисой. Главное только, ей не нужно имѣть высокое понятіе о своемъ талантѣ, а напротивъ, должно постояннымъ изученіемъ и вниманіемъ стараться пріобрѣсти и развить его. Въ игрѣ ея замѣтна уже теперь какая-то небрежность и невниманіе; что же можетъ быть послѣ, если она будетъ продолжать слушать увѣренія о ея дарованіи. Мы постоянно слѣдили за ея

игрой во время прежнихъ ея дебютовъ, и вездѣ должны отдать передъ нею преимущество г-жѣ *Розановой*, съ которой она почти всегда играетъ. Такъ, напримѣръ, въ «Новичкахъ любви» (роли Полиньки и Вариньки), въ «Вѣчномъ Жидѣ» (роли Розы и Бланки), и теперь въ «Влюбленномъ рекрутѣ» (роли Рутли и Кетли). Г-жа *Розанова*, при очень миленькомъ голоскѣ, обладаетъ еще порядочнымъ дарованіемъ. Въ ней видно стараніе и, главное, усовершенствованіе. Еслибъ не нѣкоторая робость на сценѣ, которая, безъ сомнѣнія, скоро пройдетъ, г-жа *Розанова* и теперь могла бы часто являться съ большимъ успѣхомъ въ роляхъ молоденькихъ дѣвушекъ, институтокъ и проч.; по нашему мнѣнію, ей бы слѣдовало испытать себя въ роляхъ субретокъ; мы думаемъ, что она прекрасно передала бы типъ молоденькой вѣтренной служанки-плутовки, въ родѣ Лизы (Горе отъ ума). Я не говорю объ Мольеровскихъ, тамъ требуется бойкости, даже нѣкотораго нахальства; типъ ихъ съ успѣхомъ выполняетъ г-жа Варле на нашей французской сценѣ; но не такихъ бы совѣтывали мы играть г-жѣ Розановой. Съ нетерпѣніемъ дожидаемъ слѣдующихъ ея ролей, и заранѣе увѣрены, что откроется въ ней новый оттѣнокъ ея изученія и старанія. Что же касается до г-жи *Жулевой*, то ей совѣтуемъ отъ всей души прилежнѣе заниматься своимъ искусствомъ, и не цѣпить свое дарованіе по нѣкоторымъ хлопаньямъ и вызывамъ партера, который радъ всегда стараться, увидѣвъ на сценѣ новое и хорошенькое личико.

А. АНДРЕЕВЪ.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО
ТЕАТР ДРАМЫ

ОГЛАВЛЕНІЕ XVI ТОМА.

КНИЖКА ДЕСЯТАЯ.

стр.

I. Прости. Стихотвореніе *А. А. Фета* 7

II. Матеріалы для исторіи театра. Русская драма и русская сцена. Статья *А. Григорьева*. — Замѣчательный благородный спектакль въ Москвѣ. Статья *М. Н. Макарова*. 8

III. Къ***. Стихотвореніе *А. Григорьева* 17

IV. Одинъ изъ многихъ. Созданіе женщины. Эпизотъ третій *А. Григорьева*. 18

V. Вѣрный конь. Стихотвореніе *А. М* 42

VI. Месть. Повѣсть *А. Сазонова* 45

VII. Гроза. Стихотвореніе *А. М.* 68

VIII. Графиня Клара д'Обервиль. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Переводъ съ французскаго. 69

IX. Дума. Стихотвореніе *А. Славина* 143

X. Англійскій пистолетъ. Разсказъ. 145

XI. Улетѣвшей. Стихотвореніе *А. С.* 169

XII. Елена, или она замужемъ. Комедія-водевиль въ одномъ

стр.

дѣйствіи. Передѣланная съ французскаго *П. С. Ѳедоровымъ*. 171

XIII. Юмористика. Сцены изъ жизни доморощеннаго генія. Статья *П. Прот—ова* 209

XIV. Смѣсь. Двѣ примадонны.—Приключеніе съ г-жею Дорваль. — Слухи о Россини. — Бѣда отъ люстры. — Мужество одной актрисы. — Рашель въ Лондонѣ. — Ссора Гризи съ оркестромъ лондонскаго театра. — Слухи о Женни-Линдъ. — Театръ Одеона. — Новый способъ театральныхъ поощреній. — Анекдоты и мелочи. . . 218

КНИЖКА ОДИНАДЦАТАЯ.

I. Мой челнокъ *(пѣсня изъ Беранжэ)*. *А. Григорьева* . . 233

II. Матеріалы для исторіи театра. Русская драма и русская сцена, *А. Григорьева* 236

III. Артисткѣ. Стихотвореніе *А. Григорьева* 242

IV. Черкешенка. Повѣсть 343

V. Есть у души высокія мгновенья. Стихотвореніе *А. С.* . 293

VI. Комедія съ дядюшкой. Оригинальная шуточная оперетка-водевиль въ одномъ дѣйствіи *П. И. Григорьева* 1-го. 294

VII. Страсть и поэзія. Стихотвореніе *А. С.* 324

VIII. Ворона въ павлиныхъ перьяхъ, или слуга-графъ, графъ-слуга. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ французскаго. 326

IX. Покойная ночь, или суматоха въ шербаковомъ переулкѣ. Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ французскаго. 351

X. Юмористика. Отрывокъ изъ дневника молодаго писателя. *Ник. Прот—ва*. 370

XI. Смѣсь. *Фельетонъ*. Современные петербургскіе интересы вообще. Натуральная и ненатуральная школа. — Сюжетъ для будущаго Аристофана. — Итальянская

стр.

опера и сочувствіе къ музыкѣ. — Циркъ Лежара и Гверы. — Жалобы иностранцевъ на Россію. — Театральные слухи и бенефисныя новости. — Исторія ссоры г-жи Рашель съ Французскимъ-театромъ. — Пуфъ объ Александрѣ Дюма.—Колдуны въ Парижѣ.— Біографія пѣвца Колетти. — Анекдотъ о настоящемъ Штраусѣ.—Охотникъ за львами.—Воздухоплаватель.— Анекдотъ объ актерѣ Манжо. — Разныя извѣстія . . 374

КНИЖКА ДВѢНАДЦАТАЯ.

I. Рождество христово. Стихотвореніе *Долганова*. . . . 401
II. Матеріалы для исторіи театра. Русская драма и русская сцена, *А. Григорьева* 404
III. Разбойникъ. *(Баллада Вальтера-Скотта)* 410
IV. Красноярскій купецъ. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, *Н. Акселя* 412
V. Элегія. Стихотвореніе *П. К* 452
VI. Маскарадъ въ оперномъ-театрѣ или проказы женатаго. Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, переводъ съ французскаго *А. Н. Андреева* 454
VII. Была пора, друзья коварные. Стихотвореніе *П. К* . . . 505
VIII. Черкешенка. Повѣсть. *(Окончаніе)* 506
IX. Юмористика. Торжество супружеской вѣрности или Мексиканцы въ Лапландіи, оперное либретто. *Жулевистова*. 585
X. Смѣсь. *Фельетонъ*. Ссора m-lle Рашель съ г-мъ Бовале.— Превращеніе контръ-альта въ теноръ. — Факты, доказывающіе вліяніе музыки. — Актеръ Офманъ и англійскій мошенникъ. — Сборъ французскихъ-театровъ. — Кредиторы и публика. — Фанни-Эльслеръ въ Римѣ.— Болѣзнь по заказу.—Пожаръ Гаррикова театра въ Лондонѣ. — Венгерская публика.—Мужъ возмутитель общественнаго спокойствія. —Балаганная вывѣска . . . 605

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

СЕНТЯБРЬ.

стр.

I. Иностранныя театры. — Парижскіе. 1

II. Русскіе театры.

1) С. Петербургскіе.

Александрынскій театръ. *А. Григорьева*. 5

Каменно-островскій театръ. *В. Петрова* 13

Михайловскій театръ.

a) Французскіе спектакли *В. Петрова*. 15

b) Нѣмецкіе спектакли. *В. Петрова* 19

2) Провинціальные театры.

Ярославскій театръ 20

Театръ въ Ростовѣ 31

ОКТЯБРЬ.

I. Иностранные театры. — Парижскіе. — Лондонскіе . . 37

II. Русскіе театры.

С. Петербургскіе.

Александрынскій театръ. *А. Григорьева*. 67

Михайловскій театръ.

a) Французскіе спектакли. *В. Петрова* 79

b) Нѣмецкіе спектакли. *В. Петрова* 83

c) Большой театръ. *А. А.* 84

НОЯБРЬ.

I. Иностранныя театры. — Парижскіе. 87

II. Русскіе театры.

С. Петербургскіе.

Александрынскій театръ. *А. Григорьева*. 98

Михайловскій театръ.

a) Французскіе спектакли. *В. Петрова*. 112

b) Русскіе спектакли *А. Андреева* 113

7011
7959.